

С. В. ЮШКОВЪ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРИИ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ

НА СѢВЕРѢ РОССІИ

ВЪ XV—XVII ВВ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введеніе	1—7
Г л а в а I. Приходы мірскихъ церквей.	8—41
Отличительныя черты мірской церкви. Міръ и церковь. Міръ—какъ религіозная община. Организация церквей и приходоѡ. Церковныя имущества и земли. Хозяйство церкви. Автономія религіозныхъ общинъ. Комитенція мірскихъ сходовъ. Дѣлопроизводство. Церковныя старосты, ихъ права и обязанности.	
Г л а в а II. Приходы мірскихъ церквей (продолженіе).	42—74
Характеристика духовенства на Сѣверѣ. Роль и значеніе причта въ приходахъ мірскихъ церквей. Доходы духовенства и экономическое положеніе. Приходъ, какъ юридическое лицо. Процессъ дробленія приходоѡ. Часовенныя приходоѡ. Часовни, ихъ постройка. Завѣдываніе часовеннымъ хозяйствомъ и органы часовеннаго прихода. Часовенный староста. Причтъ и часовенные прихожане. Приходъ и волость. Приходъ въ смыслъ мелкой земской единицы.	
Г л а в а III. Приходы церквей вотчинниковыхъ	75—89
Греческія ктиторіи и церкви вотчинниковъ въ Новгородѣ и на Сѣверѣ. Приходскій строй вотчинниковыхъ церквей. Вотчинникъ и ктиторское право. Значеніе прихожанъ и причта.	
Г л а в а IV. Приходъ-монастырь	90—109
Монастыри на Сѣверѣ, ихъ существенныя черты. Просвѣтительная и благотворительная дѣятельность монастырей. Черно-тяглыя монастыри и пустыни. Приходъ-монастырь; органы завѣдованія: черныи совѣтъ, мірской сходы, церковный староста и настоятель. Отдѣленіе прихода отъ монастыря. Причины этого отдѣленія.	

Г л а в а V. 'Приходъ-уѣздъ.	110—134
--------------------------------------	---------

Уѣздное земское общество и автономія приходоѡ. Земскія церкви. Уѣздъ—приходъ и епархіальная власть. Соборныя и ружныя церкви. Постройка соборныхъ и ружныхъ церквей. Завѣдываніе соборными церквами. Соборъ въ Великомъ-Устюгѣ. Соборы въ другихъ Сѣверныхъ городахъ. Роль земства и всеуѣздная земская церковная организація. Привиллегіи соборныхъ церквей и соборнаго прпчта. Заключение.

В В Е Д Е Н І Е.

Вопросъ о приходахъ, несмотря на пробудившійся интересъ къ нему въ послѣднее время, нельзя считать разработаннымъ. Правда, мы имѣемъ рядъ статей А. А. Папкова, но, къ сожалѣнію, его труды имѣютъ конспективный характеръ. Не разработана и «догма» прихода, не подвергнута юридическому анализу сущность и основанія прихода и т. д. ¹⁾). Между тѣмъ, нельзя

¹⁾ Лишь въ последнее время въ статьѣ проф. Заозерскаго приступлено къ этому анализу и результаты этого догматическаго разсмотрѣнія сразу же оказались благотворными. (Богословскій Вѣстникъ, 1911 г. № 11, стр. 533—561, № 12, стр. 659—687).

Библиографическія свѣдѣнія по исторіи приходской жизни:

Знаменскій. Приходское духовенство на Руси (Православное Обозрѣніе, 1866—1867 г.).

Его же. Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Казань. 1873.

Панковъ. Древне-русскій приходъ (Богословскій Вѣстникъ 1897 г., №№ 2—4.).

Его же. Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ (Русскій Вѣстникъ. 1898 г. ноябрь, декабрь).

Арх. Сергій. Черты церковно-приходскаго и монастырскаго быта по писцовымъ книгамъ Вотской пятины. СПб. 1905 г.

Верюжскій. Аванасій, архіепископъ Холмогорскій и Важскій, СПб. 1908 г.

Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII в., т. II, стр. 19—52. М. 1913 г.

Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, п. 1, стр. 377 и дал. 2 изд. М. 1901 г.

Никитскій. Очеркъ внутренней исторіи Пскова. СПб. 1873 г.

Его же. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. СПб. 1879 г.

не видѣть важности разработанной исторіи приходской жизни. Значеніе ея возрастаетъ у насъ, на Руси, по многимъ причинамъ.

Во 1-хъ, русскій приходъ до XVIII в. былъ болѣе, чѣмъ приходомъ: онъ былъ мелкой земской единицей, иногда—міромъ, онъ имѣлъ не только церковное значеніе, но и государственное; функціи земскаго самоуправленія и удовлетвореніе религіозныхъ потребностей переплетались въ приходѣ; поэтому, безъ изученія приходской жизни нельзя освѣтить полностью организацію и многія стороны дѣятельности земскаго самоуправленія (на Сѣверѣ).

Во 2-хъ, безъ подробной и детальной исторіи приходской жизни нельзя изучить многихъ крупныхъ явленій церковной

Павловъ-Сильванскій. Полное Собраніе сочиненій, т. III, стр. 69—72. СПб. 1910 г.

Бердниковъ. О протестанскомъ и православномъ приходѣ въ Финляндіи. СПб. 1908 г.

Его-же. Краткій курсъ церковнаго права православной церкви. Вып. 2, стр. 96—148. Казань. 1913 г.

Мищенко. Церковное устройство Христіанскихъ общинъ (парокій) II и III вѣка (Труды Кіевской Академіи, 1908 г., декабрь).

Геромонахъ Михайль. Очеркъ преобразованія строя церковной жизни въ Константинопольскомъ патріархатѣ въ 1858—1900 г. (Православный Собесѣдникъ, 1902 г., июнь, стр. 79—94).

L. Thomassinus. Vetus et nova ecclesiae disciplina circa beneficia. P. I, l. 2, c. 21—28. P. 1688.

G. Maurer. Geschichte Marken Verfassung in Deutschland. § 51. Erlang. 1856.

J. Bohmer. Jus parochiale. Halae. 1760.

I. Schfolda. Die parochialrechte. Stutt. 1846.

D. Bouix. Tractatus de parochia. Paris. 1880.

Imbart de la Tour. Les paroisses rurales du IV au XI siecle. Paris, 1900.

Schäfer. Pfarrkirche und Stift in deutscher Muttelalter. Stutt. 1903.

Künstle. Der Pfarrei und ihr Recht zu Ausgang des Mittelalters auf Grund der Weistümer. Stutt. 1905.

Helfert. Von den Rechten und Pfligten der Pfarrer und deren Gehülfen und Stellvertreter. Prag 1832.

Seitz. Das Recht des Pfarramtes in der kathol. Kirche. Regensb. 1840—55.

Marie. Traité du régime legal des paroisses cathol. Rennes. 1892.

Lesêtre. La paroisse. Paris. 1907.

жизни;—напр., развитіе и укорененіе раскола въ Сѣверномъ краѣ объяснимо до конца лишь въ томъ случаѣ, если мы примемъ во вниманіе существовавшую организацію прихода, именно, «автономію» религіозныхъ общинъ, граничащую съ производомъ.

Въ 3-хъ, безъ точнаго знанія организаціи прихода нельзя изучить исторію приходскаго духовенства, его экономическаго и бытового положенія; нельзя разрѣшить многихъ темныхъ вопросовъ изъ исторіи «церквей», какъ таковыхъ, напр., имущественно-правового ихъ положенія: нельзя понять различіе церквей ружныхъ, соборныхъ, вотчинниковыхъ и т. д.

Однимъ словомъ, вопросъ о приходахъ заключаетъ, какъ бы въ скобкахъ, многіе вопросы церковной исторіи и права.

Особенно же велико значеніе прихода на Сѣверѣ Россіи въ XV—XVII вв. Приходъ на Сѣверѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранилъ черты древне-русскаго приходскаго строя подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ, изъ коихъ самая важная—дарованіе Московскимъ правительствомъ земскаго самоуправленія; да и не только основныя черты приходской жизни, но и вообще всѣ самобытныя черты древней церкви и культуры Новгородца и его владѣній, были закрыты консервативными порядками земскаго самоуправленія отъ постороннихъ вліяній.

Правда, самоуправленіе не спасло Сѣверъ отъ тягла и его важныхъ послѣдствій, но приходскій строй и вообще церковно-общественная жизнь была предоставлена свободной самобытности до самаго 1682 г., года учрежденія Холмогорской и Устюжской епархіи. Въ то время, какъ въ остальной Россіи произошли тѣ или пнія реформы въ строй приходской жизни, напротивъ, существенныя черты Сѣвернаго прихода,—наслѣдія Новгородскихъ порядковъ, остались нетронутыми, такъ какъ всякое посягательство епархіальной власти или высшей церковной на автономію религіозныхъ общинъ разсматривалось, какъ нарушеніе земской автономіи, и вызывало со стороны земскихъ учреждений рядъ жалобъ и челобитныхъ, гдѣ земскіе люди просили царя сохранить то, «что истари повелось у нихъ». И Московскіе государи существовавшей порядкомъ охраняли.

Другой причиной обособленія Сѣвера и, отсюда, сохраненіе

древне-русскаго строя приходской жизни является «удаленность» его отъ епархіальной и высшей церковной власти.

Какъ извѣстно, уже съ самаго древняго времени Сѣверъ явился мѣстомъ колонизаціи новгородскихъ поселенцевъ; благодаря этой колонизаціи, къ Софійскому Дому постепенно стала «тянуть» громадная, неопредѣленная по своимъ границамъ, площадь, постоянно увеличивавшаяся, и постоянно «удалявшаяся» отъ архіепископской власти. Естественно, что, по мѣрѣ удаленія отъ Новгорода, сѣверные «богомольцы» утрачивали всякую связь съ епархіей.

Повидимому, церковная власть давно уже обращала вниманіе на это ненормальное положеніе, и уже на соборѣ 1667 г. былъ выдвинутъ вопросъ объ учрежденіи епископскихъ каедръ на Сѣверѣ; но это намѣреніе получило практическое осуществленіе лишь на соборѣ 1682 г., когда горячимъ сторонникомъ и защитникомъ учрежденія сѣверныхъ епископскихъ каедръ явился самъ царь, Федоръ Алексѣевичъ; благодаря его настояніямъ каедры Холмогорская и Великоустюжская были, наконецъ, учреждены, были поставлены и епископы, которымъ было вмѣнено въ обязанность реформировать приходскій строй, учредить надзоръ за крайне распущеннымъ приходскимъ духовенствомъ, разрѣшить многіе запутанные вопросы церковно-имущественнаго характера и т. д. ¹⁾

Архіепископомъ Холмогорскимъ и Важскимъ былъ назначенъ Аонасій—человѣкъ, безусловно, рѣшительный, энергичный; онъ непреклонно провелъ свои намѣченные реформы приходскаго строя, въ корнѣ разрушившія автономію религіозныхъ общинъ, и вообще привелъ свою епархію въ надлежащій порядокъ

Что же касается до Великоустюжской епархіи, то назначенный туда архіепископъ Геласій, повидимому, боялся навлечь на себя неудовольствіе земскихъ міровъ, особенно вліятельныхъ въ Великомъ Устюгѣ; его реформы проводились бюрократическими мѣрами: посылались строгіе указы, читались въ назиданіе прихожанамъ и только: его реформы были реформами на словахъ, а не

¹⁾ Покровскій. Русскія епархіи въ XVI—XIX в., т. I. стр. 371. Верюжскій. Аонасій, архіепископъ Холмогорскій и Важскій, стр. 66—81.

на дѣлѣ. Послѣ смерти его былъ назначенъ на Великоустюжскую кафедру архіепископъ Александръ; по характеру своему онъ приближался къ архіепископу Аванасію, но, видимо, не имѣлъ вліянія въ Москвѣ. Архіепископъ Александръ окончилъ реформы, только намѣченные архіепископомъ Геласіемъ, при явной оппозиціи земства и представителя правительственной власти (воеводы Клинки); земство завело съ преосвященнымъ тяжбу, которая велась очень долго съ переменнымъ успѣхомъ и была окончательно рѣшена въ царствованіе Петра Великаго.

Таковы были причины сохраненія древне-русскихъ началъ въ Сѣверномъ приходѣ... Конечно, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что Сѣверъ подъ вліяніемъ благоприятныхъ условий развилъ черты Новгородскихъ порядковъ; и это развитіе имѣетъ какъ разъ большой интересъ: то, что было трудно понимаемо и спорно въ первоначальной стадіи развитія, стало вышукло и ярко въ спокойно-прогрессирующемъ развитіи. Въ этомъ кроются причины, почему привлекалъ и будетъ привлекать Сѣверъ вниманіе изслѣдователей русской культуры; Сѣверъ является, такъ сказать, тихой заводью русской жизни, чуждой «реформамъ» Московской эпохи, спокойной отъ политическихъ бурь.

Что же касается характерныхъ чертъ сѣверной приходской жизни, то обращаетъ вниманіе, такъ сказать, приходская автономія—церковное самоуправленіе приходскихъ общинъ, почти безъ всякаго (фактически) вмѣшательства въ приходскія дѣла епархіальной церковной власти. На почвѣ этой приходской автономіи стало вырабатываться понятіе о земской «церкви», какъ совокупности церквей и автономно-самоуправляющихся религіозныхъ общинъ въ предѣлахъ даннаго земскаго округа (уѣзда).

И въ организаціи церквей мы имѣемъ много особенностей, отразившихся и на организаціи и строѣ религіозныхъ общинъ, группирующихся вокругъ нихъ и прикрѣпленныхъ къ нимъ. Сообразно этимъ особенностямъ приходы на Сѣверѣ можно раздѣлить на нѣсколько видовъ.

Самымъ распространеннымъ видомъ приходовъ на Сѣверѣ являются приходы мірскихъ церквей, гдѣ церковь построена иждивеніемъ міра, гдѣ она—«строеніе мірское».

Когда же сѣверные «богомольцы», не довольствуясь церквами,

строили часовню, вокруг которой концентрировались нѣкоторыя стороны религіознаго общенія, то это своеобразное подобіе прихода называлось часовеннымъ приходомъ.

Слѣдующимъ видомъ является приходъ—монастырь, то есть, такое церковно-общественное отношеніе, гдѣ къ одному храму прикрѣплялись для религіознаго общенія монастырь и обыкновенная религіозная община.

Въ отличіе отъ предыдущихъ видовъ прихода, гдѣ міряне играли главенствующую роль, существовали еще, такъ называемые, приходы церквей вотчинниковыхъ, гдѣ право безконтрольнаго распоряженія церквами принадлежало вотчинникамъ, строившимъ ихъ своимъ иждивеніемъ.

Наконецъ, много интереснаго представляли приходы ружныхъ и соборныхъ церквей. Соборныя церкви строились земствомъ или «уѣздными богомольцами» даннаго земскаго округа; онѣ объединяли религіозныя общины всего уѣзда; земствомъ давалась руга,—денежное пособіе, собираемое съ уѣздныхъ же богомольцевъ; естественно, что это обстоятельство отразилось и на завѣдываніи этими церквами; именно, во многихъ отношеніяхъ имѣло значительное вліяніе земство.

Конечно, эти виды церквей и приходовъ не являются (за исключеніемъ соборныхъ и ружныхъ церквей) какими-нибудь особенными видами для Сѣвера. Всѣ они встрѣчались и въ эпоху Новгородскихъ пятинъ, и не только на Русѣ, но и въ другихъ христіанскихъ странахъ и церквахъ, напр., въ Византіи, въ Германіи, во Франціи и т. д. Не является чѣмъ-нибудь особеннымъ и приходская автономія міра¹⁾: но для Сѣвера является характернымъ тотъ основной принципъ, которому подчиняются отдѣльныя проявленія приходской жизни, который опредѣляетъ и завѣдываніе приходомъ и завѣдываніе церковными имуществами и лежитъ въ основѣ упомянутой автономіи и ея понятія «земской церкви» и т. д.

Этотъ принципъ заключается въ слѣдующемъ: церковь, по

¹⁾ См., напр., Павловъ-Сильванскій. Полное собр. сочиненій, т. III, стр. 69. Автономія прихода мірскихъ церквей наблюдается и въ Германіи и во Франціи и т. д. см. G. Maurer. Gechichte der Marken Verfassung, § 51.

миѣнію сѣверныхъ земскихъ людей, является собственностью строителя, кто бы онъ ни былъ: міръ ли, часть міра, вотчинникъ, купецъ, священникъ и т. д., или, иными словами, на Сѣверѣ проявляется «принципъ частно-правности» отношеній между религіозной общиной (строительницей) и церковью.

Если приять это во вниманіе, то многія характерныя явленія будутъ понятны: понягнѣ автономія прихода, такъ какъ міръ, строитель, имѣющій церковь - собственность, конечно, долженъ имѣть и право распоряженія этой мірской собственностью и т. д.

Эта частно-правовая точка зрѣнія, конечно, не раздѣлялась ни епархіальной, ни высшей церковной властью; не раздѣлялась она и лучшими земскими людьми и весь смыслъ послѣдующихъ реформъ и заключается какъ разъ въ томъ, что архіепископы внесли публично-правовые принципы въ церковно - приходскія отношенія.

Главнымъ матеріаломъ для нашего изслѣдованія послужили документы, изданныя Императорскою Археографическою Комиссіей въ XII, XIV и XXV томахъ Русской Исторической Библіотеки. Приняты во вниманіе и документы, напечатанные въ Приложеніяхъ къ указанному вышетъ руду проф. Богословскаго.

Въ заключеніе приношу искреннюю благодарность моему учителю, проф. Владиміру Николаевичу Бенешевичу, за тѣ цѣнныя указанія, кторыми я пользуюсь при разработкѣ вопроса.

ГЛАВА I.

Приходы мірскихъ церквей.

Отличительныя черты мірской церкви.—Міръ и церковь.—Міръ, какъ религіозная община.—Организація церквей и приходо́въ.—Церковныя имущества и земли.—Хозяйство церкви.—Автономія религіозныхъ общинъ.—Компетенція мірскихъ съходовъ.—Дѣлопроизводство.—Церковные старосты, ихъ права и обязанности.

1.

Приходы мірскихъ церквей, какъ упомянуто, были наиболѣе типичными для Сѣвернаго края; автономія мірскаго прихода отвѣчала мірскому міровоззрѣнію, воспитанному на земскомъ самоуправленіи, и была своего рода идеаломъ церковно-приходской жизни, по мнѣнію сѣверныхъ мірскихъ людей.

Какія черты считались характерными для мірской церкви? У насъ какъ разъ имѣется характерный документъ, откуда на этотъ вопросъ можно отвѣтить съ исчерпывающей полнотой, именно, «списокъ» съ «дѣла», гдѣ представитель земскаго міра «искалъ» съ нѣкагого вотчинника, неправильно завладѣвшаго мірскою церковью и пользовавшагося ею ¹⁾).

Изъ этого документа мы видимъ, что отличительными признаками мірской церкви являются:

1. Постройка церкви иждивеніемъ мірскихъ богомольцевъ—«волоцанъ» и притомъ ихъ совокупными усиліями. Постройка церкви на средства церковной казны, безъ принятія участія со стороны міра, еще не считается достаточнымъ: такъ, вотчинникъ въ спорѣ съ земскими представителями возражаетъ:

¹⁾ Русская Историческая Библіотека т. XIV, № IХІХ, стр. 1153.

... «И другую церковь... иконы и колокола построилъ не мірскимъ строеніемъ, а... Спасовой казной», т. е., казной оспариваемой церкви ¹⁾).

Отсюда вытекаетъ формальное условіе: для доказательства, что данная церковь есть, дѣйствительно, строеніе мірское, требуется, чтобы въ благословенныхъ «храмозданныхъ» грамотахъ, посылаемыхъ архіепископами, благословлялись строить храмъ, именно, мірскіе люди.

Итакъ міръ—строитель церкви. Остановимся же теперь на понятіи «міра».

Установленіе этого понятія, такъ сказать, «теорія» міра подробно и основательно разработана проф. Богословскимъ, и если есть въ этой «теоріи» какія-нибудь недомолвки, то онѣ заключаются лишь въ томъ, что почтеннымъ авторомъ не отгѣнена надлежащимъ образомъ социальная природа міра ²⁾).

По его словамъ, надъ отдѣльными союзами, преслѣдующими личное благо лицъ, входящихъ въ этотъ союзъ, или, иными словами, надъ отдѣльными частно-правовыми союзами возвышаются и эти союзы замыкаютъ, союзы, преслѣдующіе интересы общаго блага. Эти союзы называются «міромъ»—по народной терминологіи. Міръ, съ этой точки зрѣнія, является хранителемъ права и нравственности, именно, общаго права, накопленнаго и закрѣпленнаго вѣковымъ интуитивнымъ правосознаніемъ. Міръ является истолкователемъ и примѣнителемъ этого права въ каждомъ конкретномъ случаѣ, т. е., является судьей—грознымъ и неумолимымъ до стихійности. Міръ заботится объ удовлетвореніи духовно-религіозныхъ потребностей своихъ членовъ: строитъ церкви, содержитъ причтъ и т. д. Съ другой стороны, какъ и всякій союзъ, міръ является производителемъ труда, который является не подъ силу отдѣльнымъ членамъ или частно-правовымъ союзамъ, входящимъ въ его составъ. Благодаря этому коллективному труду, міръ принужденъ владѣть мірскимъ имуществомъ, которое онъ защищаетъ или отъ посягательства отдѣль-

¹⁾ Р. И. Б. т. XIV. № LXIX, стр. 1158.

²⁾ Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII в. т. I, 1909 г. стр. 192—199.

ныхъ членовъ, входящихъ въ его составъ, или отъ посягательствъ другихъ, подобныхъ ему, публично-правовыхъ союзовъ; такимъ образомъ, міръ является юридическимъ лицомъ — субъектомъ правъ.

Когда появилось государство, оно нашло эти міры (безразлично къ терминологіи) уже сложившимися, отнеслось къ нимъ покровительственно и стало приспосабливать къ своимъ государственнымъ цѣлямъ. И міры къ этому отнеслись миролюбиво и спокойно, ибо цѣли этихъ соціальныхъ группъ совпадали: онѣ преслѣдовали общее благо... Это особенно относится къ Русскому Государству, страдавшему какой-то стихійной децентрализаціей: государство оставляло міры, какими бы историческими пережитками они не представлялись.

Итакъ, основной и характерной чертой міра является преслѣдованіе общаго блага. Съ этой точки зрѣнія, міръ, по нашему мнѣнію, является соціальнымъ отношеніемъ. И если это соціальное отношеніе разсматривать съ точки зрѣнія государственно-правовой, поскольку ему, міру, государство поручаетъ осуществленіе государственныхъ функцій, то міръ является властью, станомъ и т. д. Если это соціальное отношеніе разсматривать съ точки зрѣнія церковно-канонической, то это отношеніе является приходомъ. Если же, наконецъ, мы будемъ разсматривать міръ съ точки зрѣнія частнаго права, то міръ является юридическимъ лицомъ, властвующимъ имуществомъ; а такъ какъ имущество это заключается, главнымъ образомъ, въ землѣ, то міръ является поземельной общиной.

Такимъ образомъ: міръ единъ, но троиченъ въ своихъ проявленіяхъ.

Удовлетвореніе религіозныхъ потребностей было всегда объединяющимъ стимуломъ всѣхъ союзовъ частно-правового порядка, было всегда причиной превращенія этихъ союзовъ въ союзъ публично-правовой — въ міръ.

И постройка церкви, и образованіе религіозной общины немедленно же дробило міръ на нѣсколько частей по числу религіозныхъ общинъ — приходовъ.

2. Вторымъ условіемъ признанія церкви мірскою является постройка ея на крестьянской землѣ, которая отводилась міромъ.

подъ церковь. Это можно вывести изъ слѣдующаго возраженія вотчинника:

«... а на которой де землѣ стоятъ церкви, та земля въ писцовой книгѣ писцевъ Никиты Вышеславцева съ товарищемъ написана за Рудачкомъ Ожеговымъ и на ту землю дана данная за печатью и приписью» ¹⁾).

Отсюда, опять таки, недостаточно, если церковь будетъ построена на землѣ какого-нибудь мірскаго «волощанина», а требуется общее пожертвованіе подѣ погостѣ, именно, мірскаго земли.

3. Третьимъ признакомъ мірскаго церкви является постройка ея «прихожанами». Такъ, представитель земскаго самоуправления въ спорѣ съ вотчинникомъ приводитъ это условіе:

«Истець Грѣшка Мыльниковъ слаица на прежнее челобитье, какъ писался отецъ ево, Степка, съ мірскими людьми въ челобитной на прежнихъ старостъ... писался той земли съ церквами прихожаниномъ» ²⁾).

4. А отсюда въ отличіе отъ церковей вотчинниковъ, вытекаетъ и послѣдній признакъ мірскаго церкви, именно, цѣль ея созданія—религіозное общеніе.

Представляется интереснымъ описать внѣшній видъ церкви и церковнаго поселка, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ подробныя описанія писцовъ. Беремъ два примѣра:

«На рѣкѣ на Лодми погостѣ, а на погостѣ церкви. Георгія Страстотерпецъ древяна клѣтцкѣ, а въ церкви образы и свѣчи и книги и ризы и колокола и всякое строеніе мірское, да на погостѣ же дворъ пономарь Стефанко. Того же погоста половина деревни, часовенская: дв. попъ Никита, дв. церковный дьячокъ Прошка Оедоровъ» ³⁾).

Или: «Въ Андреяновомъ стану погостѣ Вознесенскій, а на погостѣ церковь Христова Воскресенье вверхъ, а другая теплая Введеніе Пречистые Богородицы; обѣ церкви древяны, а въ церквахъ образы и свѣчи и книги и ризы и колокола—все строеніе мірское.

¹⁾ Р. И. Б. т. XIV, № LXIX, стр. 1159.

²⁾ Ibid., стр. 1165.

³⁾ Ibid., № LXVII, стр. 126.

Да на погостѣ же дворъ поць Левонтій, дв. поць Потапей, дв. церковный дьячокъ Федка Васильевъ Поповъ, дв. проскурница Евдокія, дв. бобыль Ивашко Яковлевъ, дв. бобыль Михалко Павловъ, дв. бобыль Иванко Семеновъ, да двѣ келин, а въ нихъ живутъ нищіе старицы и питаются отъ Церкви Божіей» 1).

Изъ этихъ описаній мы видимъ, что церковь стоитъ на особомъ церковномъ поселкѣ—погостѣ, гдѣ расположены дворы: 1, членовъ причта, 2, бобылей, непашенныхъ людей, неимѣющихъ недвижимаго имущества, 3, нищихъ старицъ. Въ болѣе богатыхъ приходахъ на погостахъ находились церковные амбары и лавки, сдаваемые въ аренду.

Земля, находящаяся подъ погостомъ, или специально отводится міромъ, или отбирается отъ часовни, что встрѣчается чаще всего.

Церкви на Сѣверѣ были почти всегда деревянными: «древяна клѣтки», какъ выражаются писцы и крестьяне того времени, т. е., построены изъ горизонтально сложенныхъ бревенъ, въ видѣ прямоугольнаго зданія. Очень рѣдко церкви имѣли придѣлы: потребность въ нихъ удовлетворялась постройкой другой церкви на томъ же погостѣ. Выстроенныя ранѣе церкви получали преимущества: по имени того святого, въ честь коего данная, старѣйшая по времени, церковь выстроена, назывался и приходъ. Наиболѣе древняя церковь, обыкновенно, считалась и юридическимъ лицомъ; церковные старосты считались представителями этихъ церквей и совершали юридическія сдѣлки, опять таки, отъ имени послѣднихъ. Наконецъ, прихожане одаривали болѣе древнюю церковь и приписывали къ ней земельныя имущества. Конечно, народный обычай не препятствовалъ одаривать и новопостроенныя церкви.

Во всякомъ случаѣ, церкви, находящіяся на погостѣ, были связаны приходскимъ единствомъ: церковный староста завѣдывалъ хозяйствомъ обѣихъ церквей: причтъ совершалъ богослуженія въ обѣихъ церквахъ. Намъ не приходилось наблюдать дѣленія или дробленія прихода при помощи и на основаніи существованія нѣсколькихъ церквей на данномъ погостѣ...

Въ церквахъ находились трапезы, гдѣ собирались мірскіе люди

1) Р. II. Б. т. XIV, № LXVII, стр. 126—127.

для обсужденія церковныхъ и общественныхъ дѣлъ. Трапеза, по сравненію, съ такъ называемою, среднею частью храма, была очень велика, иногда даже превышала ее.

Что же касается возникновенія новаго прихода, то это возникновеніе прежде всего, разумѣется, предполагаетъ отдѣленіе этого новоучреждаемаго прихода отъ прежняго; обыкновенной причиною подобнаго отдѣленія на Сѣверѣ является отдаленность отъ прежняго приходскаго храма, очень чувствительная, напр., весной, когда разлившіяся бурныя и многоводныя рѣки и непроходимыя болота дѣлають невозможными путешествія богомольцевъ въ храмъ ¹⁾). На эту причину, обыкновенно, указываютъ «волощане» въ своихъ челобитныхъ, посылаемыхъ архіепископу, гдѣ они испрашиваютъ его благословенія; напримѣръ, мірской посыльщикъ изъясняетъ:

«...приходомъ мы сироты Ростовскаго приходу къ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, а живемъ сироты отъ тое церкви въ дальнемъ растояніи, верстахъ десяти и болши за тремя рѣками и въ водяное великое безпутство отъ того нужного и дальняго пути принимаемъ великую нужду, паче жъ оттого и душевно гибнемъ, родимыцы безъ молитвъ бывають многое время, младенцы безъ крещенія, безъ покаянія и безъ причащенія св. Тайнъ помирають» ²⁾).

Другая причина, побуждавшая мірскихъ прихожанъ отдѣляться отъ прежняго прихода, не смотря, казалось бы, на близость и удобство сношеній съ храмомъ уже выстроеннымъ, кроется въ нерасположеніи сѣверныхъ мірскихъ людей къ церквамъ, построеннымъ вотчинниками. Бывали случаи, когда крестьяне строили на погостѣ другую церковь и образовывали новую религіозную общину, совершенно самостоятельную, изъ единственной цѣли избѣгнуть непопулярнаго завѣдыванія вотчинниковыми церквами.

Когда міръ пожелаеть осуществить свое желаніе построить храмъ и образовать самостоятельную религіозную общину, то, во 1-хъ, рѣшаетъ вопросъ о количествѣ отдѣляющихся прихожанъ, 2-хъ, заботится о доставленіи средствъ, необходимыхъ для

¹⁾ Богословскій, т. II, стр. 24.

²⁾ Р. И. Б. т. XII, № XXX, стр. 111.

такового отдѣленія и, въ 3-ихъ, посылаетъ челобитную чрезъ особыхъ уполномоченныхъ къ архіепископу за благословеніемъ на образованіе новаго прихода и постройку храма. Вопросъ о количествѣ желающихъ отдѣлиться отъ прихода рѣшается самими, такъ сказать, учредителями храма—иниціаторами отдѣленія, въ большинствѣ случаевъ уже составлявшими часовенную общину. Количество ихъ формулируется въ особой, такъ называемой, складной записи, въ которой перечисляются отдѣляющіеся прихожане, указывается ихъ мѣстожителство, излагаются причины отдѣленія отъ прежняго прихода, принимаются и формулируются обязанности, падающія на каждого члена, и принимаются мѣры противъ нарушителей принятыхъ на себя приходскихъ обязанностей ¹⁾.

Примѣръ подобной складной:

«Се изъ Устюжскаго уѣзда, Верхонушенской волости крестьяне деревни Окулова . . . , да деревни Оедоровской, да деревни Ильины горы, . . . да деревни Загоскино, да и всеѣ крестьяне тѣхъ деревень Верхонушенской волости пишемъ . . . складную полюбивую, что намъ деревни Романовицныи крестьяне Дементей Евсегіевъ со складниками всеми и была у насъ въ той деревнѣ Романовицнѣ часовня и той часовни мы крестьяне по обѣщанію, благоволеніемъ Божиимъ совѣтъ учинили съ міромъ церковь Божию сооружать. И намъ тѣмъ вышеннсаннымъ крестьянамъ лѣсъ ронить, сколько на кого человековъ на носъ они крестьяне приговорять и скаль, и плечи, и подскальнички, и всякое храмовой лѣсъ намъ крестьянамъ по чему разрубимъ бревень лѣ. тесницъ и скаль вести и мохъ на носъ, а огуриковъ стоять всемъ міромъ. А который бревна и тесницы и скалы не привезены, и на томъ за бревно взять за всякое, сколько не вывезли, по гривнѣ, а за тесницу по полу-гривнѣ за скалу по 4 деньги, а за мохъ . . . по три деньги» ²⁾.

Эта полюбивая складная имѣеть, такъ сказать, учредительное значеніе и, въ качествѣ такого документа, присоединяется къ челобитной архіепископу.

¹⁾ Богословскій, т. II, стр. 24.

²⁾ Р. II. Б. т. XII. № CCXLII, стр. 1124.

Послѣ того, какъ вопросъ о количествѣ отдѣляющихся приходахъ рѣшенъ, «складники» заботятся о сборѣ необходимыхъ средствъ для постройки церкви. Сюда идетъ прежде всего часовенная казна, иногда очень богатая; земли, если часовня владѣла ими, приписываются къ церкви, а изъ нихъ отводится участокъ въ пользованіе приходскаго духовенства и подъ церковный поселокъ—погостъ.

Наконецъ, мѣръ выбираетъ особыхъ уполномоченныхъ—«мірскихъ посыльчиковъ»—почти всегда инициаторовъ отдѣленія и, обыкновенно, часовенныхъ старостъ къ епископу съ челобитной о благословеніи организуемой релігіозной общинѣ строить храмъ. Мірскіе посыльчики изъясняютъ причины, заставляющія ихъ отдѣлиться отъ прихода, вручаютъ складную записку, даютъ «скаску» о количествѣ земли, приписанной къ церкви и отданной будущему духовенству на пользованіе, и просятъ благословенную или «храмозданную» грамоту ¹⁾.

Представляется интереснымъ анализировать содержаніе этихъ храмозданныхъ грамотъ:

1. Въ каждой благословенной грамотѣ содержится прежде всего изложеніе обстоятельствъ, вызвавшихъ ея выдачу, напр.:

«Се язъ преосвященный Архіепископъ . . . владыка Макарей, пожаловалъ семи великаго князя черюкунцева Першу Савина сына, и во есѣхъ крестьянъ мѣсто . . . , что приходили они . . . крестьяне къ старой церкви, ко Архистратигу Михаилу на усть-Двины, на Шурнаволокъ, и та де отъ нихъ церковь Архистратигъ Михаилъ поудалѣлъ вереть за пятьдесятъ, и то де за мхи, и за болоты, и за водами, и въ томъ имъ, сказываютъ, нужда велика бываетъ, и миѣ бѣ ихъ пожаловати и благословити въ ихъ волости . . . церковь поставити во имя святаго Христова великомученика Георгія» ²⁾.

2. Затѣмъ слѣдуетъ главная часть грамоты,—именно, «благословеніе» или «пожалованіе» архіепископа, напр.:

¹⁾ Р. II. Б. т. XXV. Акты Лодомской церкви, № XVI, стр. 11. Въ виду частаго упоминанія этихъ актовъ, усл. о сокр.: Р. II. Б. т. XXV, А. I. Ц.

²⁾ Р. II. Б. т. XXV, А. I. Ц. № XVI, стр. 11.

«И ожъ будетъ такъ, какъ мнѣ тотъ Перша сказывалъ во всѣхъ крестьянѣхъ мѣсто, и язъ ихъ пожаловалъ и благословилъ въ той ихъ волости въ Лодмѣ велѣлъ церковь поставити во имя святаго Христова великомученика Георгія» ¹⁾).

3. Послѣдняя часть благословенной грамоты заключаетъ установленіе повинностей приходскаго духовенства въ пользу архіепископа,—количество церковной дани, «подѣзда» и пошлпнѣ, и способъ доставленія этой дани митрополиту, или архіепископу.

Не смотря на свою простоту формальнаго содержанія, нельзя видѣть въ этой благословенной лишь простую регистрацію приходовъ и приходскихъ храмовъ. Напротивъ, значеніе ея громадное:

1) она облакаетъ въ юридическую форму частныя пожеланія міра;

2) даетъ архипастырскую санкцію на отдѣленіе отъ прежняго прихода новой религіозной общинѣ;

3) формулируетъ отношенія между епископомъ и причтомъ сооружаемой церкви;

4) опредѣляетъ личный составъ прихода;

5) наконецъ, она является документомъ, доказывающимъ вещное право на церковь въ спорахъ и искахъ.

Какъ ни широка была приходская автономія на Сѣверѣ, до какихъ бы антиканоническихъ предѣловъ она не доходила, но нельзя было встрѣтить, такъ сказать, «явочной системы» открытія новыхъ приходовъ. Съ теченіемъ времени, архіепископы стали относиться очень строго къ организаціи новыхъ религіозныхъ общинъ; въ концѣ XVII в. они требовали подробную сказку отъ мірскихъ посельщиковъ; такъ, напр.:

«Преосвященный архіепископъ», говорится въ одномъ дѣлѣ, «указалъ посельщика мірскаго допросить: на какой землѣ будутъ они тѣ церкви строить, и много ли подѣ церкви и подѣ кладбища усобищихъ земли опредѣлятъ и священнику съ причетники много ли пашенныхъ земель сѣвомъ и сѣвныхъ покосовъ на сколько копенъ дадутъ, и кто съ тѣхъ земель тигло или оброкъ платитъ будетъ и сверхъ земли, чѣмъ они ихъ священника съ причетники ружьт и сколько прихоцкихъ дворовъ къ тѣмъ вы-

¹⁾ Р. II. Б. т. XXV, А. Г. II. № XVI, стр. 11.

ставочнымъ церквамъ будетъ.., чѣмъ тѣ церкви хотятъ они строить и утварью украсить» ¹⁾).

Лишь послѣ точнаго и опредѣленнаго отвѣта, на всѣ эти вопросы возможно было ожидать отъ архіепископа благословенной грамоты.

2.

Какъ выше упомянуто, мірскіе люди озабочиваются матеріальнымъ обезпеченіемъ церкви; они обязаны отвести извѣстное количество земли подъ погостъ, а также для содержанія причта.

Церковная земля была большею частью тяглою, какъ и всѣ вообще мірскія земли. Собственникомъ этихъ земель являлась, послѣ передачи, церковь—юридическое лицо: «Егорій Страсто-терпецъ» или «Михаилъ Архангелъ», какъ говорили сѣверные крестьяне, т. е., собственникомъ церковныхъ земель признавался святой, во имя коего построена церковь. Приводимъ примѣръ, не лишеной комизма, подобной терминологіи:

«Петрова земля да Микифорова... то достало Егорью... (Великомученику, во имя коего построена церковь), а путикъ достался Миковъ да Родникъ, Палоозерскій Егорью, Петровъ да Степановъ... достался Егорью» ²⁾).

Очень интереснымъ является то обстоятельство, что мірскіе люди не такъ грубо и сурово понимаютъ принципъ частнаго права въ отношеніи мірскихъ церквей; въ то время, какъ вотчинникъ считалъ и церковь со всѣми принадлежностями (съ св. иконами, ризами и т. д.) и церковную землю, и церковную казну своею собственностью, напротивъ, прихожане-воложане примѣненіе этого принципа считали «грѣхомъ»; мы очень рано наблюдаемъ образованіе фикціи, юридическаго лица, въ народномъ правосознаніи. Правда, пользованіе этой церковной землей принадлежало порядчкамъ исключительно изъ числа прихожанъ, и міръ упорно не допускалъ порядчиковъ другихъ волостей или приходовъ, что совершенно естественно, ²но и только. Поэтому мнѣніе г-жи Ефи-

¹⁾ Р. Н. В. т. XII, № XXX, стр. 111.

²⁾ А. Л. Ц. № LIII, стр. 35.

менко, поддерживаемое проф. Богословскимъ, о томъ, что земля мірской приходской церкви было однимъ изъ видовъ мірскаго имущества нѣсколько неточно, если принимать эти слова безъ нѣкоторыхъ предпосылокъ¹⁾.

Кромѣ этого, такъ сказать, основного земельного капитала въ каждой церкви имѣется фондъ, собранный вполнѣдствіи и постоянно возрастающій; церковь была крупнымъ «деревенскимъ владѣльцемъ» въ большинствѣ сѣверныхъ приходовъ въ XVII в. и въ началѣ XVIII вѣка.

Эти церковныя имущества пріобрѣтались:

1. Безмезднымъ пожалованіемъ; со времени постройки храма окружавшіе его прихожане обыкновенно одаряли своими земельными участками, «пожнями», «наволоками» и пр. Это, такъ сказать, даренье отдѣльными угодами, не состоявшими въ тѣсной связи съ деревней (хотя и «тянувшими» къ ней); но встрѣчаются даренье участками, напр. «веревками» земли въ предѣлахъ замкнутой клѣточки-деревни встрѣчаются затѣмъ безмездныя приношенія $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ деревни или тони и т. д. Мелкіе собственники, состоятельные, независимые, патриархальные, еще не испытанные тяжелой руки «государева тягла», наперерывъ дарили на «помишь души». Конечно, эти даренья отъ щедротъ имѣли мѣсто главнымъ образомъ въ XVI в. Правда и позже мы видимъ эти даренья, но, можно сказать, уже не отъ щедротъ, а скорѣе отъ необходимости. Эти даренья граничили съ простымъ бросаніемъ «чорныхъ деревень и поженъ». Обыкновенно въ этихъ данныхъ говорится: «не изнемогли еси дани цари и великаго князя платить», и выговаривается право пожизненнаго пользованія или всеѣмъ участкомъ, или частью подареннаго участка, но уже за уменьшенную «празгу», т. е., аренду]

2. Имущества пріобрѣтались и покупкой. Когда образовался извѣстный земельный фондъ, скопилась церковная казна, церковь стала покупать или, лучше сказать, скупать предлагаемыя ей земли. Покупалась земля во все время разсматриваемой исторіи, но, разумѣется, эта покупка особенно имѣла мѣсто въ эпоху на-

¹⁾ Ефименко. Изслѣдованія народной жизни. Крестьянское землевл. на крайнемъ Сѣверѣ, стр. 263. Богословскій, т. I, стр. 62.

пряженія тяглого бремени. Со 2-ой половины XVII в. покупка встрѣчается сравнительно рѣже, вѣроятно, подъ воздѣйствіемъ правительства.

3. Имущества приписывались церквамъ и писцамъ. Это, разумѣется, самый рѣдкій способъ приобрѣтенія ¹⁾); какъ извѣстно, правительство съ неудовольствіемъ смотрѣло на увеличеніе церковныхъ и монастырскихъ земель, такъ какъ церкви и монастыри, немедленно же по приобрѣтеніи, подавали челобитныя къ государю, гдѣ просили или обѣлнить ту или иную черно-тягловую деревню, или освободить отъ какой-нибудь повинности.

Въ концѣ XVII в. приобрѣтеніе имуществъ церковью приостановилось; въ дѣла прихода, а, главнымъ образомъ, въ церковно-имущественныя дѣла сталъ вмѣшиваться Архіерейскій Домъ, что, вѣроятно, отразилось на настроеніи прихожанъ и ихъ добродѣтельныхъ приношеніяхъ.

Итакъ, церковь сосредоточила довольно значительное количество земель въ своихъ рукахъ, и была, сравнительно съ рядомъ обѣдѣвшимся крестьяниномъ, потерявшимъ свои земли отъ непосильныхъ налоговъ, крупнымъ собственникомъ; и, будучи таковымъ, церковь внесла очень много характерныхъ чертъ въ экономическій бытъ Сѣвера: много измѣненій внесло хозяйство церкви въ систему обычнаго землевладѣнія и нѣсколько характерныхъ чертъ въ форму землепользованія. Рискуя нѣсколько отклониться въ сторону отъ указанной темы, я все же считаю необходимымъ разсмотрѣть поподробнѣе вопросъ о церковномъ землевладѣніи на Сѣверѣ въ указанную эпоху.

Какъ извѣстно, на Сѣверѣ существовала, такъ называемая, доле-вая система землевладѣнія, сущность которой первоначально изложила г-жа Ефименко ²⁾), а въ деталяхъ разработалъ Ивановъ ³⁾). О ней я говорить не буду. Я лишь упомяну, что церковныя земли, игравшія видную роль въ экономическомъ быту Сѣвера, имѣли большое значеніе и въ разложеніи упомянутой долево-й системы.

¹⁾ А. Л. Ц. № 333, стр. 208.

²⁾ Въ указанномъ сочиненіи.

³⁾ П. Ивановъ. Поземельные союзы и передѣлы на Сѣверѣ Россіи въ XVII в. у свободныхъ и владѣльческихъ крестьянъ.

Г-жа Ефименко, не придавая никакого значенія церковнымъ землямъ и не выдѣляя ихъ изъ крестьянской тяглой земли, очень мало останавливается на этомъ вопросѣ; проходитъ мимо и проф. Богословскій ¹⁾, и даже Ивановъ въ своей обстоятельной работѣ.

Причины разложенія долевой системы, по мнѣнiю г-жи Ефименко, заключаются въ слѣдующемъ:

«Долевая система, говоритъ она, рушилась силой своего неустойчиваго равновѣсія: она держалась исключительно традицiй, а между тѣмъ укрывала въ себѣ такой опасный ферментъ, какъ право личной земельной собственности. Размножившееся народонаселенiе и малоземелье, какъ его необходимый результатъ, привели въ дѣйстви́е эгонистическiе интересы, выдвинули на первый планъ право личной собственности и деревня стала разлагаться» ²⁾. Это—главная причина. Въ числѣ второстепенныхъ причинъ—вторженiе въ деревню посторонняго, т. е., не крестьянскаго владѣнiя. Но все это вполнѣ приложимо и къ церковнымъ вотчинамъ: церкви прiобрѣтали свои земли отнюдь не планомерно, почти въ каждой деревнѣ были вкрадены участки церковной земли, напр., доли деревень, «веревки» и пр. Эти церковные участки брали въ арендное пользованiе половники-порядчики, не имѣвшiе возможности и не желавшiе быть складниками съ прочими долевыми владѣльцами при антагонизмѣ интересовъ. Все это разрывало на части слишкомъ «неживущую» форму землевладѣнiя, что признаетъ и г-жа Ефименко. Напримѣръ, въ Егорьевскомъ приходѣ, на рѣкѣ Лодомѣ, церковь очень быстро прiобрѣла около 40 десятинъ крестьянской земли и почти немедленно приступили къ полному раздѣлу земли съ деревенскими складниками; дѣлились не только, т. наз., «горнiя» земли, но и все угодiя до «путиковъ» включительно; почти въ каждой половничьей-порядной мы встрѣчаемъ требованiе огородить церковную землю отъ крестьянъ—своеземцевъ ³⁾. Этимъ было достигнуто полное обособленiе отъ «волостной» земли.

¹⁾ Земское самоуправленiе.

²⁾ Указ. соч., стр. 294.

³⁾ А. Л. Ц., № LXXVIII, стр. 49; № LI, стр. 33, № LIII стр. 35 и т. д.

Вообще церковное землевладѣніе почти ничѣмъ не разнилось отъ землевладѣнія монастырей, съ этой точки зрѣнія. Какъ и всякое, болѣе или менѣе, крупное землевладѣніе оно имѣло одинаковыя послѣдствія, именно, разлагающія для крестьянскаго обычнаго землевладѣнія, т. е., долевого.

Какъ извѣстно, свои земли, тони, соляныя варницы церковь отдавала прихожанамъ въ арендное, или, по сѣверной терминологіи, въ «празговое» пользованіе. Нужно замѣтить, что церкви крайне не выгодно было отдавать свои земли «изъ полу», т. е., изъ доли продукта по слѣдующимъ причинамъ:

1, требовался неусыпный надзоръ за половниками, иначе были возможны со стороны этихъ половниковъ злоупотребленія;

2, требовались амбары для храненія продуктовъ, организаціи сбыта и т. д;

3, доля продукта, зависящая отъ урожая, разумѣется, колебалась, а это придавало церковному хозяйству неуравновѣшенность, терпимую лишь у частнаго лица. Кроме этого, злоупотребленія были бы возможны и со стороны лицъ, завѣдывавшихъ церковнымъ хозяйствомъ, именно, со стороны церковныхъ старостъ или прикащиковъ. Что такія злоупотребленія были возможны и имѣли мѣсто, свидѣтельствуетъ очень строгій указъ центрального правительства о томъ, чтобы молотба исполнаго хлѣба (въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда земля отдавалась изъ доли продукта) происходила обязательно въ присутствіи причта и вообще приходской администраціи ¹⁾.

Съ другой стороны, «празговничество» ²⁾, т. е., арендное пользованіе было гораздо интереснѣе и для самихъ порядчиковъ: «празговничество» было отношеніемъ долгосрочнымъ (обыкновенно—10 лѣтъ), имѣвшимъ много сходныхъ чертъ съ потомственнымъ пользованіемъ, тогда какъ половничество, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, было отношеніемъ, наоборотъ, краткосрочнымъ (1—3

1) Р. И. Б. т. XII, № ССХСIII, стр. 1473.

2) Мы принуждены употреблять этотъ терминъ, сознавая недостатокъ его, въ виду неизмѣнія другого, въ отличіе отъ „половничества“—въ тѣсномъ смыслѣ этого слова,—аренднаго пользованія изъ доли продукта. Терминъ же „порядчикъ“ относится и къ арендатору и „испольщику“.

лѣтъ). И не удивительно, что болѣе трудолюбивые и хозяйственные крестьяне съ удовольствіемъ шли на долгосрочную аренду, культивировали участки, обстраивались, дѣлали росчисти и т. д. Ввиду всего этого, «празговое» землепользованіе, т. е., за извѣстный денежный оброкъ, повидимому, было болѣе употребительнымъ и распространеннымъ видомъ землепользованія.

По различію земли, отдаваемой въ аренду, празговищичество дѣлится на: 1, празговищичество оброчными угодьями; 2, празговищичество «подъ распашь и росчисть»; 3, празговищичество бѣлыми деревнями; 4, празговищичество черными деревнями.

Мы не будемъ подробно останавливаться на каждомъ видѣ землепользованія, хотя это и представляетъ существенный интересъ, мы лишь коснемся послѣдняго вида «празговищичества». Этотъ видъ, конечно, былъ самымъ распространеннымъ, такъ какъ церковныя земли были черными въ большинствѣ случаевъ.

Отношеніе это создастъ изъ порядчика — арендатора независимаго домохозяина, имѣющаго тѣсную связь съ арендуемой землей и, кромѣ этого, принимавшаго участіе въ самоуправленіи прихода, что, опять таки, возвышало его положеніе.

На почвѣ этого тяглаго «празговищичества» образовался кадръ особыхъ, «церковныхъ тяглыхъ крестьянъ»¹⁾. Этотъ терминъ вошелъ въ употребленіе въ XVII в., и его, очевидно, нельзя считать, такъ сказать, «образнымъ» выраженіемъ; можно предположить, что кромѣ обозначаемаго подъ этимъ терминомъ такого крестьянина, который «сидитъ» на церковной тяглою землѣ, подразумевались другія характерныя черты, которыхъ мы не можемъ уловить въ порядныхъ—сухихъ, юридическихъ формулировокъ договорныхъ отношеній.

При изученіи порядныхъ (напр., Георгіевскаго прихода на рѣкѣ Лодмѣ²⁾) мы замѣчаемъ, что такихъ тяглыхъ крестьянъ уже много, что они являются даже поручителями за такихъ же крестьянъ и что они составляютъ въ приходѣ цѣлую корпорацію.

Что же характерно для тяглаго церковнаго крестьянина? Какъ указано, кромѣ этого термина въ соответствующихъ докумен-

¹⁾ А. Л. Ц. напр., № ССCLXIX, стр. 268 и т. д.

²⁾ А. Л. Ц.

тахъ не встрѣчается ничего, что могло бы послужить въ качествѣ отвѣта на этотъ вопросъ и притомъ отвѣта опредѣленнаго. Во всякомъ случаѣ, характерной чертой тяглаго празговицтва является продолжительное и даже наследственное пользованіе тяглою землею. Иллюстрируемъ слѣдующимъ примѣромъ. Въ 1687 г. подаетъ челобитную празговицкъ—порядчикъ тяглою церковной деревни Архіепископу Холмогорскому и Важскому и въ этой челобитной пишетъ, характеризируя слѣдующимъ образомъ свое положеніе:

«Въ прошлыхъ де годехъ издавна дѣдъ его и отецъ и онъ Михейко живутъ въ той волости на церковной тяглою землѣ и многіе годы и всякіе де Великихъ Государей подати съ міромъ и подымные деньги съ тое деревни выплачивали по вся годы»¹⁾.

Этотъ порядчикъ не имѣлъ порядной, онъ жилъ безъ нея, и, когда ему потребовалось формулировать свое положеніе въ договорѣ, онъ обратился съ просьбой о регулированіи отношеній его къ церковной землѣ въ порядной. Архіепископъ (архіерейскій приказъ) тогда послалъ «намять» священнику и церковному прикащику о томъ, «чтобы ему, Михейку, на прежней его извѣчной деревни жить велѣли впредь десять лѣтъ».

Итакъ, потомственное пользованіе церковной землею создаетъ нѣчто большее, чѣмъ простое, празговицтво; у порядчика является уже «извѣчная деревня», что получаетъ признаніе со стороны Архіерейскаго Дома. Отсюда—всего вѣроятнѣе, что эти «извѣчные владѣльцы» и составляли кадръ «церковныхъ тяглыхъ крестьянъ». Эти церковные порядчики жили лишь арендой церковныхъ земель, и церковныя деревни имъ давали необходимыя средства къ существованію.

И не удивительно, что между ними имѣла мѣсто нѣкоторая «корпоративная» солидарность, которая постепенно развивалась на почвѣ приходской автономіи. Церковные половники составляли въ волости особую группу, выдѣлявшуюся изъ числа волощанъ-своеземцевъ; эта группа выдѣлялась рельефнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда приходъ не совпадалъ съ волостью, какъ податной общиной.

¹⁾ Напр. А. Л. Ц. № CCCLXXVII, стр. 283. Объ „извѣчныхъ“ порядчкѣхъ см. также у Ефименко. Указ. соч., стр. 263.

Съ другой стороны, послѣ разложенія долевоѣ системы и полнаго обособленія церковныхъ половниковъ отъ волощанъ-своеземцевъ, когда всѣ церковныя деревни представляли собою одно объединенное цѣлое, церковныя половники составляли особый экономически-поземельный союзъ, или, иными словами, церковныя половники вышли изъ «складства» волощанъ-своеземцевъ и образовали особое церковное «складство». Это «складство» проявлялось въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1. Всѣ церковныя земли были выдѣлены въ предѣлахъ деревни, выдѣлены были и всѣ угодія, тянувшія къ деревнѣ или ко двору—печищу, напримѣръ: «путики», ¹⁾ «притербы», ²⁾ пожни и т. д. Церковныя земли, какъ усадебная, такъ и полевая, и, такъ называемая, «горняя», и вообще земли, требующая интенсивной обработки, была, по обычаю, огорожена городьбой отъ мірскихъ складниковъ или огранена. Почти въ каждой половничьей порядной встрѣчается требованіе, чтобы половники «огородъ городили» вокругъ арендуемой земли ³⁾.

2. Этотъ экономически-поземельный союзъ церковныхъ половниковъ имѣлъ общія пожни, рыбныя тони и, вѣроятно, имѣлъ общую «поскотницу», т. е., пастбище. Иногда экономическая солидарность церковныхъ половниковъ простиралась до того, что они сообща брали цѣлую рѣку въ оброкъ, сообща ловили рыбу, разрубали оброкъ по своимъ «новѣткамъ» и самостоятельно платили «разрубы» земскому старостѣ, минуя волостную администрацію ⁴⁾.

Особенно ярко выдѣляется эта хозяйственная солидарность церковныхъ половниковъ въ одной порядной, гдѣ церковному половнику другіе половники обѣщаютъ убрать половину будущаго посѣва общими силами ⁵⁾.

Разумѣется, эта экономически-поземельная организація цер-

¹⁾ Лѣсныя тропы.

²⁾ Росчисти.

³⁾ Напр., А. Л. Ц. № CCCLXXXI, стр. 288; № CCCLXXXII, стр. 291 и т. д.

⁴⁾ А. Л. Ц. № CCCXXII, стр. 152; № CCXXVII, стр. 148 и т. д.

⁵⁾ А. Л. Ц. № CCCLVI, стр. 248.

ковныхъ половниковъ, эта цѣлостность церковныхъ имуществъ отражалась и на отношеніи этихъ церковныхъ земель къ податной общинѣ—волости или стану. Иногда церковныя земли писались «особь статьей» что давало право самостоятельно и раскладки податей и сборовъ ¹⁾. Участіе церковныхъ половниковъ въ союзѣ не закрывало имъ, впрочемъ, возможности, какъ союзу частному, участія въ другихъ болѣе обширныхъ союзахъ поземельнаго характера, напр., волостныхъ, становыхъ и т. п. ²⁾.

Существованіе союза церковныхъ половниковъ и экономической солидарности между ними дѣлаетъ понятными различныя ходатайства «прихожанъ»,—эти многочисленныя челобитныя объ облегченіи или сложеніи тягла (объ обѣменіи) съ чорныхъ церковныхъ деревень; дѣлаютъ объяснимыми жалобы на какіе-нибудь дефекты обложенія, поскольку эти дефекты являются причиною убытковъ и уцербна церковному имуществу; очевидно, что инициаторами этихъ челобитныхъ и жалобъ являются, именно, церковные половники.

Отъ церковныхъ земель, доходъ съ которыхъ шелъ на «строеніе» или благоуукрашеніе храма, слѣдуетъ отличать земли, отведенныя міромъ въ пользованіе причта. Земля этого рода, въ сущности, была мірской землей, лишь отданной въ пользованіе причта, а не церковной, и принадлежала міру, т. е., приходу, а не церкви—юридическому лицу; приходъ же, не будучи юридическимъ лицомъ, такъ сказать, передавалъ и переносилъ свое право собственности на землю, отведенную въ пользованіе причта, и, съ теченіемъ времени, эти два рода земель слились и были приписаны одинаково къ церкви.

Однако различіе между этими видами церковной земли существовало и впоследствии; такъ что священникъ не имѣлъ права мѣнять земли, отведенныя ему «на кормлю», на другія церковныя земли, даже съ согласія прихожанъ; это считалось явнымъ правонарушеніемъ и поводомъ къ жалобѣ архіепископу ³⁾. Съ другой

¹⁾ См. ниже.

²⁾ См. П в а н о в ъ. Поземельные союзы и передѣлы и т. д., стр. 66—70, 71—80.

³⁾ Р. И. Б. т. XII, № XXIX, стр. 187, № ССІ, стр. 969.

стороны, право міра на землю указаннаго рода выражалось и въ томъ, что мірскіе люди оставили за собой право поряженія половниковъ на поповскія и пономарскія деревни; это право они поддерживали довольно упорно; потребовался даже рядъ указовъ со стороны сѣверныхъ архіепископовъ, воспретившихъ мірскимъ людямъ рядить половниковъ на земли причта ¹⁾).

На Сѣверѣ можно было завѣщать свои земли не церкви, а причту церкви; въ этомъ случаѣ земля выходила изъ надзора церковнаго старосты и поступала въ полное распоряженіе причта, ²⁾ что, разумѣется, отражалось и на «податныхъ» особенностяхъ тѣхъ и иныхъ земель—церковныхъ и «поповскихъ». Въ то время, какъ за церковныя деревни отвѣчала въ концѣ концовъ церковная казна, съ правомъ иска объ убыткахъ съ церковныхъ половниковъ, за «поповскія» земли отвѣчалъ причтъ, какъ обыкновенный тяглый крестьянинъ, несправно несущій тягло. Если священникъ «сбѣгалъ со своего новытля», то онъ преслѣдовался, а за тягло его отвѣчала податная община ³⁾. Такимъ образомъ, причтъ былъ, такъ сказать, прикрѣпленъ къ той землѣ, которая была отдана ему на кормлю.

3.

Если мы будемъ всматриваться въ приходскій строй Сѣвернаго края разсматриваемой эпохи, то увидимъ, что въ основѣ его лежитъ принципъ «частно-правности», особенно достигающій рѣзкой полноты въ приходскомъ строѣ, т. наз., вотчинниковыхъ церквей: красной нитью онъ проходитъ и въ основѣ приходскаго строя, и мірскихъ церквей, и церквей иного рода ⁴⁾.

Въ силу этого принципа, церковь принадлежала строителю на правѣ собственности со всеми элементами, входящими въ это юридическое понятіе, съ правомъ наследственнаго владѣнія, рас-

¹⁾ Р. II. Б. т. XII, № CLXI, стр. 707.

²⁾ Напр., Р. II. Б. т. XII, № CXXXVIII, стр. 521.

³⁾ Напр., А. Л. Ц. № CCCXXXVII, стр. 234.

⁴⁾ Въ виду того обстоятельства, что намъ приходится разсматривать приходъ съ точки зрѣнія этого принципа, то получается нѣкоторая запутанность терминологіи.

поряженія и т. д. Въ приходахъ же мірскихъ церквей этотъ принципъ смягчался почти до канонической дозволенности и никогда не могъ достигнуть той полноты и рѣзкости, какую мы наблюдаемъ въ приходахъ церквей вотчинниковыхъ: право владѣнія, поскольку оно никѣмъ не оспаривалось, не имѣло реального значенія; право беззастѣнливаго «пользованія» церковнымъ достояніемъ, какое мы наблюдаемъ также у вотчинниковъ, считалось предосудительнымъ; оставалось лишь право распоряженія церковью, какъ физической вещью и какъ предметомъ необходимымъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей ¹⁾. Это, такъ сказать, дробленіе или ослабленіе. указаннаго принципа объясняется особыми цѣлями, обусловливавшими существованіе міра, какъ союза, публично правового порядка.

Въ мірѣ всегда заложены принципы организованной общестственности, благодаря чему, онъ побѣждаетъ и мелкіе эгонистическіе и индивидуальныя стремленія и интересы, ибо преслѣдованіе интересовъ общаго блага не замыкается лишь въ одномъ мірѣ, напротивъ того, общее благо преслѣдуется для всего видимаго и невидимаго количества міровъ; рожденные въ одномъ союзѣ публичнаго порядка, принципы общестственности идутъ далѣе къ государству, къ человѣческому обществу; міръ является лишь центромъ, откуда исходятъ волны общестственности, пересѣкающія въ свою очередь множество другихъ міровъ.

Съ другой стороны, и данный міръ не отгороженъ высокими стѣнами отъ вторженія идей общественнаго значенія; напротивъ, въ немъ самомъ отражаются и переплетаются эти идеи тѣхъ или иныхъ міровъ, сосѣднихъ или далекихъ. Въ приложеніи всего этого къ міру—религіозной общинѣ—интересы частной собствен-

¹⁾ Мы привуждены ввести понятіе церкви—какъ физической вещи и какъ „предмета“, необходимаго для удовлетворенія религіозныхъ потребностей. Признавая недостатки и этой терминологіи, мы все же настаиваемъ на разграниченіи этихъ понятій: лишь благодаря этому разграниченію, объяснимы многіе запутанные вопросы, напр., почему церковь является иногда собственностью (объектомъ права) и въ то же время субъектомъ права (юр. лицомъ). Вообще вопросъ о приходахъ и положеніи церквей въ приходахъ не разработанъ, какъ и многіе вопросы церковнаго права.

ности, какъ принципы частно-правового порядка, не могутъ и не могли достигнуть исключительной полноты и рѣзкости: этому мѣшали интересы общаго блага, въ данномъ случаѣ, религiи, какъ общественнаго исповѣданiя.

Но противорѣчить ли право распоряженiя церковью, какъ физической вещью и какъ предметомъ, необходимымъ для удовлетворенiя религiозныхъ потребностей, этимъ особымъ цѣлямъ, обусловившимъ существованiе мировъ? Въ силу всего сказаннаго выше, мы должны дать безусловно отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Право распоряженiя церковью въ указанномъ смыслѣ должно сохраняться въ приходахъ мiрскихъ церквей во всей строгости и полнотѣ, ибо это право не противорѣчитъ идеямъ общественности; мало того, «право распоряженiя», въ смыслѣ автономнаго самоопредѣленiя есть необходимый элементъ всякаго мiра. И государство и церковь предоставляютъ мiру большую или меньшую сферу автономной дѣятельности, или, иными словами, автономiя религiозныхъ общинъ была легализована церковью, какъ самоуправленiе волости — мелкой земской единицы, было легализовано государствомъ.

Въ чемъ же эта автономiя выражалась? Или какую сферу автономной дѣятельности въ отношенiи церкви религiозныя общины присвоили?

Въ силу «принципа частно-правности», лишь только ослабленнаго, какъ выше упомянуто, въ приходахъ мiрскихъ церквей, религiозной общинѣ принадлежало безконтрольное право распоряженiя 1) церковью, какъ физической вещью, принадлежащей на правѣ собственности религiозной общинѣ и 2) церковью, какъ предметомъ необходимымъ для удовлетворенiя религiозныхъ потребностей.

1. Религiозныя общины не удовлетворялись правомъ распоряженiя церковью, въ указанномъ смыслѣ, но и распространяли право безконтрольнаго распоряженiя и на церковныя «принадлежностныя» вещи, напр., различнаго рода имуществва, движимаго и недвижимаго, приписанныя къ церкви не только со стороны данной религiозной общины, но, безразлично, и со стороны отдѣльных членовъ.

Черезъ своего представителя—церковнаго старосту, общины распоряжались церковными доходами и этими доходами пользовались, но лишь посредственно. Какъ извѣстно церковная казна щедро раздавалась мірскимъ людямъ. Этотъ обычай повсюду на Сѣверѣ былъ распространенъ и былъ особенно популярнымъ среди крестьянъ, очень нуждавшихся въ кредитѣ: многими изслѣдователями Сѣвера было замѣчено, что церкви въ указанную эпоху играли роль деревенскихъ ссудныхъ кассъ ¹⁾. Но по обычаю церковная казна раздавалась лишь исключительно прихожанамъ. Намъ извѣстенъ, наиримѣрь, характернѣйшій случай прямолинейнаго примѣненія принципа: приходскія имущества—для прихожанъ; именно, перестраивался соборъ въ Великомъ Устюгѣ, но перестраивался очень медленно и весьма не хозяйственно, чтобы не сказать болѣе; на окончаніе строительныхъ работъ требовались деньги, но церковная казна была пуста. Когда соборный причтъ обратился къ помощи богатой церкви Прокопія, тоже находящейся въ Великомъ Устюгѣ, то староста, причтъ и прихожане наотрѣзъ отказались ссудить неудачливыхъ строителей. Пришлось обратиться съ челобитной къ архіепископу и лишь по его указу были выданы нужныя деньги (400 р.) ²⁾.

При такихъ же условіяхъ пользовались прихожане и недвижимыми церковными имуществами, т. е., деревнями, отдѣльными угодьями и т. д.; лишь по необходимости допускались не прихожане въ число церковныхъ половниковъ.

Этимъ, между прочимъ, объясняется и то обстоятельство, что общины защищали свое право рядить половниковъ и на «поповскія и пономарскія» деревни; этимъ объясняется, какъ увидимъ далѣе, и то обстоятельство, что рядились съ половниками не причтъ съ церковнымъ старостой, какъ можно было ожидать съ перваго взгляда, а, напротивъ, органъ религіозной общины и вообще міра—мірекой сходъ.

Право свое распоряжаться церковными имуществами общины энергично защищали: реформы архіепископовъ не могли поколебать существовавшій порядокъ; въ концѣ концовъ и сами архі-

¹⁾ Богословскій, т. II, стр. 39.

²⁾ Р. И. Б., т. XII, № LXXXV, стр. 352.

ступалъ къ избранію новаго священника. Напр., прихожане Са-
раевской волости избрали къ извѣстному сроку священника Сте-
фана Черемисинова, но Черемисиновъ «слова не поддержался и
попа въ свое мѣсто не оставилъ служить и въ Троицкомъ при-
ходѣ безъ попа крестьяна почали помирать безъ духовныхъ и
безъ причастія, и младенцы также почали помирать безъ при-
частія». Когда прихожане поставили новаго священника—Василія
Юрьева, то прежній священникъ Черемисиновъ явился къ слу-
женію и сталъ «угражать продажей напрасной и покленомъ»¹⁾.
Чѣмъ закончился этотъ споръ, взаимно-неисполненныхъ договоръ,
сторонъ, не видно. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе
«принципъ частноправности», лишь только и возможно вчиненіе
иска за убытки, понесенные первоизбраннымъ священникомъ²⁾.

б. Религіозной общинѣ принадлежала широкая распорядитель-
ная и надзирающая власть за удовлетвореніемъ религіозныхъ
потребностей, такъ ей принадлежало: установленіе богослуженій,
крестныхъ ходовъ, общественныхъ моленій, надзоръ за причтомъ,
за исполненіемъ ихъ обязанностей и т. д.

Органомъ прихода — религіозной общины является мірской
сходъ.

Міръ, какъ нами выше упомянуто, представлялъ изъ себя
союзъ съ разносторонними функціями, тѣсно переплетенными
между собой и потому не отдѣляемыми; міръ былъ единъ и это
единство отражалось на единствѣ его организаціи; міру не было
необходимости по этой причинѣ организовывать особый совѣтъ
прихожанъ, и что въ родѣ «комиссін» по приходскимъ дѣламъ³⁾.

Мірской совѣтъ обыкновенно созывался церковнымъ старостой
для обсужденія приходскихъ вопросовъ, а если приходъ совпа-
далъ съ волостью, то право созыва принадлежало волостному
старостѣ или сотнику посредствомъ особыхъ повѣстокъ, разсы-
лаемыхъ по деревнямъ: въ послѣднемъ случаѣ, мірскіе люди рѣ-
шали и приходскія дѣла.

Мѣсто собранія схода—церковная трапеза. Трапезу на Сѣ-

¹⁾ Р. II. В., т. XII, № XXVII, стр. 154.

²⁾ Богословскій, т. II, стр. 26—27.

³⁾ Богословскій, т. I, стр. 201—203.

верѣ слѣдуетъ отличать отъ «средней части» храма; трапеза находилась, въ большинствѣ случаевъ, въ одномъ зданіи съ церковью и иногда была такъ велика, что церковь казалось, была простой придѣлкой къ трапезѣ ¹⁾. Какъ «присутственное мѣсто, трапеза, разумѣется, имѣла большее значеніе въ приходѣ и вообще въ мірской жизни: она была и волостнымъ правленіемъ, и полицейскимъ участкомъ, и нотаріальной конторой, и мѣстомъ мірскаго питія «ссыннаго пива»; въ инвентарѣ церкви находился пивной котель съ принадлежностями для пивоваренія; пиво обыкновенно варили въ храмовые или въ двенадцатые праздники въ складчину всеѣмъ приходомъ и пили или въ самой трапезѣ, или на дворѣ у членовъ причта, но всегда на погостѣ. Не смотря на то, что трапеза была мѣстомъ столь разнообразныхъ дѣлъ, ничего общаго съ церковью не имѣющихъ, однако она признавалась за строеніе церковное: надзоръ за ремонтомъ, а также за отопленіемъ и т. д. принадлежалъ церковному старостѣ. Иногда, впрочемъ, богатые церкви и многочисленныя общины нанимали особыхъ смотрителей—трапезниковъ.

Повидимому, трапезникъ приближался по своему положенію къ «крылошанамъ», т. е., членамъ причта: онъ жилъ на погостѣ въ особомъ трапезническомъ дворѣ и имѣлъ участокъ церковной земли, отведенной приходскими людьми ему на пропитаніе; «въ Филипповъ постъ и въ Христовы дни съ крылошаны за ругой ходить», рядился трапезникъ. Обязанности его, впрочемъ, сводились къ поддержанію чистоты, къ отопленію и охраненію трапезы. Такимъ образомъ, трапезникъ былъ — нѣчто среднее между пономаремъ того времени и церковнымъ сторожемъ современности. Выбирали его на извѣстный срокъ—2 года, и выборъ его не утверждался епархіальнымъ начальствомъ; характерно, что трапезники не подлежали надзору со стороны настоятеля храма. Порядная, откуда мы черпаемъ приведенныя свѣдѣнія о трапезникахъ, лишь говоритъ:

..... «да миѣ трапезнику быть у старосты и мірскихъ людей въ послушаніи» ²⁾.

¹⁾ См., напр., Р. И. Б., т. XII, №СХХІХ, стр. 522.

²⁾ Р. И. Б. т. XII № ССLXVII, стр. 1328.

Въ виду того, что совмѣщеніе въ трапезѣ разнаго рода дѣлъ, спеціально не относящихся къ церковно-приходскимъ дѣламъ, было причиною «великихъ раздоровъ и мятежей», особенно при питіи «ссыпного» пива, архіепископъ Великоустюжскій Геласій счелъ необходимымъ въ 1683 году произвести кое-какія «реформы», а именно, онъ разослалъ указъ слѣдующаго содержанія:

«Чтобы, приходя приходскіе люди къ церквамъ Божиимъ и въ церковныхъ трапезахъ всякихъ чиновъ люди для всякихъ своихъ земскихъ и мірскихъ дѣлъ, сходовъ не чинили и межъ собой великія раздоры и мятежи и не подобныя матерныя брани и бои не были, и по праздникамъ молебныхъ пивъ изъ церковь не носили бы, и въ трапезѣ не пили бы, и въ томъ заказъ на-крѣпко учинить»

По мысли архіепископа Геласія трапезы должны быть мѣстомъ собранія для обсужденія церковно-приходскихъ вопросовъ; подлежатъ большому сомнѣнію, имѣлъ ли этотъ указъ какія-нибудь послѣдствія; послѣдующія данныя, напротивъ, свидѣтельствуютъ о существованіи прежнихъ порядковъ.

Постановленія схода формулировались въ письменныхъ «приговорахъ». Въ нихъ нельзя видѣть протоколы современныхъ собраній: они лишь касались того лица или отношенія, служившаго предметомъ обсужденія, и выдавались лишь этому лицу, какъ удостовѣряющій документъ.²⁾

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію весьма труднаго и спорнаго вопроса о личномъ составѣ мірскаго схода. Этотъ вопросъ вызываетъ недоумѣнія потому, что единственнымъ матеріаломъ для его разрѣшенія являются лишь упомянутые приговоры: дѣло въ томъ, что каждый подобный приговоръ писался отъ лица міра или, отъ его «видимаго, вишняго проявленія и выразителя мысли и воли»—мірскаго схода и въ немъ обычно перечислялись всѣ мірскіе люди, обсуждавшіе данный вопросъ и вынесшіе данный приговоръ. Этотъ сухой перечень, ничего не говорящихъ именъ, и служитъ единственнымъ источникомъ всякихъ предположеній, касающихся личнаго состава мірскаго схода.

1) Р. И. Б. т. XII, № СХХХVIII, стр. 567.

2) Богословскій, т. I, стр. 220—221.

Рядъ вопросовъ возбуждается при изученіи этихъ приговоровъ:

1. Всѣ ли мірскіе люди имѣли право присутствовать, не зависимо отъ семейнаго положенія, въ мірскомъ совѣтѣ?

2. Могли ли присутствовать половники, бобыли, захребетники и прочіе безземельные люди?

3. Существовало ли особое мірское представительство, а если существовало, то въ какихъ, именно, формахъ и проявленіяхъ?

Что касается перваго вопроса, то несомнѣнно, какъ утверждаетъ и проф. Богословскій, что на мірскихъ сходахъ присутствуютъ лишь домохозяева, ножилые, выдавшіе виды, почтенные люди, тѣ крестьяне, которые обыкновенно избираются волостными представителями, волостными и церковными старостами, сотниками, земскими судейками и т. д. Провѣряя и сравнивая имена крестьянъ, упомянутыхъ и неречисленныхъ въ мірскихъ приговорахъ, проф. Богословскій убѣдился, что присутствующіе на мірскихъ сходахъ—домохозяева. Это утвержденіе является правиломъ и, какъ таковое, предполагаетъ исключенія, приведенныя и почтенными авторомъ. Эти исключенія встрѣчаются значительно чаще въ отношеніи приходскихъ сходовъ (гдѣ приходъ не совпадаетъ съ волостью), ибо приходъ представляетъ собою болѣе мелкую земскую единицу, общественное проявленіе которой безформально и незначительно. Напр., въ качествѣ исключенія можно привести складную записъ о постройкѣ церкви въ деревнѣ Шутаковѣ. Въ этой складной (приговорѣ) перечисляются не только сыновья, но и внуки домохозяевъ¹⁾.

Что же касается втораго вопроса, относительно присутствія на мірскомъ (приходскомъ) сходѣ половниковъ, бобылей и т. п. безземельнаго пролетаріата, то присутствіе половниковъ, а тѣмъ болѣе половниковъ церковныхъ, считавшихся старожилами въ волости и называвшихся «извѣчными тиглыми крестьянами»,—несомнѣнно. Половники этого рода («празговичики») представляли собою, какъ выше упомянуто, цѣлую корпорацію, экономической союзъ, вліятельный въ волости, энергично защищавшій свои пите-

1) Р. И. Б. т. XII, № ССXLII, стр. 1124.

ресы, жалующійся на незаконныя, по ихъ мнѣнію, дѣйствія становой администраціи и т. д. Какъ увидимъ ниже, половники были церковными старостами такъ же, какъ и своеземцы, съ которыми они были совершенно равноправными, въ качествѣ распорядителей мірскихъ (приходскихъ) дѣлъ.

Для подтвержденія возьмемъ порядныя Георгіевскаго прихода, Лодомской волости.

Въ 1672 г. иѣкіе кр. Максимъ и Петръ Оедотовы Шцевовы порядились на церковную деревню ¹⁾; въ 1681 г. Максимъ Оедотовъ перечисляется среди мірскихъ людей, отдававшихъ на «празгу» церковныя земли ²⁾.

Въ 1672 г. порядился, въ половники Сергій и братъ его Давыдъ Рудачковъ ³⁾, а въ 1681 г. онъ перечисляется среди мірскихъ людей, ⁴⁾ и т. д. Мало того, указанный выше половникъ Максимъ Оедотовъ былъ даже церковнымъ старостой ⁵⁾.

Что же касается бобылей, захребетниковъ и т. д., то, разумѣется, они не участвовали въ мірскомъ сходѣ и не только въ мірскомъ, но и приходскомъ ⁶⁾.

Такимъ образомъ, установленіе проф. Богословскимъ опредѣленнаго правила о томъ, что присутствовать на мірскихъ сходахъ могли лишь собственники земель, «своеземцы», требуетъ поправокъ и вообще не приложимо къ приходскимъ сходамъ.

Наконецъ, третій вопросъ, вопросъ о представительствѣ въ организаціи мірскаго схода, тоже споренъ. Но мнѣнію проф. Богословскаго ⁷⁾, заинтригованнаго тѣмъ, что въ приговорахъ, ближайшихъ по времени написанія, пишутся не одни и тѣ же лица, здѣсь пѣветъ мѣсто безформальное представительство со стороны деревень, входящихъ въ міръ, и вообще со стороны тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ; онъ основывается на томъ, что въ приговорахъ перечисляется лишь часть домохозяевъ — крестьянъ,

¹⁾ А. Л. Ц., № CCCLX, стр. 253.

²⁾ А. Л. Ц., № CCCLXVII, стр. 264.

³⁾ А. Л. Ц., № CCCLXI, стр. 254.

⁴⁾ А. Л. Ц., № CCCLXVII, стр. 264.

⁵⁾ Ibid., стр. 264.

⁶⁾ Богословскій, т. I, стр. 218—219.

⁷⁾ Богословскій, т. I, стр. 206—218 и т. II, стр. 40.

имѣющихъ право обсуждать мірскіе вопросы, а другая часть (большая) скрывается подъ формулой: «и во всѣхъ крестьянъ мѣсто», или «всѣ крестьяне такой то волости».

Въ отношеніи волостныхъ или становыхъ сходовъ (сходовъ податныхъ общинъ) эта гипотеза о мірскомъ представительствѣ имѣетъ долю истины (можно даже пойти далѣе и утверждать съ нѣкоторою вѣроятностью, что представителями отъ разныхъ общественныхъ группъ на этихъ сходахъ являлись «сборщики»—особые финансово-административные органы), но, напротивъ, она неприложима къ приходскимъ сходамъ, что признается впрочемъ и проф. Богословскимъ.

Мірскому сходу принадлежали слѣдующія функціи въ отношеніи приходской жизни:

1. мірской сходъ выбиралъ или назначалъ причтъ;
2. выбиралъ церковнаго старосту изъ среды прихожанъ;
3. мірскому сходу принадлежалъ общій надзоръ за правильнымъ теченіемъ приходской жизни: ему отдавалъ отчетъ церковный староста; для ревизіи церковныхъ суммъ приходилось иногда избирать особыхъ «счетчиковъ»; счетчики, обревизируя церковную казну, дѣлали представленія, соотвѣтствующія обстоятельствамъ, мірскому сходу;
4. мірской сходъ подавалъ челобитныя царю, патріархамъ, митрополитамъ и епархіальному архіерею по всѣмъ особо важнымъ приходскимъ дѣламъ, требующимъ ихъ спеціальнаго разрѣшенія и выходящимъ изъ рамки повседневныхъ и обыкновенныхъ дѣлъ;

5. выше мной упомянуто, что по «принципу частно-правности» приходы сохранили право непосредственнаго распоряженія церковными имуществами и, въ частности, землей. Только лишь по приговору и съ согласія мірскаго схода порядчики на церковную землю могли получить аренду. Это право міры усиленно защищаютъ отъ посягательства Архіерейскихъ Домовъ—сторонниковъ «клирикальнаго» порядка, поручившихъ завѣдываніе церковными имуществами священнику и церковному прикащику и предполагавшихъ сдѣлать изъ названныхъ лицъ своихъ экономическихъ агентовъ, «управляющихъ» церковными землями. Когда міры въ это время избирали церковныхъ старостъ, то первое условіе, встрѣ-

чавшееся въ «пзлюбѣ» (выборѣ) церковнаго старосты, касалось сохраненія, именно, права распоряженія церковными имуществами, деревнями и иными угодьями, къ церкви приписанными. «А рядить половниковъ съ мірскаго совѣту», говорится въ такихъ «выборахъ».

Сами порядныя ищутся зачастую отъ лица міра или, вѣрнѣе, отъ лица волоцанъ-прихожанъ, а согласіе и разрѣшеніе выражается обыкновенно словами:

— «А порядчикъ этотъ любъ намъ, крестьянамъ Лодомской волости» ¹⁾.

Интересно то обстоятельство, что по аналогіи съ церковными вотчинами, міры присвоили рядить половниковъ и на землю причта, что, разумѣется, до крайности было стѣснительно для «крылошанъ». Потребовался рядъ указовъ въ защиту самостоятельнаго, со стороны причта, поряженія половниковъ на свои земли. Напр., «Велено... попу Андрею въ деревню свою въ церковный паѣ половниковъ рядить по своей воли и пожилые деньги и дрова и лучину съ нихъ половниковъ имать ему на себя и прежнему своему половнику Пантелійку жить въ той деревни до срошныхъ лѣтъ» ²⁾.

Прихожане Николаевской, на Кодлаѣ, церкви, которымъ читался данный указъ, напротивъ, упорно защищали свое право и, по словамъ разслѣдовавшаго этотъ инцидентъ священника, «выслушавъ Архіерейскій указъ, ни во что же вмѣнили, по тому указу противны учинились, ему, попу Андрею, въ деревнѣ своей въ церковномъ паю половниковъ по своей воли не велѣли рядить и прежнему половнику Пантелійку въ половьи жить не велѣли же».

4.

Этимъ ограничивалось компетенція мірскаго схода,—такъ сказать, компетенція непосредственная. Все же иное, касающееся до завѣлыванія церковью и церковно-хозяйственными дѣлами, міръ поручалъ избранному изъ числа прихожанъ, церковному старостѣ или прикащику, по терминологіи сѣверныхъ архіепископовъ, Осо-

¹⁾ Напр., порядныя Георгіевскаго прихода (А. Л. Ц.)

²⁾ Р. И. В. т. XII, № CLXI, стр. 707.

быхъ спеціальныхъ условій для выбора въ старосты народный обычай не зналъ; церковнымъ старостой могъ быть всякій, на кого падеть довѣріе прихожанъ, независимо отъ его сословнаго положенія. Старостой могъ быть:

1) половникъ;

2) обыкновенный «тяглоу крестьянинъ или «посадскій» у «уличанъ», т.-е., прихожанъ посадскихъ церквей;

3) наконецъ, члены причта, напримѣръ, священникъ той-же церкви.

Такъ, въ одномъ приходѣ образовалось настоящая традиція избирать священника въ церковные старосты, напр.:

«Лѣта 7123 марта въ 4-ый день память Спасескому приканцику попу Тимофею Иванову расходная... что велѣли посадскіе люди мѣ: попу Тимофею Спасескую казну... въ приходѣ и въ расходѣ вѣдать» ¹⁾. После священника Тимофея Спасскіе прихожане выбрали священника Стефана ²⁾.

Церковные старосты обыкновенно избирались на одинъ годъ и единолично (до реформъ архіепископовъ).

Обязанности церковнаго старосты были многочисленны, касались всѣхъ сторонъ жизни религіозной общины и церкви и заключались ³⁾: во 1-хъ, въ управленіи церковно-хозяйственными дѣлами; во 2-хъ, въ представительствѣ церкви, какъ юридическаго лица; въ 3-хъ, въ представительствѣ прихода, какъ религіозной общины; въ 4-хъ, въ представительствѣ прихода, какъ мелкой земской единицы.

1. Управление церковно-хозяйственными дѣлами является самымъ важнымъ и главнымъ дѣломъ церковнаго старосты, откуда вытекаютъ остальные обязанности, такъ сказать, второстепенныя; это понимается и прихожанами того времени: по ихъ мнѣнію, основная цѣль и обязанность церковнаго старосты заключается въ томъ, «чтобы казну и въ приходѣ и расходѣ вѣдать» ⁴⁾.

Въ силу этого церковные старосты:

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, № VII, стр. 29.

²⁾ Р. И. Б. т. XII, № XI—XII, стр. 50—51.

³⁾ Богословскій, т. II, стр. 41—43.

⁴⁾ Р. И. Б. т. XII, № VII, стр. 29.

а. Завѣдываютъ церковными имуществами, напр., церковными деревнями, наблюдаютъ за точнымъ исполненіемъ обязанностей, принятыхъ на себя порядчиками, собираютъ празгу и т. д.

б. Принимаютъ пожертвованія, организуютъ сборы, ведутъ церковную «бухгалтерію» и т. д.

в. Заботятся о благосостояніи и обиліи церковной казны, покупаютъ землю, берутъ отъ казны оброчныя угодья и т. д.

г. Озабочиваются тѣмъ, чтобы церковь не испытывала никакой нужды въ освященныхъ и церковныхъ предметахъ, необходимыхъ для совершенія богослуженія, доставляютъ въ необходимомъ количествѣ вино, масло, свѣчи и т. д., завѣдуютъ просфорней, продаютъ церковные предметы: свѣчи, масло, ладанъ и т. д.

д. Заботятся о благоукрашеніи храма, производятъ ремонтъ, наблюдаютъ за постройкой и т. д.

е. Согласно обычаю, раздаютъ церковную казну, если она скопилась и лежитъ «впустѣ», прихожанамъ, получаютъ проценты отъ должниковъ и т. д. На почвѣ прижизненія этого обычая, правда, весьма благотѣльнаго для крестьянъ-прихожанъ, очень нуждавшихся въ кредитѣ, были возможны и происходили постоянныя злоупотребленія, съ которыми трудно было бороться, ибо инициативы борьбы съ ними не было: члены причта не играли никакой роли въ приходѣ, а прихожане въ этихъ злоупотребленіяхъ были заинтересованы. Ежегодный контроль счетчиковъ не могъ уловить этихъ злоупотребленій, такъ какъ церковныя суммы были въ цѣлости, между тѣмъ какъ «понаровка» или комиссіонное вознагражденіе оставалось на совѣсти церковнаго старосты. Это комиссіонное вознагражденіе было причиной того, что они раздавали церковную казну совершенно некредитоспособнымъ лицамъ.

2. Церковный староста былъ представителемъ церкви, какъ субъекта частнаго права, предъ государствомъ и предъ организаціями земскаго самоуправленія.

Въ силу этого, онъ являлся: во-первыхъ, представителемъ церкви вмѣстѣ съ имущественнымъ комплексомъ предъ волостной или становой администраціей. Онъ участвуетъ въ мірской раскладкѣ податей и сборовъ, собираетъ разрубленные деньги съ церковныхъ

половниковъ и получалъ отписи ¹⁾); во-вторыхъ, въ качествѣ «судебнаго» представителя, защищать судомъ церковные права и интересы, подаетъ явки, жалобы, вчиняетъ иски и отвѣчаетъ на предъявленныя къ церкви и т. д.

3. Церковный староста является представителемъ прихода, въ смыслѣ религіозной общины и, въ качествѣ такового: а) созываетъ приходскій сходъ или мірской (если приходъ совпадалъ съ волостью) и предлагаетъ на обсужденіе приходскіе вопросы; можно, пожалуй, сказать, что онъ предсѣдательствуетъ на этихъ собраніяхъ; б) защищаетъ интересы религіозной общины отъ посягательствъ на автономію прихода со стороны или епархіальной власти, или частныхъ лицъ, вотчинниковъ и т. д., с) является ходатаемъ по церковнымъ дѣламъ религіозной общины, ходатайствуетъ предъ епархіальнымъ архіереемъ о нуждахъ церковнымъ, напр., о постройкѣ новой церкви и т. д.

4. Наконецъ, церковный староста является представителемъ прихода, въ смыслѣ мелкой земской единицы ¹⁾:

а) Церковный староста былъ однимъ изъ органовъ волостного самоуправления. Такъ смотрѣло на старость и центральное правительство, обращаясь съ наказными памятями къ нимъ, какъ представителямъ земскихъ организацій; напримѣръ: «Лѣта 7188 г. Юня въ 18 день, память Кокшенской четверти четверному и земскимъ судейкамъ Пронкѣ Русихиному съ товарицами, и церковнымъ старостамъ, и губныхъ дѣлъ сотникомъ, и пятидесятникомъ, и десятникомъ...» такъ начинается наказная память (о приготовленияхъ къ принятію писцовъ) ²⁾.

б) Отсюда—церковные старосты исполняли и нѣкоторыя полицейскія функціи, наравнѣ съ пятидесятниками и десятниками; имъ подавались явки по маловажнымъ дѣламъ, они были понятными и т. д.

с) Иногда же они являлись и третейскими судьями, и официальными свидѣтелями сдѣлокъ, совершаемыхъ прихожанами въ трапезѣ.

Особенно велико значеніе старосты въ томъ случаѣ, когда

¹⁾ См. ниже и многочисленные документы въ А. Л. Ц. Богословскій, т. II, стр. 43—44.

²⁾ Р. И. Б., т. XIV, № СХС, стр. 454.

приходъ не совпадалъ съ волостью; здѣсь онъ являлся не только церковнымъ, но и мірскимъ старостою, исполняя, кромѣ того, обязанности прочей волостной администраціи, сборщиковъ, веревныхъ цѣловальниковъ и т. д. Словомъ, его значеніе распространялось на всѣ стороны несложной жизни сѣвернаго прихода. Выборъ причта, поряженіе половиковъ и т. д.,— все это, конечно, не обходилось безъ его участія; надзоръ же приходскихъ людей безъ помощи причта, безъ постоянной контролирующей власти, былъ слишкомъ слабъ и незначителенъ.

Міръ, въ большинствѣ случаевъ, относился, до известной степени, индифферентно къ церковно-хозяйственнымъ дѣламъ, и почти не было примѣра, чтобы волостные-прихожане жаловались на своего старосту: міръ не любилъ выносить сора изъ избы. Всѣ отчеты первовныхъ старостъ кончались тѣмъ, что, если выборные «сметчики» найдутъ «начетъ», т. е. обнаружатъ растрату, то мірскіе люди лишь доправляли со старостъ недостающія суммы, а большей частью и прощали, благочестиво говоря:

«судить Архистратигу Михаилу».

Отчеты эти, конечно, отдавались лишь послѣ старощенія, и, въ этомъ случаѣ, не достигали цѣли при существовавшихъ порядкахъ.

ГЛАВА II.

Приходы мірскихъ церквей (продолженіе).

Характеристика духовенства на Сѣверѣ. Роль и значеніе причта въ приходахъ мірскихъ церквей. Доходы духовенства и экономическое положеніе. Приходъ, какъ юридическое лицо. Процессъ дробленія приходоѡ. Часовенные приходы. Часовни, ихъ постройка, завѣдываніе часовеннымъ хозяйствомъ и органы часовеннаго прихода. Часовенный староста. Причтъ и часовенные прихожане. Приходъ и волость. Приходъ въ смыслѣ мелкой земской единицы.

1.

Вопросъ о приходскомъ духовенствѣ хорошо разработанъ въ нашей литературѣ¹⁾, и поэтому мы лишь намѣрены дать нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся положенія и быта сѣвернаго духовенства.

При наблюдаемой автономіи религіозныхъ общинъ, естественно, что приходское духовенство не играло никакой роли въ приходскихъ дѣлахъ. Если мы будемъ просматривать порядныя, заключаемыя міромъ со священникомъ, то насъ поразитъ «грубое» содержаніе этихъ порядныхъ, заключающихъ лишь два условія: обязанности священника служить, т. е. совершать Богослуженія и Таинства, и обязанности міра вознаграждать за труды— и только.

Почти въ каждой порядной говорится: «службы Божіи безъ пѣнія не стаяло бы», «церкви безъ пѣнія не держати».

Итакъ, единственной обязанностью причта—совершеніе требъ

¹⁾ Напр., З а м е н с к і й. Приходское духовенство; В е р ю ж с к і й. Указ. соч.

и Богослуженій, безъ всякаго вмѣшательства въ приходскія дѣла. Такое положеніе причта, освященное обычаемъ и признаваемое епархіальной властью, происходило изъ принципа автономіи религиозныхъ общинъ; при взглядѣ на церковь, какъ на собственность, (лишь только смягченномъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ выше указано, въ приходахъ мірскихъ церквей), конечно, трудно и предполагать о какомъ-нибудь значеніи причта, такъ какъ отношеніе прихожанъ къ церкви не признавалось за публично-правовое отношеніе, и мірскіе люди, исходя изъ принципа автономіи религиозныхъ общинъ, совершенно логично разсуждали, утверждая, что дѣло причта служить и только. Но какъ только эти принципы, на которыхъ покоилась приходская жизнь, поколебались подъ реформами архіепископовъ, немедленно же измѣняется значеніе и положеніе причта въ приходахъ.

Боролось-ли духовенство противъ своего приниженаго положенія? Нѣтъ, духовенство относилось индифферентно къ своей незначительности, къ своей духовной бѣдности. За два вѣка мы не видѣли ни одной яркой фигуры, которая вышла бы изъ повиновенія міра; лишь реформы архіепископовъ вызвали самостоятельность приходскаго духовенства и призвали къ руководительству своей паствы.

Приниженному положенію духовенства въ приходахъ соответствовало и приниженное и незначительное положеніе въ земскомъ самоуправленіи, тотъ же индифферентизмъ, также боязь общественной дѣятельности ¹⁾. Участіе духовенства въ земскихъ дѣлахъ лишь ограничивается подписями въ нѣкоторыхъ челобитныхъ, подаваемыхъ Московскому правительству, а между тѣмъ земское самоуправленіе открывало широкое поле дѣятельности.

Но приходское духовенство въ этомъ, собственно говоря, винить не приходится: затерянное въ далекихъ приходахъ, безъ защиты церковной власти, которая тѣмъ самымъ узаконяла существующіе порядки, положеніе было совершенно безпомощное. Сюда слѣдуетъ отнести ихъ бѣдность, заставлявшую ихъ слѣдовать всѣмъ желаніямъ міра.

¹⁾ Богословскій, т. I, стр. 232—234.

Чтобъ освѣтить матеріальное положеніе духовенства, мы приведемъ «статьи» доходовъ приходскаго духовенства.

1. Главнымъ источникомъ доходовъ причта были церковныя земли, деревни, называемыя поновскіими или пономарскими; въ большинствѣ случаевъ, эти земли были чернотяглыми и изъ доходовъ, получаемыхъ съ нихъ, приходилось платить дани, подати, повинности, а также десятину архіепископу или Новгородскому митрополиту.

2. Кромѣ этой земельной ренты, причтъ рядилъ ругу, т. е. сборъ продуктами, главнымъ образомъ, хлѣбомъ: рожью, овсомъ, ячменемъ. Руга была «уставной», т. е. по приговору міра, разъ навсегда опредѣленная, и руга, безъ приговора въ неопредѣленномъ количествѣ, по личному желанію каждаго прихожанина ¹⁾).

3. Причтъ получалъ вознагражденіе за требы, за молебны и т. д., но изъ этого вознагражденія онъ отдавалъ опредѣленный процентъ въ церковную казну ²⁾).

4. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ причтъ получалъ, въ качествѣ единовременнаго пособія, суммы изъ церковной казны, ассигнуемыя міромъ ³⁾).

Но эти доходы были, разумѣется, недостаточны, и для безбѣднаго существованія духовенству приходилось быть половниками и порядчиками церковныхъ земель, что, однако, не всегда было возможно, ввиду существовавшаго недоброжелательства мірскихъ людей къ «поновской» арендѣ церковныхъ деревень; передача же церковной земли въ арендное пользованіе, какъ мы видѣли, зависѣло исключительно отъ прихожанъ, или во всякомъ случаѣ отъ «протекціи» церковнаго старосты: міръ, по присутствію ему крестьянской солидарности, съ большимъ удовольствіемъ отдавалъ землю своему брату—крестьянину, нежели причту. Уже послѣ реформъ архіепископовъ священникъ одного прихода жалуется, что церковный при-

¹⁾ Р. И. В. т. XII, № CLXIII, стр. 711.

²⁾ Р. И. В. т. XII, № CCLIX, стр. 1216; Богословскій, т. II, стр. 29.

³⁾ Прекрасную характеристику приходскаго духовенства на Сѣверѣ, даетъ и Верюжскій въ указ. соч. Тамъ же есть отдѣлъ и о приходахъ дореформенныхъ и пореформенныхъ.

кащикъ не отдалъ церковной земли въ арендное пользованіе ему, священнику, а отдалъ своему родственнику и за уменьшенный оброкъ ¹⁾. Въ другомъ приходѣ священникамъ приходилось прибѣгать къ постороннему заработку, напрямѣръ, поставявъ тесь и смолу въ Архіерейскій Домъ ²⁾, заниматься плетеніемъ корзинъ и ихъ продажей ³⁾. Въ нѣкоторыхъ приходяхъ даже не давали руги и вознагражденія за требы и, такимъ образомъ, причту приходилось кормиться лишь церковными деревнями. Въ виду такого печальнаго положенія, священникъ и дьячокъ, обыкновенно, обращались съ многочисленными челобитными объ облегченіи ихъ участи. Часто обращались они и къ царю вкупѣ со своими прихожанами объ обѣленіи тяглыхъ нововскихъ деревень; обращались и въ Архіерейскіе Дома объ уменьшеніи оброка... Просьбы причта, впрочемъ, почти всегда удовлетворялись: «для его, пона или дьячка, скудости» ⁴⁾.

Съ другой стороны, причиной приниженаго положенія духовенства на Сѣверѣ слѣдуетъ считать и то обстоятельство, что оно даже къ XVIII вѣку не образовало изъ себя опредѣленнаго сословія съ общностью интересовъ, солидарностью и съ сословнымъ правосознаніемъ. Если бы духовенство на Сѣверѣ было сословіемъ, то мірскому міровозрѣнію оно противопоставило свое собственное, и, конечно, приходская автономія была бы фактически ослаблена значеніемъ духовенства, чернаваго силы въ сословномъ правосознаніи. Но этого небыло. Въ XVI и XVII вв. кандидатами во священники были тѣ же крестьяне, а въ посадскихъ общинахъ посадскіе, поскольку эти кандидаты считались самими крестьянами — прихожанами удовлетворяющими минимальнымъ требованіямъ и качествамъ, необходимымъ для исполненія обязанностей священно и церковнослужителей ⁵⁾.

Но къ концу XVII вѣка сталъ мало по малу укрѣпляться на-

¹⁾ А. Л. Ц. № CCCLXXXV стр. 299.

²⁾ Верюжскій, стр. 166.

³⁾ Верюжскій, стр. 166.

⁴⁾ См. напр., мног. челоб. въ А. Л. Ц. напр., № CCLXXX, стр. 184 и т. д.

⁵⁾ Верюжскій, стр. 166—167.

слѣдственный порядокъ поступленія въ священно и церковнослужители. Въ челобитныхъ, подаваемыхъ архіепископамъ о назначеніи кандидата на ту или иную вакансію, стали обыкновенными выраженія: «сыну попову», «сыну пономареву», или «во отца его мѣсто»; и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда лѣта не позволяли сыну священника занять его мѣсто (напр., за смертью его), онъ считался все же кандидатомъ ¹⁾). Когда же у священника не было сына, то его мѣсто занималъ братъ или другой какой нибудь родственникъ—причетникъ. Но, конечно, такъ сказать, о «юридической» наследственности не могло быть и рѣчи, была лишь «фактическая» наследственность; мірскіе люди, главнымъ образомъ, руководствовались своими порядками, и, не исполнявшаго своихъ обязанностей, священника мірскіе люди немедленно же увольняли, хотя бы онъ и поступилъ согласно наследственному порядку ²⁾).

Кромѣ этого, посвященные въ «духовный чинъ» не разрывали прежней связи съ тѣмъ кругомъ отношеній, въ которомъ они находились ранѣе—до своего выбора. Крестьянинъ, избранный въ священники, оставался крестьяниномъ; если онъ былъ тяглымъ крестьяниномъ, то становился «тяглымъ попомъ». Духовное званіе не освобождало его отъ тягла со всѣми чергами, присудими ему, и не давало ему никакихъ послабленій, льготъ. Сбѣжавшій «тяглый попъ» преслѣдовался и водворялся на свое тяглое мѣстожительство ³⁾).

Наконецъ, много вліяло на положеніе причта еще и то обстоятельство, что члены причта, получивъ «на кормлю» церковную деревню, почти всегда черно-тяглую, собственно говоря, ни чѣмъ не различались отъ церковныхъ порядчиковъ-половниковъ ⁴⁾). Они являлись полными товарищами по тяглу; въ то время, какъ бывали случаи, хотя очень рѣдкіе, когда церковные-порядчики-половники были освобождены отъ самостоятельнаго несенія тягла, священникъ и прочій причтъ, всегда самостоятельно платили всѣ подати и сборы безъ посредства церкви—собственника. Члены причта были непремѣнными членами тяглою общины; они участво-

1) Верюжскій, стр. 166—167.

2) Верюжскій, стр. 159.

3) Верюжскій, стр. 142.

4) Ibid.

вали въ томительной и нудной системѣ прямого обложенія, со всѣми чертами послѣдняго. Какъ члены тяглоѣ общины, «крылошаны» подлежали круговой порукѣ, и мы встрѣчали многочисленныя случаи, когда причтъ платилъ за «бѣглыхъ» крестьянъ стана и волости и т. д. ¹⁾).

Соединивъ свою судьбу съ мірскими людьми, члены причта, конечно, дѣлили съ ними всѣ удачи и неудачи, а когда случался неурожай, то крестьяне «брезли рознь», а за ними, конечно, слѣдовало и духовенство:

«И отъ хлѣбныя скудости мы, сироты, и всѣ церковныя причетники и крестьяне всѣ бредутъ врозь—въ иные города и уѣзды для прокормленія и дома свои мечутъ пустыя» ²⁾).

Итакъ, не выдѣляясь своимъ саномъ изъ круга своихъ пасомыхъ, подавленные приходскою автономіей, переплетенные «тяглыми» интересами съ ними, имущественно необезпеченные священники не имѣли ни силъ, ни средствъ бороться съ приходскою автономіей, и по выраженію одной челобитной, «умирали голодною смертью» ³⁾).

Съ другой стороны, и духовенство на Сѣверѣ не было «образомъ кротости»: малообразованное, «мужицкое», совмѣстившее недостатки обоихъ сословій, оно вызывало, пресловутое въ Россіи, чувство саркастическаго презрѣнія. Явки, а также дѣла суднаго приказа Сѣверныхъ архіепископовъ обнаруживаютъ нѣкоторыя бытовыя черты, не говоряція въ пользу духовенства, среди котораго было особенно распространено пьянство ⁴⁾).

Кромѣ этого, духовенство было и малообразованнымъ: оно было только грамотнымъ. Между священниками встрѣчались лица, не знавшія даже, какъ надо совершать Богослуженія. «А Литургіи Божіи служить не умѣеть и младенцевъ креститъ безъ мѣра и безъ масла», доноситъ объ одномъ священникѣ поповскій десятникъ ⁵⁾).

Наконецъ, члены причта совершенно равноправныя между собой или, вѣрнѣе, одинаково безправныя въ автономныхъ рели-

¹⁾ А. Л. Ц. № СССXXXVII, стр. 244.

²⁾ Арх. Губ. Вѣдомости 1869 г., № 2.

³⁾ А. Л. Ц. № ССLXXX, стр. 184.

⁴⁾ Верюжскій, стр. 143. См. также многоч. явки и дѣла суднаго приказа, помѣщ. въ XII, XIV и XXV т. Р. И. Б.

⁵⁾ Верюжскій, стр. 143—144 и Арх. Губ. Вѣд. 1869 г. № 2.

гюзныхъ общинахъ, находясь въ одинаковомъ подчиненіи и зависимости у церковнаго старосты, и не подлежащіе фактически настоятельской власти священника, интриговали другъ съ другомъ, подавали многочисленныя явки, извѣты и т. д. ¹⁾.

Теперь перейдемъ къ вопросу: былъ ли Сѣверный приходъ юридическимъ лицомъ?

Если понимать подъ приходомъ одну лишь религіозную общину, то на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить, что приходъ на Сѣверѣ никогда не былъ юридическимъ лицомъ. Нужно замѣтить, что, склонные къ конкретнымъ понятіямъ, сѣверные богомольцы и не нуждались въ этомъ институтѣ по слѣдующимъ причинамъ.

Какъ выше упомянуто, они считали церковь за юридическое лицо, и даже не церкви, а гораздо конкретнѣе, св. Георгія, Илью пророка, т. е. того святого, во имя котораго данная церковь построена. Съ другой стороны, юридическимъ лицомъ считался и приходъ, но въ понятіи «міръ», т. е. не въ смыслѣ религіозной общины, а въ смыслѣ—мелкой земской единицы. Въ томъ же случаѣ, когда религіозная община не совпадала съ волостью,— все же образовывался міръ, хотя съ нѣкоторыми односторонними функціями и приходъ, въ качествѣ такового, былъ юридическимъ лицомъ, и во всякомъ случаѣ, могъ быть таковымъ. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ и пространствѣ прихода имѣли мѣсто два юридическия лица, что было совершенно достаточно и не для такой примитивной экономической и гражданской жизни, каковой была жизнь на Сѣверѣ. Мало того, созданіе третьей фикціи для прихода—религіозной общины, съ точки зрѣнія сѣверныхъ мірскихъ людей, было совершенно немислимо, въ виду тѣснаго соприкосновенія приходской жизни съ другими сторонами мірской жизни ²⁾.

Такое созданіе третьей фикціи для прихода—религіозной общины, дробило бы надвое единый міръ, что, конечно, не могло до-

¹⁾ См. Верюжскій, стр. 143.

²⁾ Повидному, много мнѣнія держится проф. Богословскій въ т. II, стр. 36, гдѣ онъ говоритъ: „земская волость и церковный приходъ различались какъ юридическия лица“. Далѣе онъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что субъектомъ права является не приходъ, а храмъ; ясно, что первое его мнѣніе описка или недоразумѣніе.

пустить народное міровозрѣніе. такое дробленіе было и практически не осуществимо, въ виду примитивной несложности приходской жизни и церковно-приходскаго общенія.

Все, что А. А. Папковъ ¹⁾ говоритъ о просвѣтительномъ и благотворительномъ значеніи прихода, до Сѣвера ни коимъ образомъ не относится, особенно къ данной эпохѣ, т. е. XVI и XVII вв. Совершенно нѣтъ приходскихъ благотворительныхъ учреждений, т. е. учреждений мірскихъ, иждивеніемъ міра построенныхъ: присутствіе на погостѣ келій «нищихъ старицъ», равно ничего не доказываетъ, потому что на погостѣ ютились всѣ, не имѣющіе своей земли для постройки дома (усадебной); тамъ, напр., жили и бобыли, занимавшіеся ремеслами, «непашенные люди»; упоминаніе же писцовыхъ книгъ о томъ, что «нищія старицы» «питаются именемъ Божиимъ», еще не доказываетъ планомерной организациі благотворительности со стороны міра—прихода. Здѣсь, очевидно, имѣетъ мѣсто обыкновенная милостыня со стороны сердобольныхъ богомольцевъ, существующая повсюду на Руси, и однако никакъ не называемая «приходской благотворительностью». Мы не видимъ также и просвѣтительныхъ учреждений въ приходѣ. Упоминаніе А. А. Папкова о томъ, что при нѣкоторыхъ церквяхъ находились книгохранилища ²⁾, мы считаемъ слишкомъ единичнымъ случаемъ, чтобы считать это обстоятельство характерной чертой. Слишкомъ примитивна была приходская жизнь, слишкомъ тускло выражена, чтобы тамъ тогда можно ожидать тѣхъ проявленій приходской жизни, какія и теперь являются еще предметомъ мечтаній.

Эта «примитивность» или несложность церковно-приходской жизни зависѣла отъ заброшенности приходовъ, ихъ сравнительной бѣдности, малочисленности населенія, и наконецъ, малочисленности прихожанъ въ предѣлахъ прихода. Что могли создать прихожане, когда среднее количество дворовъ въ типичномъ приходѣ не превышало 100 (обыкновенный же минимумъ — 40 дв.), при томъ разбросанныхъ вокругъ центра приходской жизни—погоста

¹⁾ „Древне-русскій приходъ“. „Погосты“ и т. д.

²⁾ Но проверка, указываемыхъ авторомъ актовъ (Р. И. Б. т. XII, стр. 32, 506—509 и т. д.), свидѣній „о книгохранилищахъ“ не оказалось; имѣлись лишь богослужебныя книги.

на 40 верстъ въ діаметрѣ. Въ описи часовень встрѣчаются указанія, что многія часовни, слѣдовательно, и деревни, въ коихъ онѣ находились, были въ 25 верстахъ отъ церкви за лѣсами, «мхи и болота». Сюда слѣдуетъ присоединить еще и то обстоятельство, что, склонные къ автономному самоопредѣленію сѣверные крестьяне, напротивъ, отрывались отъ приходскаго общенія посредствомъ особыхъ «палліативныхъ» общинъ, именно, посредствомъ часовенныхъ приходовъ.

Съ возникновеніемъ идей о земской церкви можно было надѣяться, что земство, а не міры и приходы организуетъ тѣ или иныя просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія, но только не въ предѣлахъ того или иного прихода, а въ земскомъ уѣздномъ центрѣ. Великоустюжское земство дѣйствительно создало земскую богадѣльню, съ земскимъ завѣдываніемъ этой богадѣльней. Но реформы архіепископовъ, педантично проведенныя, подорвали пробуждавшуюся самодѣятельность и сдѣлали культурную работу уѣздныхъ земствъ неосуществимой.

2.

Здѣсь мы коснемся вопроса о дробленіи приходовъ на Сѣверѣ.

Какъ извѣстно, земскіе міры подлежали постоянному дробленію, подлежали постоянной «дифференціаціи и интеграціи», хорошо изученной проф. Богословскимъ ¹⁾; причинами дробленія были—увеличеніе населенія или посредствомъ естественнаго прироста, или посредствомъ колонизаціи. По словамъ проф. Богословскаго, «дробленіе міровъ наступало, когда питаніе основныхъ клѣточекъ, изъ коихъ состоитъ міръ, т. е. деревень и другихъ союзовъ частно-правнаго характера, увеличивалось».

Съ другой стороны, поводомъ такого дробленія являлось почти всегда образованіе въ предѣлахъ міра новой религіозной общины. Достаточно, чтобы изъ міра выдѣлилось нѣсколько деревень и образовали отдѣльный приходъ, какъ выдѣлился бы новый міръ, но съ односторонними функціями, направленными, главнымъ образомъ, въ сторону удовлетворенія религіозныхъ по-

¹⁾ Богословскій, т. I, стр. 43.

требностей. Это отношеніе на Сѣверѣ обыкновенно называлось выставкой или выставочнымъ приходомъ.

Измѣненія, происходившія въ податной общинѣ, вслѣдствіе подобнаго выдѣленія, мы разсмотримъ нѣсколько ниже; теперь же остановимся лишь на религіозно-общественной сторонѣ.

Какъ только союзъ деревень строилъ храмъ-выставку и рѣшалъ образовать новую религіозную общину, то происходило полное отдѣленіе этихъ деревень отъ прихода. Никакихъ юридическихъ отношеній между этими новыми приходами не существовало и выставочная церковь съ приходскимъ отношеніемъ, возникавшемъ вокругъ нея, жила самостоятельной жизнью. Причтъ выставочнаго храма былъ совершенно независимъ отъ причта основного храма, что постоянно признавалось и епархіальной властью, сносившейся съ причтомъ выставки, отнюдь не черезъ причтъ основного, такъ сказать, «метрополнаго» храма; и новоорганизованная религіозная община также не имѣла никакого общенія съ прежнимъ приходомъ; церковная дань уплачивалась совершенно самостоятельно церквами (за нѣкоторыми, очень рѣдкими, исключеніями), и, наконецъ, самое названіе—«выставка»—сохранялось лишь нѣсколько лѣтъ; но, разумѣется, основная церковь пользовалась большимъ уваженіемъ; въ трапезѣ ея собирався волостной, а не только приходскій сходъ; основная церковь, обыкновенно, была богаче и т. д. ¹⁾), но и только.

¹⁾ Между прочимъ существуетъ противоположное мнѣніе объ этомъ вопросѣ, именно, А. А. Паикова, который утверждаетъ, что между основной и выставочными церквами существовала связь и нѣкоторыя юридическія отношенія; что выставочныя церкви были представляемы предъ епархіальной властью основными церквами; что церковная дань разрубалась погостомъ по выставкамъ и т. д. Признавая, что это утвержденіе могло казаться другихъ областей, однако по отношенію Сѣвера (Холмогорской и Устюжской епархій) является недоразумѣніемъ. А. А. Паиковъ утверждаетъ также, что въ Устюжскомъ и Двинскомъ уѣздѣ существовалъ рядъ погостовъ, въ смыслѣ административно-церковныхъ округовъ, и перечисляетъ ихъ: Тетмасъ, Благовѣщенскій, Царевкопстантиновскій, Вознесенскій, Георгіевскій.. Смѣемъ утверждать, что названные погосты, въ указанномъ авторомъ смыслѣ, не существовали. Погосты были,—но въ смыслѣ „поселка“. Вообще на Сѣверѣ въ указанную эпоху погосты новгородскихъ временъ не могли имѣть

Въ свою очередь, поводомъ къ дробленію сѣверныхъ религіозныхъ общинъ являлось возникновеніе особыхъ мелкихъ, даже мельчайшихъ, церковно-«приходскихъ» единицъ, именно—часовенныхъ приходовъ или «сходовъ», какъ выражаются документы.

Эти часовни были очень типичными явленіями для Сѣвера, какъ типичны деревни, вкрапленныя въ лѣса, и вызывались географическими особенностями и бытовыми условіями края. Расчистивъ лѣсъ и поселившись на этой рощистѣ, «займищѣ», «починкѣ», построивъ дворы, крестьяне—колонисты не минуемо «удалѣли» отъ родного храма и погоста,—центра общественной и религіозной жизни сѣверныхъ крестьянъ; поселеніе шло по рѣчкамъ и рѣчнымъ долинамъ, и волости и приходы представляли собою длинную прирѣчную полосу, достигавшую иногда въ длину около 100 вер. и болѣе ¹⁾). Велѣдствіе удаленія отъ храма и неудовлетворительности путей сообщенія, всякое церковно-религіозное общеніе прерывалось; священники, въ свою очередь, не могли совершать, за дальностью, требъ и, возможныхъ безъ храма, богослуженій и таинствъ. Тогда эти поудалѣвшіе прихожане строили часовню и организовывали приходъ, но лишь «часовенный приходъ», который, по истинѣ, является «палліативомъ» приходскаго общенія.

Часовни имѣлись въ каждой деревнѣ, и различались по своему виѣшнему виду, богатству, благоукрашенію и вообще «развитію». Вотъ, напримѣръ, описаніе самой примитивной, простой и бѣдной.

«Апрѣля въ 5-ый день Поцкие волости въ Рочканданской деревни, Благовѣщенскаго собора у ключаря въ первой часовни, у часовеннаго прикащика у Ивана Самсонова Божія милосердія

мѣста; въ виду постоянной дифференціаціи міровъ, они давно уже разложились на волости, станы и приходы; остались лишь одни названія, напр., „Поцкіе погосты“. Того же мѣня и г-жа Ефименко. Отсюда рядъ недоразумѣній. Свѣдѣнія для исторіи погостовъ вообще недостаточны и псчерпаны уже Неволинымъ, и А. А. Папкову приходилось пополнять эти свѣдѣнія изъ XII и XIV т. Р. II. Б., гдѣ о погостахъ, въ указавшемъ авторомъ смыслѣ, свѣдѣній нѣтъ. Отсюда смѣшеніе приходовъ на Сѣверѣ съ погостами.

1) Обстоятельныя свѣдѣнія о часовняхъ даетъ опись часовень, принятая по указу арх. Аванасія и помѣщенная въ XXV т. Р. II. Б. подъ заглавіемъ „Переписныя книги часовень“; см. цит.: II. К. Ч.

святыхъ иконъ: образъ Михаила Архангела, да образъ Флора и Лавра, писаны въ краскахъ, на одной ддкѣ, мѣрою въ вышину аршинъ, въ ширину три четверти. А больше того въ той часовни денежной казны и кабалъ, и письменныхъ крѣпостей не разыскалось. А блисъ тое часовни мѣрскихъ тяглыхъ восемь дворовъ»¹⁾.

Очевидно, что описанная часовня состояла изъ деревяннаго навѣса съ двумя иконами; весь часовенный приходъ состоялъ изъ восьми дворовъ. Приведемъ описаніе часовни, болѣе богатой, развитой и благоуукрашенной, обыкновенно построенной совмѣстными усліями цѣлой волостки—подраздѣленія стана и волости, получившаго официальное признаніе.

«Въ Верхотоемскіе волости въ Свѣтѣ волостке часовня Николая Чудотворца. Въ часовнѣ: Настоящей образъ Николая Чудотворца, а около писано его житіе; вѣнецъ у Николая Чудотворца серебряный сканымъ дѣломъ, три цаты и окладъ серебряные, басенные, золочены въ вѣнце и цатѣ по три камешка простыхъ, да три привѣса, въ привѣсахъ по камешку простые. Свѣча мѣсная, восковая, подъ красками, по смѣтѣ въ пятнадцать фунтовъ». Далѣе описываются 15 богатоукрашенныхъ иконъ, 6 подсвѣчниковъ бѣлаго желѣза и 3 мѣдныхъ. Богослужебныя книги при часовнѣ:

«Книга Мѣнія общія большая печатная, тріодъ постная, прологъ, святцы, псалтирь, часовникъ. Свѣчь сканыхъ полуфунта, ладану фунтъ»...

«Денегъ сыскалось въ Николеской казнѣ рубль одинъ алтынь две денги, и те деньги по указу взяты. Письменныхъ крѣпостей, закладныхъ на пожни, сѣнные покосы—шесть, а по нихъ взяты десять рублей. Котель пивоварной мѣдной, вѣсомъ полтора пуда. Три кучіе на тяглоѣ жеребей, да духовная память, да отступная память, да отступная память на икону, да отписей от соцкихъ въ денежныхъ платежахъ. Противъ письменныхъ памятей и крѣпостей въ часовнѣ тяглоѣ жеребей въ деревнѣ Кирилловской треть обжи и съ сѣнными покосы и зѣ дворомъ и подворною землею, а напуть тое деревню изъ трети; скота въ

той деревни: двѣ лошади работныхъ: меринъ да кобыла, да двѣ коровы, три бычка небольшіе да бычокъ не холощенной. Хлѣба съ той деревни приходитъ на годъ въ Николскую казну оирочъ третника ржи по двадцати мѣръ, жита по десяти мѣръ, а иного года и менши. Стоялаго хлѣба въ казенномъ амбарѣ: ржи по смѣте тридцать четвертей, жита сеголѣтнаго убойнаго четверти съ двѣ, овса полторы четверти. А къ той часовни прихоцкихъ двадцать дворовъ»¹⁾).

Иногда часовни имѣли и колокола и другіе церковные предметы.

Кто же являлся строителемъ часовни? На это описи, вообще дающая обильный матеріалъ для исторіи этого примитивнаго церковно-общественнаго отношенія, даетъ матеріалъ для рѣшенія и этого вопроса; строили часовню и, слѣдовательно, входили въ кругъ приходскаго «часовеннаго» общенія:

Во 1-хъ, отдѣльные крестьяне, вотчинники, монастырскіе старцы и т. д., своимъ единоличнымъ иждивеніемъ. Иногда строили часовню и двое крестьянъ; это, такъ сказать, строеніе не «мірское», а «вотчинниково»²⁾).

Во 2-хъ, часовня строилась и деревней, что было весьма частымъ случаемъ. Почти въ каждой деревнѣ стояла часовня, построенная складниками-обитателями деревни; послѣдніе и «приходили» къ часовнѣ.

Во 3-хъ, двѣ деревни или нѣсколько деревень, напримѣръ пять³⁾).

Во 4-хъ,—волостка; въ постройкѣ такой часовни участвовали всѣ деревни и прихожане, тянувшіе къ волосткѣ. Какъ выше нами упомянуто, волостка есть подраздѣленіе волости или стана, поэтому здѣсь часовенный приходъ получалъ наиболѣе полное выраженіе; здѣсь часовня, какъ мы видѣли, получала благолѣпіе, имѣла земли и владѣла значительной казною, такъ что между отдѣленіемъ отъ прихода и образованіемъ изъ часовеннаго прихода—выставочнаго, остается одинъ только шагъ.

¹⁾ П. К. Ч., стр. 421—424.

²⁾ Ibid., стр. 411.

³⁾ Ibid., напр., стр. 693—698; Богословскій, т. II, стр. 51.

5. Наконецъ, часовня строилась «приходскими» людьми, т. е. приходомъ въ полномъ составѣ, совокупными усилиями міра. Въ этомъ случаѣ часовня, приходское строеніе, помѣщалась на погостѣ и вокругъ нея часовеннаго прихода не возникало. Объ этомъ, наиримѣръ, свидѣлствуютъ слова описи:

«А у той часовни въ приходѣ мирскихъ дворовъ нѣтъ, потому что та часовня у церкви близка»¹⁾.

Этотъ видъ часовень имѣетъ особенности въ завѣдываніи ими и въ управленіи часовеннымъ имуществомъ, именно, вмѣсто часовеннаго приказчика, его обязанности исполняетъ церковный староста. Вся часовенная казна присоединялась къ церковной казнѣ и періодически отбиралась; очевидно, что имущество часовенное въ этомъ случаѣ приписывается къ приходской церкви, почему часовни этого вида не имѣли пранъ юридическаго лица; церковь совершенно ее закрывала.

Иногда часовню строили всемъ приходомъ и въ томъ случаѣ, когда приходскій храмъ сторѣлъ или дѣлался настолько ветхимъ, что было невозможно въ немъ служить, а прихожане не имѣли силъ или средствъ выстроить новую церковь или отремонтировать старую. Здѣсь часовня «за великую нужду» замѣняла приходскую церковь²⁾.

Для насъ, разумѣется, интересно церковно-общественное отношеніе или, вѣрнѣе, часовенный приходъ, группировавшійся вокругъ часовни—строенія мірскихъ богомольцевъ, т. е. деревней, союзомъ деревень или волосткой. Часовня, построенная при помощи частной инициативы, не производила приходскаго отношенія; упомянемъ лишь, что подобнаго вида часовни находились подъ завѣдываніемъ лицъ ихъ построившихъ и считались ихъ собственностью.

Итакъ, строителями часовни являются мірскіе люди, какъ и строителями приходскаго храма; въ томъ и другомъ случаѣ, часовня и храмъ—строеніе мірское, хотя часовенная община и не совпадала съ міромъ, въ указанномъ выше смыслѣ. Часовенная община была слишкомъ мелка, слишкомъ забивалась въ

¹⁾ П. К. Ч., стр. 360.

²⁾ Ibid., стр. 473.

маленькія деревни; и поэтому, не смотря на то, что союзы частно-правового характера немедленно же получали публично-правовую окраску, подъ стимуломъ объединенія ихъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей, въ часовенной общинѣ эта публично-правовая окраска, естественно, была очень и очень слабо выражена; но разъ она началась, то уже таитъ въ себѣ зерно развитія въ будущемъ и интенсивно дѣйствуетъ при наступленіи извѣстныхъ благопріятныхъ условій. Это очень характерно для сѣвера съ его глубокой, сильной и дѣятельной индивидуальностью; въ то время, какъ міры подлежали и дифференціаціи и интеграціи, религіозныя общины — приходы, имѣють одну исключительную тенденцію къ дробленію и къ индивидуализаціи религіознаго общенія.

Постройка часовни не требовала никакихъ формальностей, не требовала благословенной грамоты со стороны сархiальной власти; она была дѣломъ частнымъ, со стороны часовенныхъ богомольцевъ. Не требовалось отведенія земли, долженствующей быть изъятой изъ гражданскаго оборота. Часовни строились на землѣ «государской», т. е. крестьянской, вотчинниковой, монастырской и т. д. Обыкновенно строились «по обѣту»: «отъ скотскаго надежа», «отъ міроваго повѣтрія», «отъ червей», пожиравшихъ озимые посѣвы и другихъ какихъ-нибудь несчастій и бѣдъ, постигавшихъ деревню. Какъ и всякое мірское строеніе, часовни созидались совмѣстными усиліями часовенныхъ прихожанъ, но иногда инициаторы возведенія часовни организовывали и повсемѣстный сборъ, напр.,

... «а збирали мы на строеніе по крестьянамъ въ разныхъ волостяхъ и по городамъ», объясняютъ въ одномъ часовенномъ приходѣ ¹⁾).

Иногда крестьяне жертвуютъ часть своихъ земель на строеніе и благоуукрашеніе часовни, напр.:

... «У тоя же часовни сѣнныхъ покосовъ въ томъ же лугу Новолоцкомъ на шестьдесятъ сажень волоковыхъ, а тѣ сѣнные покосы положили къ тое Николаевской часовни на строеніе они жь Новолоцкой деревни крестьяне отъ своихъ тяглыхъ, а

¹⁾ П. К. Ч., стр. 425.

въ казну великими государями пашуть и всякіе подати платять съ тѣхъ сѣиныхъ покосовъ они жь крестьяне» ¹⁾).

Такъ же, какъ мы то наблюдали и въ обыкновенныхъ приходяхъ, часовенные богомольцы одаряли часовню землями, иконами и своими «драгоценностями»—серьгами, кольцами съ разноцвѣтными «камушками», и чѣмъ удаленнѣе и ѳторваннѣе, отъ церкви была часовня, тѣмъ болѣе имѣли мѣсто эти пожертвованія. Если, при помощи этихъ доброхотныхъ приношеній, пожалованій, и умѣлаго веденія часовеннаго хозяйства, скапливалась часовенная казна, то она раздавалась часовенными прикащиками часовеннымъ же прихожанамъ, нуждавшимся въ кредитѣ въ кабалы подъ залогъ, закладъ и т. д.

Такимъ образомъ, часовни исполнили обязанности маленькихъ ссудныхъ кассъ. При увеличеніи часовеннаго капитала, обыкновенно, пристраивались амбары для храненія продуктовъ и вообще склады часовеннаго имущества; иногда, вслѣдствіе этого, мы видимъ любопытное архитектурное совмѣщеніе: внизу строился амбаръ и вообще складъ для хозяйственныхъ предметовъ, а наверху, т. е. на второмъ этажѣ, строилась часовня. Это очень характерно для сѣверныхъ «богомольцевъ», практичныхъ и умѣвшихъ совмѣщать глубокую религіозность съ хозяйственностью и бережливостью. Напр.: «подъ часовнею амбаръ хлѣбной, а хлѣба въ немъ пятнадцать четвертей ржи въ двухъ засыкахъ», говорится въ одной описи ²⁾).

Хозяйство часовенное велось такъ же, какъ и церковное, на тѣхъ же хозяйственныхъ основаніяхъ и окрашено тѣми же бытовыми чертами. Часовенная земля, если таковая существовала, отдавалась часовеннымъ половникамъ или изъ оброка, или изъ доли продукта. Слѣдуетъ упомянуть, что такихъ часовень, съ приписанными къ нимъ землями или даже «ножнями», было, сравнительно, мало, такъ какъ при увеличеніи часовенной казны часовенные приходы проявляли стремленіе къ постройкѣ, при помощи часовни приходскаго храма и образованію изъ часовеннаго прихода самостоятельнаго и прикрѣпленнаго къ церкви. Почти каждая

¹⁾ П. К. Ч., напр., стр. 407, см. также Верюжскій, стр. 246.

²⁾ Ibid., стр. 737.

челобитная къ епархіяльному епископу о благословеніи построить храмъ начиналась упоминаніемъ, что у крестьянъ такихъ-то есть часовня, затѣмъ перечисляется часовенное имущество и т. д.

Большую часть часовни не имѣли земельныхъ угодій, и для доставленія необходимыхъ средствъ часовеннымъ прихожанамъ приходилось прибѣгать къ общему сбору, напр.:

...«А что въ амбарѣ хлѣбъ і мы ту рожь збираемъ по осени въ той своей деревнѣ по изволу по изможенію, кто сколько положить въ казну святому Великомученику Георгію, і на постройку часовенную, і на всякія потребности къ той часовни» ¹⁾.

Или, напр.: «А свѣчи покупаемъ и священника призываю на сборные казенные деньги, что рожь збираю и тое рожь продаю, а казны денежные нѣтъ» ²⁾, такъ объясняютъ о часовенномъ хозяйствѣ часовенные приказчики.

Въ чемъ же выражается религіозное общеніе часовенныхъ прихожанъ? На этотъ вопросъ нельзя дать опредѣленнаго отвѣта, ибо не было однообразія въ цѣляхъ построенія часовни.

1. Иногда цѣлью созданія часовни былъ самый фактъ созданія, исключаящій возможность, хотя бы и примитивнаго, приходскаго общенія. Это случай постройки по частной инициативѣ, однимъ лицомъ, по обѣщанію объ избавленіи отъ какого-нибудь несчастія, лично ему угрожавшаго ³⁾, напр., «отъ чернаго недуга, сына ево Ивана». Здѣсь, разумѣется, и не могло возникнуть никакого приходскаго отношенія.

2. Иногда строили часовни съ цѣлью совершать нѣкоторыя богослуженія, напр., молебны въ тѣ дни, когда церковь празднуетъ память того святого, во имя коего данная часовня построена, или же въ двенадцатые праздники.

3. Наконецъ, цѣлью построенія является прямое удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, насколько возможно это удовлетвореніе безъ наличія храма и безъ организаціи прихода, прикрѣпленнаго къ церкви. Здѣсь часовня исполняетъ обязанности храма.

¹⁾ П. К. Ч., стр. 737, см. Верюжскій, стр. 247.

²⁾ П. К. Ч., стр. 575.

³⁾ П. К. Ч. стр. 450, 474 478, 616, 360, 402, 409, 417 и т. д. Верюжскій, стр. 337.

Такимъ образомъ, нельзя точно и опредѣленно указать, что «часовенное» религіозное общеніе заключается въ томъ-то и томъ; возможно лишь указать на обычные предѣлы религіознаго общенія. Большею частью часовенные богомольцы призывали приходскаго священника служить молебны лишь въ нѣкоторые дни. «А больше сходу иѣтъ», объясняютъ въ этомъ случаѣ прихожане.

Иногда же, какъ выясняется изъ одной отписки «за великую нужду въ той часовни пѣли и говорили утреню и часы, и вечерню, и повечеріе, и молебны»¹⁾, т. е. совершали все, что канонами и мѣстными церковными обычаями разрѣшалось совершать не въ храмѣ, совершали всѣ возможные богослуженія, за исключеніемъ Божественной Литургіи и всѣ возможные таинства, до таинства брака, включительно.

Что же касается вопроса о томъ, была ли часовня юридическимъ лицомъ, то на это слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. И здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что, съ присущей конкретностью и образностью субъектомъ имущественныхъ и иныхъ гражданскихъ правъ сѣверные богомольцы считали не часовню, а того святого, во имя коего часовня воздвигнута. Какъ бы то ни было, часовня, несмотря на свою вещественную незначительность, всегда считалась юридическимъ лицомъ, и этотъ взглядъ на Сѣверѣ не укоснительно и прямолинейно проводился. По часовенный приходъ, какъ таковой, никогда не былъ юридическимъ лицомъ, какъ и обыкновенный приходъ, въ смыслѣ религіозной общины; въ виду примитивной приходской жизни, настоятельной потребности въ этой фикціи не было и не могло быть.

Итакъ, часовенными прихожанами были строители часовни или ихъ потомки, а также ихъ складники, половники, порядчики и т. д. Количество дворовъ въ часовенномъ приходѣ, разумѣется, было различно; максимальное количество дворовъ, примыкавшихъ къ часовенной организаціи, не превышало 30—32. Особенно были развиты часовенныя организаціи въ, т. наз., Устьянскихъ Сохахъ.

Иногда были возможны оригинальныя комбинаціи часовенныхъ общинъ, состоявшія напримѣръ, въ томъ, что нѣсколько часовенныхъ организацій независимо «приходили» къ другой.

какой-нибудь часовнѣ, разумѣется, болѣе богатой и благоуукрашенной и съ болѣе развитымъ религіознымъ общеніемъ.]

Что же касается завѣдыванія часовней и управленія часовеннымъ хозяйствомъ, то нужно замѣтить, что принципы этого завѣдыванія, по сравненію съ приходами, прикруѣпленными къ храму, одиѣ и тѣ же; одинаковы и органы завѣдыванія и управленія часовеннымъ хозяйствомъ, а именно, сходъ часовенныхъ прихожанъ, часовенный староста или приказчикъ.

I. Сходъ часовенныхъ прихожанъ состоялъ, какъ и мірской сходъ, изъ представителей дворовъ, отдѣльныхъ хозяйствъ, входящихъ въ составъ часовеннаго прихода; Сходъ, повидимому, созывался часовеннымъ приказчикомъ къ часовнѣ, гдѣ и предлагались ему на обсужденіе различные вопросы, касающіеся часовеннаго хозяйства и вообще часовенной организаціи. Трапезъ при часовнѣ не было и врядъ ли могло быть, хотя мы и замѣчаемъ, что при многихъ часовняхъ имѣлись пивоварные котлы со всеми принадлежностями для пивоваренія; слѣдовательно, при часовняхъ имѣло мѣсто, характернѣйшее для сѣверной приходской жизни бытовое явленіе, именно, питіе «сыпного пива» часовенными прихожанами со всеми «аттрибутами» этого питія. Объ этомъ же обычаѣ свидѣтельствуетъ и указъ архіепископа Великоустюжскаго Александра, вообще не расположеннаго къ старому порядку венцевъ:

«Въ Усолокомъ уѣздѣ въ деревнѣ Козловкѣ есть часовня, а у ней нашенная земля и сѣнные покосы и поварня и котель, и крестьяне пиво варя пьютъ и драки, и шумъ чинятъ, и всякіе худые дѣла» ¹⁾.

Что же касается функціи, если примѣнить это «громкое» слово къ такому примитивному отношенію, схода часовенныхъ прихожанъ, то (по аналогіи со сходомъ обыкновеннаго прихода) ему принадлежалъ:

Во 1-хъ, общій надзоръ по завѣдыванію часовней и часовеннымъ хозяйствомъ; въ силу чего ему отдавалъ отчетъ часовенный староста или часовенный приказчикъ:

Во 2-хъ, сходъ выбиралъ этого часовеннаго старосту;

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, № ССХIV, стр. 922.

Въ 3-хъ, часовенные прихожане обращались съ челобитными къ высшему епархіальному начальству ¹⁾;

Въ 4-хъ, часовенные прихожане распоряжались и часовенными землями ²⁾

II. Часовенный староста выбирался изъ числа часовенныхъ прихожанъ и былъ «церковнымъ старостой» маленькихъ размѣровъ. Какъ и церковный староста, такъ и часовенный приканцикъ является органомъ завѣдыванія часовеннымъ хозяйствомъ; онъ заботится о благосостояніи часовенной казны, для чего онъ организуетъ общественные сборы ³⁾; «строить» часовню, т. е. благоуукрашаетъ ее, наблюдаетъ за ремонтомъ и т. д.; завѣдываетъ часовенными деревьями, наблюдаетъ за исполненіемъ обязанностей, принятыхъ часовенными половниками; озабочивается тѣмъ, чтобы часовня не испытывала никакой нужды въ освященныхъ и церковныхъ предметахъ, (напр., свѣчи, масло, ладанъ и пр.); съ этой цѣлью онъ пріобрѣтаетъ ихъ въ ближайшемъ приходскомъ храмѣ; продаетъ богомольцамъ эти предметы, платитъ священно и церковно-служителямъ за совершеніе богослуженій и пр., и пр.; согласно обычаю, раздаетъ часовенную казну часовеннымъ прихожанамъ подъ залогъ и закладъ.

Далѣе, часовенный староста является представителемъ часовни, какъ юридическаго лица: въ силу этого, онъ является представителемъ часовни предъ волостной и земской, вообще, администраціей; участвовалъ въ раскладкѣ податей и сборовъ — «сидѣлъ на разрубѣ»; если часовня владѣла недвижимымъ имуществомъ, то собиралъ разложенные сборы съ церковныхъ половниковъ, передавалъ ихъ волостной администраціи и получалъ отъ нея; являлся судебнымъ представителемъ отъ часовни; защищалъ права и интересы часовни судомъ, подавалъ явки и т. д.

Часовенный староста являлся, кромѣ того, представителемъ часовеннаго прихода, какъ религіозной общины. Въ силу чего, онъ, собираетъ сходъ часовенныхъ прихожанъ и предлагаетъ на обсужденіе вопросы, касающіеся часовеннаго прихода, какъ

¹⁾ Р. Н. Б., т. XII, № ССХIV, стр. 922.

²⁾ Ibid., стр. 922.

³⁾ П. К. Ч., стр. 575

религіозной общины; защищаетъ интересы этой примитивной и микроскопической общины отъ другихъ организацій, напри- мѣръ, прихода озабочивается удовлетвореніемъ религіозныхъ по- требностей часовеннаго прихода; въ этомъ случаѣ, онъ, напри- мѣръ, нанимаетъ священника и «крылошанъ» для совершенія богослуженія ¹⁾).

Что же касается отношенія часовеннаго прихода къ приходу основному и прикрѣпленному къ церкви, то отношеніе между этими двумя религіозными общинами было весьма интересно и типично для сѣверной приходской жизни, а также для сѣвер- ныхъ міровъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы всмотримся въ мірскую жизнь Сѣвера, то насъ заинтересуетъ постоянное стремленіе міровъ къ автономному и индивидуальному обособленію; несом- нѣнно, что, кромѣ географическихъ и этнографическихъ причинъ, въ этомъ стремленіи играетъ роль и психологія сѣвернаго поселя- нина, вѣками воспитаннаго на «автономности», охраняемой цен- тральнымъ правительствомъ. И нигдѣ это исконное стремленіе не проявлялось такъ рельефно, какъ, именно, въ организаціи часо- венныхъ приходоѡ, ибо оно нашло благопріятную почву: часо- венныя общины возникли въ безпредѣльной автономіи прихода. Здѣсь не стояло государство, «тягло» котораго должно и могло бы стягивать въ одно цѣлое нѣсколько міровъ (напр., станъ); здѣсь не имѣли мѣста и экономическіе факторы мірскаго объ- единенія. Сказать, что часовенный приходъ былъ автономенъ, т. е., совершенно независимымъ отъ основной приходской организаціи, было бы слишкомъ неточно, безъ нѣкоторыхъ предпосылокъ: дѣло въ томъ, что удовлетвореніе религіозныхъ потребностей въ часо- венной организаціи было слишкомъ неполно и не могло удовле- творить часовеннаго «богомольца», въ силу чего, онъ былъ членомъ и приходской общины. Поэтому автономію часовенной организаціи слѣдуетъ понимать, во 1-хъ, въ томъ смыслѣ, что часовенная орга- низація не входила, какъ подчиненная часть, въ главенствующее цѣлое, т. е. въ основную приходъ, и во 2-хъ, въ томъ, что приход- ская организація, во главѣ съ мірскимъ сходомъ и церковнымъ старостой не имѣла ни надзирающей, ни распорядительной власти

¹⁾ П. К. Ч., стр. 575.

надъ часовенной организаціей. Распоряженіе часовеннымъ имуществомъ, постройка и организація часовни, представительство часовенной общины—все это совершается безъ вѣдома и безъ участія приходской администраціи; характерно для этого автономнаго положенія и то, что и челобитныя къ епархіальной власти часовенные прихожане посылаютъ независимо отъ приходскихъ людей, не смотря на существовавшій обычай снабжать эти челобитныя для вящей убѣдительности подписью священно-церковно-служителей, церковнаго старосты и т. д. ¹⁾).

Итакъ, именно, въ такомъ смыслѣ можно понимать автономію часовеннаго прихода. Съ точки зрѣнія мірскихъ богомольцевъ, она не представляла ничего особеннаго; она, напротивъ, отличала міровоззрѣнію сѣверныхъ міровъ, воспитанному на стремленіи къ индивидуальному самоопредѣленію, и соответствовала всѣмъ бытовымъ явленіямъ и условіямъ сѣверной жизни; она вызывалась, кромя этого, и необходимостью, географическими условіями обусловленной. Но часовенныя организаціи этой автономіей, столь естественной, не удовлетворились: принципъ автономнаго самоопредѣленія заводилъ прихожанъ слишкомъ далеко. Именно, они стали считать часовенную организацію уже не «палліативомъ» религіознаго общенія и стали удовлетворяться этимъ неполнымъ удовлетвореніемъ религіозныхъ потребностей; первымъ послѣдствіемъ такого взгляда явилось то, что часовенные «богомольцы» перестали также считать себя прихожанами какого-нибудь храма, а, напротивъ, стали считать себя въ полномъ смыслѣ автономными, т. е. независимыми отъ приходскаго общенія, признавая это общеніе излишнимъ. Фактически, въ этомъ случаѣ, они стали обращаться за совершеніемъ богослуженій не къ своему приходскому священнику, а къ священнослужителямъ любого ближняго храма, даже монастыря; это, разумѣется, ничѣмъ не оправдывалось: получалось какая-то своеобразная и неподчиненная никакому контролю организація, даже не зарегистрированная епархіальнымъ начальствомъ. Это было явнымъ злоупотребленіемъ автономіей религіозныхъ общинъ. Вѣроятно, случаи подобнаго рода и вызвали послѣдующія реформы сѣверныхъ архіепископовъ, въ корень раз-

¹⁾ Р. II. Б, т. XII, № ССХIV, стр. 997.

рушившія основныя принципы часовенныхъ организацій, т. е. автономію часовенныхъ приходовъ; часовни были лишены правъ юридическаго лица; приписанныя къ часовнямъ земли, были переданы церкви, и поступили въ завѣдываніе церковнаго прикащика, а часовенныя «приходы» были и отданы подъ надзоръ приходскаго причта.

Въ качествѣ иллюстраціи вышеописанныхъ злоупотребленій часовенной автономіей, можно привести слѣдующій примѣръ. Священникъ и церковный староста со всеми прихожанами Никольской Слободки, Устюжской епархіи, ѡбъяютъ челомъ архіепископу «въ такомъ дѣлѣ»:

«Въ прошлыхъ годахъ и въ нынѣшнемъ, въ 205 году, изъ Крестогорской пустыни приходятъ къ намъ старцы въ Анданскіе починки въ Душиловъ къ Пресвятой Богородицѣ, къ часовнѣ и служатъ молебны иными посторонними священниками многимъ мірекимъ людомъ..., а намъ служить не даютъ и отъ сѣбныхъ покоевъ мѣ, нищему твоему, отказываютъ. А та часовня, строеніе и сѣбныя покоеніи насъ, приходскихъ людей, прежнихъ владѣльцевъ прикладъ къ нашей церкви Происхожденію и владѣли прежніе священники и крылошаны. Милостивый государь Преосвященный Александръ, архіепископъ Великоустюжскій и Тотемскій, пожалуй меня, нищего твоего богомольца и насъ послѣднихъ крестьяншекъ... вели, государь, мѣ, нищему твоему, богомольцу у той часовни молебствовать съ крылошаны»¹⁾.

Часовенный приходъ, какъ видно изъ этой челобитной священника и прихожанъ, превратился, именно, въ независимую религіозную общину, такъ какъ прихожане служатъ молебны иными посторонними священниками и иноками пустыни. Эта челобитная священника подана въ 1697 году, уже послѣ реформъ архіепископовъ; архіепископъ Александръ немедленно же издалъ специальный указъ: описать все часовенное имущество, запретить инокамъ пустыни и инымъ священнослужителямъ совершать молебны часовеннымъ прихожанамъ и представить это право приходскому священнику «съ крылошаны»—исключительно.

Такимъ образомъ, не смотря на реформирующую дѣятель-

¹⁾ Р. Н. Б. т. XII, № CCLXXV, стр. 1381.

ность сѣверныхъ архіепископовъ, были возможны все-таки случаи, подобные выше приведенному; тѣмъ болѣе они не были исключительными въ эпоху автономіи религіозныхъ общинъ на Сѣверѣ, т. е. въ эпоху дореформенную.

Изъ этой челобитной можно вывести заключеніе о положеніи причта приходскаго храма въ часовенныхъ организаціяхъ. Причтъ, разумѣется, не игралъ никакой роли и не имѣлъ никакого значенія въ этихъ «палліативныхъ» религіозныхъ общинахъ; онъ не имѣлъ ни надзирающей, ни распорядительной власти; отношеніе между «крылошанами и часовенными богомольцами» не выходило изъ предѣловъ, такъ сказать, вольнаго найма. Кромѣ общахъ причинъ, обуславливавшихъ ихъ, членовъ причта, приниженное положеніе, выше нами разсмотренныхъ, имѣли мѣсто и спеціальныя причины, именно, случайность и краткосрочность общенія священника и крылошанъ съ часовенными прихожанами, такъ какъ молебны и другія богослуженія обыкновенно были совершаемы лишь нѣсколько разъ въ году.

3.

Теперь коснемся очень интереснаго вопроса о взаимоотношеніи прихода и волости.

Ввиду упомянутой дифференціаціи религіозныхъ общинъ, не будетъ удивительнымъ то обстоятельство, что Сѣверные міры распались въ теченіе двухъ-вѣкового существованія на нѣсколько самостоятельныхъ и независимыхъ приходовъ—выставокъ. Нами уже выше упомянуто, что между выставкой и основной церковью не было никакихъ юридическихъ отношеній. Самое слово—«выставка» существовало очень недолго и совершенно утрачивалось; однимъ словомъ, какъ метропольный приходъ, такъ и приходъ—«выставка» жили совершенно независимою жизнью. Съ другой стороны, эти вновь организованные приходы, въ виду стремленія къ автономному обособленію сѣверныхъ общественныхъ группъ, получали ярко выраженную тенденцію къ развитію всего круга функций, сумма отправленій конхъ составляло понятіе—міръ или, выражаясь конкретнѣе, приходы стремились превратиться въ міры. Религіозная община была зерномъ,

откуда выросло полное обособленіе той или иной общественной группы отъ міра или волости. Разумѣется, удовлетвореніе этой сепаратистической тенденціи зависѣло отъ многихъ другихъ побочныхъ условій, именно, увеличенія народонаселенія, географической обособленности даннаго прихода и т. д.

Такимъ образомъ, естественно, что подъ «приходомъ» можно подразумѣвать не только простую религіозную общину, но и совершенно самостоятельный земскій міръ, лишь по воспоминаніямъ называемый приходомъ, но на самомъ дѣлѣ являющійся тѣмъ, что обыкновенно называютъ волостью. Но между этими двумя ступенями, разумѣется, есть и должны быть переходныя отношенія; изученіе этихъ отношеній, очень интересныхъ въ исторіи земскихъ міровъ на Сѣверѣ, мы рѣшаемся сдѣлать предметомъ нижеслѣдующаго.

Нужно замѣтить, что изученіе взаимоотношеній между приходомъ и волостью наиболѣе поучительно на примѣрѣ какого-нибудь отдѣльнаго прихода. Къ сожалѣнію, всѣ акты, касающіеся исторіи приходской жизни на Сѣверѣ, не сгруппированы по приходамъ и волостямъ, а, напротивъ, разбросаны «по учрежденіямъ», церковнымъ или «свѣтскимъ». Лишь въ III томѣ Актовъ Устюжской и Холмогорской епархій напечатаны всѣ документы, касающіеся исключительно одного прихода, именно, прихода Лодомской церкви за 2 вѣка его существованія (XVI и XVII вв.). Эти акты представляютъ большую цѣнность для изученія взаимоотношеній между приходомъ и волостью и мы излагаемъ исторію этого прихода въ качествѣ иллюстрирующаго примѣра.

Данный приходъ былъ расположенъ на рѣкѣ Лодмѣ, близъ Устья рѣки Двины. Рядомъ находились приходы Борисоглѣбскій (въ Матигорахъ) и Воскресенскій. Приходъ совпадалъ съ Лодомской волостью, а сосѣдніе приходы находились при Терпиловскомъ и Андреяновскомъ станѣ. Первоначально данная волость была приходомъ къ Цурь-Наволоцкому монастырю, но въ 1536 г. было испрошено благословленіе у Новгородскаго архіепископа построить собственный храмъ во имя Св. Великомученика Георгія ¹⁾. Приходъ былъ сравнительно бѣденъ; къ нему «при-

¹⁾ А. Л. Ц., № XVI, стр. 11.

«ходили» лишь 42 прихожанина ¹⁾. Около 1580 года эта маленькая волость - приходъ утратила свое значеніе въ пользу сосѣдняго стана, поглотившаго кромѣ нея еще нѣсколько волостей. Такимъ образомъ, исторія данного прихода дѣлится на три періода:

1. на эпоху, такъ называемыхъ, «сошекъ», случайно сгруппированныхъ и разъединенныхъ, т. е. на эпоху зарожденія міра (до 1550 г.);

2. на эпоху уже конструированной волости;

3. на эпоху подчиненія прихода-волости стану.

Первые два періода исторіи данной податной общины мало затрагиваютъ нашу тему, но обиліе типичныхъ подробностей принуждаетъ насъ разсмотрѣть и ихъ, какъ вступленіе въ исторію прихода. Въ первый періодъ мы замѣчаемъ, что отдѣльныя хозяйства, замкнувшись въ своихъ экономическихъ скорлупахъ, не имѣютъ почти никакой связи — ни религіозной, ни «мірской» со своими сосѣдями. Эти, разбросанныя по рѣкѣ, деревни, или, по финансово-административной терминологіи, «сошки» приходили въ отдаленный монастырь — «за мхи и болота», а отношеніе къ государственной власти ограничивается исключительно лишь платежомъ дани и оброка. Мірской администраціи нѣтъ, за исключеніемъ «старость», скорѣе депутатовъ ad hoc, нежели постоянныхъ органовъ мірскаго самоуправленія. Волость не составляла еще финансово-административнаго округа, да его, въ отношеніи, именно, данной волости, и не требовалось, какъ не требовалась и волостная администрація: государственный интересъ требовалъ лишь внесенія государственныхъ податей, а все остальное считалось не существеннымъ, «частнымъ» дѣломъ плательщиковъ. Захотятъ ли «чернокуницы царя и великаго князя» избрать старосту, выборнаго судью, или уполномочатъ «посадскаго» человека вмѣсто нихъ для податныхъ отиравленій — рѣшительно нѣтъ никому дѣла.

Въ это время роль определенной въ своихъ границахъ, съ определенной организаціей, съ определенными функціями, податной общины (не только «округа», но и общины), повиднмому, составлялъ уѣздъ. Въ уѣздѣ сосредоточивалась раскладка пода-

¹⁾ А. Л. Ц., № XXXIV, стр. 23.

тей и сборовъ, и уѣздный земскій староста непосредственно собиралъ разложенныя суммы.

Что же представляли собою «волости», входяція въ этотъ опредѣленный податной округъ? Волости были въ зачаточномъ состояніи: это были союзы деревень, цѣлью коихъ было лишь сношеніе съ податнымъ округомъ,—союзы деревень, сгруппированныхъ единствомъ мѣстоположенія. Отдѣльныя хозяйства избирали своего представителя для сношенія съ уѣздомъ, но могли присоединиться въ своихъ податныхъ отправленіяхъ къ другой болѣе многочисленной и болѣе сформировавшейся волости; въ этомъ случаѣ такое податное присоединеніе выражалось лишь посредствомъ «найма» сосѣдняго сотника и старосты. Съ теченіемъ времени податной округъ (и «община») — уѣздъ (Холмогорскій) раздробился на двѣ половины: 1, верхнюю половину и 2, нижнюю половину уѣзда. Сепаратный процессъ развивался все болѣе и болѣе. Всѣ эти «сошки», называвшіяся не волостью, а иными терминами: Лодомцы, Терпиловцы и т. д., изъ податныхъ «отверденій» стали превращаться въ податныя общины съ опредѣленными границами, стали усваивать организацію земскихъ міровъ, появилась и волостная администрація. Разсмотрѣвъ эту общую схему развитія земскихъ міровъ, мы обратимся къ детальному изученію функцій податной общины указаннаго періода, именно: 1, мірской раскладки податей и повинностей, 2, сбора и 3, передачи податныхъ суммъ.

1. Въ разсматриваемую эпоху податная община, какъ упомянуто, не имѣетъ всѣхъ данныхъ, необходимыхъ для организаціи опредѣленнаго финансово-административнаго строя; этотъ строй, напротивъ, случаенъ, неопредѣленъ и весьма подвиженъ. «Мірской раскладки» податей, по этимъ причинамъ, не существуетъ, или, вѣрнѣе, въ это время мы замѣчаемъ совмѣщеніе «уѣзднаго оклада» съ мірскимъ, волостнымъ «разрубомъ» (раскладкой) податей и сборовъ; тогда мы видимъ, что, сидящіе на окладѣ, сотники, являясь представителями этихъ волостей, посылали своимъ волощанамъ «памяти», своеобразные окладные листы XVI в. Отъ этого періода сохранился чрезвычайно интересный документъ, именно, память или списокъ съ памяти, который мы и приведемъ:

«Память списокъ. Память Лодмянамъ. Сидѣли на окладѣ въ.

Колмогорахъ старосты и низовци семьдесятъ сохъ. Положили на Лодму въ Московскую проторь Григорій Савинъ. 20 алт. Оедоръ Савиръ 20 алт.». (Далѣ перечисляются имена, количество сборовъ, падающихъ на Лодомцевъ). А съ кѣмъ ся памятка придетъ, и вы бы по сему списку деньги давали бы не изманно, а онъ х Колмогорамъ тѣ деньги отвезетъ часа того. . . А не даете денегъ и на васъ староста деньги займетъ въ соль и волощаня» ¹⁾).

Отсюда мы видимъ, что сидѣвшіе на окладѣ, старосты и «низовцы» есть простые депутаты отъ семидесяти сохъ, составлявшихъ податную общину (и округъ) и что нѣтъ и постоянныхъ административныхъ органовъ: «Съ кѣмъ ся памятка придетъ и вы бы по сему списку давали ему», говоритъ память.

2. Ту же неопредѣленность мы видимъ и въ организаціи сборовъ податей и повинностей. Обыкновенно въ это время собираетъ деньги сотникъ стана съ Лодомскихъ сошекъ и, нужно замѣтить, не сотникъ какого-нибудь опредѣленнаго стана, а сотникъ вообще стана, котораго волощанамъ было угодно взять къ себѣ на старощенье. Нарождающаяся податная община, такъ сказать, присоединяется, въ своихъ податныхъ отправленияхъ, къ стану не на началахъ подчиненности, а на началахъ собѣдства. Напр., въ 1545 году у Лодмянъ «старостилъ» староста Низовскій, а въ 1547 году староста Терпиловскій (Терпиловскаго стана) ²⁾. Иногда исполняли обязанности старостъ отдѣльные волощане безъ всякаго формулированнаго выбора и безъ всякаго присвоеннаго названія со стороны «сошекъ». Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленные отписи, напр.:

... «Память Пивкитѣ. Заплатилъ старостѣ Низовскому соцкаго размета за 14 головъ по три деньги; Перхурей Савинъ за 11 головъ, Василій Ивановъ за 8 головъ ³⁾).

3. И въ передачѣ собранныхъ суммъ мы видимъ ту-же неопредѣленность: передаютъ въ уѣздный центръ или упомянутые сотники стана, или уполномоченные ad hoc отдѣльные воло-

¹⁾ А. Л. Ц. № XLVIII, стр. 31.

²⁾ А. Л. Ц. № XXIV, стр. 15 и № XXX, стр. 20.

³⁾ А. Л. Ц. № XLVII, стр. 31.

щане. Въ такихъ неопредѣленныхъ чертахъ представляется зарождающаяся волость.

Въ серединѣ XVI в. была построена церковь и стала играть выдающуюся роль; она явилась центромъ кристаллизаціи отдѣльныхъ хозяйствъ, центромъ, куда стягивались отдѣльные хозяйства, съ стремленіемъ превратиться въ публично-правовой союзъ—міръ; образовалась волость, по своимъ пространственнымъ границамъ совпадающая съ приходомъ; возникла волостная администрація: волостной староста, десятники и т. д., съ опредѣленной, типичной для мірскаго самоуправления, организаціей.

Какъ опредѣленная и независимая въ своихъ финансовыхъ отиравленіяхъ, податная община получала съ земскаго «оклада» росписи къ исполненію, т. е. къ сбору и доставленію, предварительно разложенныхъ волощанами по своимъ помыткамъ, податныхъ суммъ подъ круговой отвѣтственностью ея членовъ; или, иными словами, право и обязанность мірской раскладки или «разруба» принадлежитъ единственно и исключительно волости; сборъ денегъ и передача ихъ органамъ передвиженія принадлежитъ тоже ей: это ея обязанность ¹⁾. Въ число функцій волости, какъ податной общины, входитъ и вервленіе, т. е. волостное измѣреніе земли въ цѣляхъ прямого обложенія. Далѣе, волость является юридическимъ лицомъ: она имѣетъ общественныя угодія, за которыя платитъ (всей волостью) оброкъ ²⁾.

Такимъ образомъ, волость является здѣсь правовымъ, а не только фактическимъ отношеніемъ, является міромъ и, въ качествѣ такового, получаетъ признаніе со стороны высшихъ органовъ земскаго самоуправления; особенно характерно для указываемаго періода то обстоятельство, что волость обращается съ челобитными къ государю, гдѣ называетъ себя такъ:

«... Царю государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси быють челомъ и плачетна сироты твои, государевы, Двиняне Лодомскіе волостишка» ³⁾.

Что же повліяло на то, что волость получила типичную и

¹⁾ Напр. А. Л. Ц. № LVIII, стр. 33, и т. д.

²⁾ Р. И. Б. т. XIV, № LXV, стр. 122.

³⁾ А. Л. Ц. № XXXII, стр. 21.

опредѣленную организацію и сохранила нѣкоторое время значеніе автономнаго «міра», находясь между крутыми и развитыми земскими единицами (между Андреяновскимъ и Тершиловскимъ станомъ)? На это возможенъ лишь одинъ отвѣтъ: волость сохранила свое независимое положеніе исключительно потому, что она явилась приходомъ, религіозной общиной. Всѣ «сошки» сконцентрировались вокругъ церкви, такъ какъ приходское общеніе явилось главнымъ стимуломъ этого объединенія.

Но это было причиной и утраты значенія волости въ пользу стана. Когда церковь приобрѣла имущества и сдѣлала зависимыми отъ этого имущества около $\frac{1}{4}$ прихожанъ-половниковъ, хозяйство «волости» раздробилось на двѣ части: 1) церкви и 2) волощанъ; съ одной стороны,—совокупность церковныхъ порядчиковъ, образовавшихъ экономическій союзъ, съ другой стороны—совокупность самостоятельныхъ собственниковъ, «своеземцевъ», связанныхъ круговой порукой. Все это разрывало на части только что созданный міръ, весьма незначительный, состоявшій изъ 43 «головъ», благодаря чему волость, утратила свое значеніе въ пользу стана; отнынѣ она входила въ качествѣ составной части въ станъ, упрочившій свое положеніе земской единицы — независимой и полноправной. Что же представляла собою волость послѣ этого? Волость въ это время означала то-же, что и приходъ. лишь по своимъ историческимъ воспоминаніямъ называвшаяся «волостью». Она прежде всего перестала быть податной общиной, а это влекло за собой слѣдующія детальныя послѣдствія:

1) Она утратила право самостоятельной раскладки податей и сборовъ и платила подати по «разрунному списку Андреяновскихъ крестьянъ» (т. е. становой администраціи) ¹⁾.

2) Она утратила право самостоятельной уплаты этихъ податей, и слѣдующія съ волости, податныя суммы передавались ею соответствующимъ органамъ стана, съ которымъ она была связана круговой порукой ²⁾.

3) Имущества волости (т. е. волостныхъ обывателей) были

¹⁾ А. Л. Ц. № ССLXXXV, стр. 189.

²⁾ А. Л. Ц. № ССС., стр. 234.

приписаны «въ вытномъ числѣ къ стану», присвоившему и право вервленія земли особыми «вереными цѣловальниками» ¹⁾.

4. Паконецъ, она потеряла, за утратой соотвѣтствующихъ функций, право избранія волостныхъ административныхъ органовъ, напр., волостныхъ старостъ, сотниковъ и пятидесятниковъ. Однимъ словомъ, волость отождествилась съ приходомъ, и это смѣшанное отношеніе «приходъ-волости» и положеніе этого отношенія среди полноправной и независимой земской единицы настъ, главнымъ образомъ, и интересуется.

Не смотря на то, что волость перестала быть податной общиной, обращаетъ вниманіе прежде всего то обстоятельство, что она не утратила наименованія. Волостью данный приходъ назывался до самаго конца XVII в. и высшими административными органами земскаго самоуправленія и центральнымъ правительствомъ. Мало того, волостью приходъ называетъ себя въ челобитныхъ и явкахъ, обращенныхъ къ государю. Приходъ - волость является еще міромъ, т. е. союзомъ публичнаго порядка, и это общественное соотношеніе не утратило еще тѣхъ правъ и функций, обыкновенно міру принадлежащихъ.

1) Приходъ оставался еще юридическимъ лицомъ и, въ качествѣ такового, онъ владѣлъ общественными угодьями, напр., сѣнными покосами и «морскими островками», бралъ въ общественное пользованіе рыбныя тони (всю рѣку Лодму) ²⁾.

2) Приходъ не утратилъ нѣкоторой финансовой администраціи и организаціи: не утратилъ право разуба оброковъ, которыми были обложены угодья, напр., сѣнные покосы, тони («тонный разубъ») ³⁾ и т. д. Каждая крупная экономическая группа имѣла особаго выборнаго сборщика; такъ церковные половники избирали особаго сборщика, а волоцане-своеземци—своего. Эти сборщики сносились съ становой администраціей, получали отъ нихъ отписи и т. д.; весьма вѣроятно, что они присутствовали и на становыхъ сходахъ и защищали интересы представляемой группы ⁴⁾.

¹⁾ А. Л. Ц. CCCLXXIV, стр. 277.

²⁾ А. Л. Ц., № CCXXVII, стр. 148.

³⁾ Ibid, стр. 148.

⁴⁾ Ibid, стр. 148.

Нѣкоторые сборы, напр., оброки, волость вносила непосредственно земскому всеуѣздному старостѣ, минуя станovou администрацію ¹⁾.

3) Приходъ оставался и земскою единицею, правда, подчиненной стану во многихъ отношеніяхъ; такъ, напримѣръ, приходъ избиралъ полицейскихъ органовъ, напр., десятниковъ, а ранѣе мы упоминали, что церковный староста имѣлъ полицейскую власть надъ прихожанами и, особенно, надъ церковными половниками ²⁾. Особенно характерно для существующаго положенія, то обстоятельство, что въ транезу подавались приходскія явки. Эти явки касались мелкихъ чисто домашнихъ дѣлъ правонарушеній, совершаемыхъ опять таки прихожанами волостцанами ³⁾.

Итакъ, мы видимъ, что приходъ, не смотря на то, что пересталъ быть податной общиной, все же не утратилъ значенія извѣстной земской единицы. Въ качествѣ таковой, мы видимъ, что приходъ получаетъ указы отъ центрального правительства и вступаетъ въ сношеніе съ высшими земскими организаціями ⁴⁾. Приходъ жалуется на тѣ или нияя правонарушенія со стороны уѣздной или становой администраціи ⁵⁾. Приходъ подаетъ явки, явочныя челобитія, жалуется на другіе міры, нарушающіе его интересы. (Лодомскій приходъ, напримѣръ, жалуется на волость, потравившую скотомъ сѣнные покосы ⁶⁾) и т. д.

Итакъ, изъ этого историческаго очерка Георгіевскаго прихода на р. Лодмѣ можно вывести то заключеніе, что:

1) приходъ, кромѣ обыкновенной религіозной общины, представлялъ собою «міръ» — маленькую, полунезависимую земскую единицу; приходъ могъ не совпадать съ волостью, станомъ, словомъ, податной общиной, но все же выдѣлялся, какъ опредѣленное общественное соотношеніе;

2) что церковь сыграла выдающуюся роль въ процессѣ образованія сѣверныхъ земскихъ единицъ; церкви явились центромъ, а приходское общеніе ферментомъ, въ дѣлѣ объединенія союзовъ

¹⁾ А. Л. Ц., № ССХVІІІ, стр. 174.

²⁾ Ibid., стр. 174.

³⁾ Ibid., стр. 174.

⁴⁾ А. Л. Ц. № ССLV, стр. 167.

⁵⁾ А. Л. Ц., № СССLXXXV, стр. 189.

⁶⁾ А. Л. Ц. № ССLІІІ, стр. 165.

частно-правнаго характера -- въ «міры»; что, лишь только эти союзы начинаютъ объединяться подъ стимуломъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей, то немедленно же начинаетъ проявляться стремленіе къ отдѣленію вновь образовавшейся общины отъ міра, а отсюда вытекаетъ, что приходы сыграли большую роль въ дифференціи міровъ на Сѣверѣ;

3) что наблюдаемая автономія религіозныхъ общинъ обуславливалась вѣковымъ самоуправленіемъ міровъ — какъ союзовъ, удовлетворявшихъ всѣ безъ исключенія потребности.

Г Л А В А III.

Приходы церквей вотчинниковъ.

Греческія ктиторіи и церкви вотчинниковъ въ Новгородѣ и на Сѣверѣ. Приходскій строй вотчинниковыхъ церквей. Вотчинникъ и ктиторское право. Значеніе прихожанъ и причта. Смѣшанный порядокъ.

Церкви, построенныя усердіемъ и издвигеніемъ частныхъ лицъ были извѣстны еще въ Греціи подъ названіемъ ктиторій¹⁾. Ктиторіи завѣдывались этими лицами—ктиторами, на основаніи, такъ называемаго, ктиторскаго права, наследственнаго и близко подходящаго, по условіямъ возникновенія, къ западному патронатскому праву и состоявшаго въ томъ, что ктиторъ, во 1-хъ, могъ распоряжаться доходами церкви по своему усмотрѣнію, безъ обычнаго контроля со стороны причта и религіозной общины, а во 2-хъ, въ томъ, что избиралъ священника и другихъ членовъ причта, т. е. имѣлъ *jus praesentandi*.

По греческому праву, ктитору должны обезпечить свои ктиторіи и священнослужителей; съ этой цѣлью они должны удѣлить часть своего имѣнія и приписать къ церкви. Эти пожертвованныя имуществва становились собственностью церкви, какъ юридическаго лица, и, въ качествѣ таковой, не могли быть отняты лицами, имѣющими ктиторское право, но за то послѣдніе получали право пользованія доходами; такимъ образомъ, получалось отношеніе, весьма сходное съ *emfiteusis*, т. е. съ наследственнымъ (вѣчнымъ) пользовладѣніемъ. Но на практикѣ, разумѣется, такое обезпеченіе церкви ктиторами не всегда могло имѣть мѣсто; воз-

¹⁾ Г о л у б и н с к і й Исторія Русской церкви, т. I, пол. 1-я стр. 489—490.

можно, что ктиторы были люди небогатые. Въ этомъ случаѣ, церкви дѣлались единственнымъ источникомъ доходовъ или существенной матеріальной поддержкой; стали допустимыми отдѣльныя отступленія отъ строгихъ и чистыхъ нормъ ктиторскаго права; а прецеденты перешли въ обычай.

Сдѣлалось обыкновеніемъ отчуждать имѣнія съ ктиторіями возмездно; а отсюда между этимъ существеннымъ извращеніемъ и между постройкой церкви съ спекулятивной цѣлью—одинъ только шагъ. И дѣйствительно, въ практикѣ греческой церкви мы видимъ, что предприимчивые люди искали селеній, гдѣ не было приходскаго храма. Прикрываясь усердіемъ къ церкви, эти предприниматели открывали сборъ, собирали пожертвованныя деньги, строили храмъ, а сами тѣмъ самымъ приобрѣтали ктиторское право на эту церковь, съ правомъ безконтрольнаго распоряженія церковными доходами. Эта спекуліція была еще выгоднѣе для какого-нибудь священнослужителя, такъ сказать, личнаго участника «въ дѣлѣ», что тоже было частымъ обыкновеніемъ въ Греціи.

Ктиторское право было наследственнымъ правомъ, оно не погашалось смертью ктитора; мало того, если данная церковь—ктиторія дѣлалась выморочной, то она не передавалась въ религіозную общину—прихожанамъ данной церкви, а поступала въ епископію. Епископы, въ свою очередь, смотрѣли на эти ктиторіи, какъ на источникъ доходовъ, и дарили ихъ или же продавали, какъ и всякое иное имущество, съ перенесеніемъ на покупателя ктиторскаго права.

Изъ Греціи нормы ктиторскаго права перешли, послѣ принятія христіанства, и въ Русь, гдѣ, разумѣется, не было благоприятной почвы для развитія этихъ нормъ въ первоначальное время; но уже въ XIII и XIV в. мы замѣчаемъ ктиторіи въ юго-западной Руси. Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе ктиторій въ другихъ областяхъ, мы обратимся къ разсмотрѣнію ихъ въ Великомъ Новгородѣ ¹⁾, гдѣ онѣ получили распространеніе подъ названіемъ церквей вотчинниковыхъ. Въ Новгородѣ поводомъ къ установленію ктиторій послужило то обстоятельство, что князья

¹⁾ Никитскій. Очеркъ вв. исторіи въ В. Новгородѣ, стр: 80—82.

имѣли свои собственныя церкви, называемыя «княжескими». Получая отъ князя полное содержаніе, онѣ находились подъ особымъ покровительствомъ князя; послѣдній имѣлъ право выбора причта, и естественно, что, всѣмъ обязанный, княжескій причтъ выходилъ изъ прямого управленія высшей новгородской церковной власти, т. е. владыки. Этотъ примѣръ не остался безъ подражанія со стороны богатыхъ и состоятельныхъ лицъ и, тѣмъ болѣе, со стороны крупныхъ земельныхъ собственниковъ.

Но, нужно замѣтить, что между практикой греческой и новгородской церковей наблюдаются слѣдующія различія: во 1-хъ, въ Новгородѣ не наблюдалось спекулятивнаго строительства церковей; какъ само названіе показываетъ, русскія ктиторіи строились всегда на собственной землѣ, что не всегда исполнялось въ Греціи. Во 2-хъ, вотчинникъ имѣлъ безконтрольное право распоряжаться церковью и ея доходами, но — какъ собственникъ, а не — какъ наследственный пользователецъ. Въ 3-хъ, отношеніе къ причту было значительно грубѣе, нежели въ Греціи: *jus praesentandi* превратилось въ простой наемъ причта.

Если «вотчинникова церковь» дѣлалась выморочной, то она не поступала въ епископію, а раздѣляла судьбу съ прочимъ имуществомъ. Несомнѣнно, что церкви вотчинниковъ были распространены во всѣхъ обширныхъ Новгородскихъ владѣніяхъ, а въ частности въ вотчинахъ богатыхъ знатныхъ новгородскихъ родовъ въ древне-русскомъ Поморьѣ, Двинскомъ уѣздѣ и т. д., со всѣми характерными чертами, присущими этимъ церквамъ. По конфискаціи новгородскихъ владѣній Московскимъ правительствомъ, земли поступили въ пользованіе крестьянъ — «чернокупецъ царя и великаго князя», какъ они себя называли въ XV—XVI вв. Съ большей вѣроятностью слѣдуетъ предполагать, что и церкви вотчинниковъ въ такихъ, конфискованныхъ правительствомъ имѣніяхъ, перешли въ завѣдываніе религіозной общины, т. е. въ міръ, и сдѣлались мірскими.

Возрожденіе «ктиторій» можно было ожидать на Сѣверѣ, съ возникновеніемъ новыхъ вотчинъ, образовавшихся послѣ разложенія долевой системы землевладѣнія или вотчинъ, пожалованныхъ государемъ. И дѣйствительно, съ возникновеніемъ тако-

выхъ — возникаютъ и сѣверно-русскія ктиторіи, безъ всякаго впрочемъ, названія (терминъ—«церкви вотчинниковъ» употребляются нами для обозначенія церквей, построенныхъ частнымъ иждивеніемъ); возрождается и ктигорское право и при томъ въ весьма грубыхъ и антиканоническихъ чертахъ, при невмѣшательствѣ, конечно, со стороны новгородской церковной власти. Но эти церкви, впрочемъ, не получили здѣсь большого распространенія по слѣдующимъ причинамъ:

1. Почти всѣ міры обзавелись приходскими храмами.

2. Изъ предыдущаго очерка мы познакомились съ недоброжелательствомъ мірскихъ людей къ церквамъ вотчинниковымъ.

3. Сѣверъ (Устюжская и Холмогорская Епархіи) не былъ страной крупнаго землевладѣнія (въ XVI в. и въ началѣ XVII в.) и, тѣмъ болѣе, помѣстнаго землевладѣнія. Лишь затерянными клочками, встрѣчаются въ Заонежьѣ помѣстья митрополичьихъ дѣтей боярскихъ и то въ микроскопическихъ размѣрахъ (92 двора)¹⁾. Что же касается вотчинъ, то они раздѣлялись на два разряда: 1) на вотчины деревенскихъ «владѣльцевъ», кулаковъ, скушившихъ у крестьянъ чернотяглую землю въ эпоху экономическаго оскудѣнія въ XVII в.; эти земли, по существу, считались собственностью государя и были таковыми и послѣ пріобрѣтенія и превращенія въ вотчины этими разбогатѣвшими крестьянами; 2) на вотчины привилегированныхъ владѣльцевъ, считавшихъ эти имѣнія своею собственностью, напр., гостей, духовенства и т. д. «Вотчинное» землевладѣніе стало развиваться въ XVII в., или, точнѣе, съ середины этого вѣка, причемъ количественное отношеніе этого рода землевладѣнія къ площади крестьянскаго землевладѣнія было различно въ сѣверныхъ уѣздахъ. Но какъ бы то ни было, вотчинники находили церкви мірскихъ людей уже организованными.

Что же касается условій возникновенія ктигорскаго права, или, иными словами,—условіи, при которыхъ данныя церкви считались вотчинниковыми, то они нѣсколько разнятся, какъ и слѣдуетъ ожидать, отъ условій греческой церковной практики.

¹⁾ Богословскій, т. I, стр. 98. Ефименко, стр. 258—260.

1. Самое главное условіе возникновенія ктиторскаго права заключается въ томъ, чтобы церковь была построена иждивеніемъ вотчинника или вообще частнаго лица, напр., крестьянина, но единоличными усиліями, безъ помощи мірскихъ людей; а отсюда считается достаточнымъ, если вотчинникъ достроитъ или благоуукрашитъ церковь на средства церковной казны.

Такъ, пѣкій вотчинникъ Ожеговъ, въ судебномъ разбирательствѣ съ Устюжскимъ уѣзднымъ земствомъ приводитъ слѣдующія доказательства своего права на церковь:

«Въ началѣ же тѣ церкви—строеніе родственниковъ ихъ, а а не мірское строеніе и въ мірѣ съ сохъ на то церковное строеніе ничего не разрубавано»... ¹⁾. «Онъ ту церковь... Всемилюстиваго Спаса зъ братомъ своимъ по вѣрѣ и Спасовъ образъ писали и за работу давалъ денги свои» ²⁾. Однимъ словомъ, продолжаетъ отвѣтчикъ: «и церковь... и иконы и колокола построятъ не мірскимъ строеніемъ..., а Спасовой казною» ³⁾.

2. Далѣе, для признанія данной церкви вотчинниковой, требуется, чтобы земля, на которой церковь построена, принадлежала бы вотчиннику, а не міру, т. е. волости, стану и т. д. Это вытекаетъ и изъ дальнѣйшихъ доводовъ вотчинника Ожегова: ... «А на которой де землѣ стоятъ церкви, та земля въ писцовой книгѣ писцовъ Никиты Вышеславцева съ товарищами написана за дядей его, Пвашки, за Рудачкомъ Ожеговымъ и на ту землю дозорника Юрья Стремилова съ товарищи дана даная за печатью и приписью» ⁴⁾.

3. Въ третьихъ, требуется бонафидарное владѣніе церковью и землей—вотчиной; въ противномъ случаѣ, права вотчинника на нее утрачиваются ⁵⁾.

Итакъ, изъ всего вышеоказаннаго вытекаетъ, что церковь строитъ, благоуукрашаетъ и доставляетъ все необходимое для богослуженія—вотчинникъ. И индѣ «принципъ частноправности» не

¹⁾ Р. II. Б. т. XIV, № LXIX, стр. 1159.

²⁾ Ibid., стр. 1158.

³⁾ Ibid., стр. 1159.

⁴⁾ Ibid., стр. 1159.

⁵⁾ Ibid., стр. 1159.

проявлялся въ такой суровой и противной каноническому праву формѣ, какъ, именно, въ этого рода церквахъ. Вотчинникъ владѣлъ церковью на правахъ собственности, т. е. потомственно владѣлъ, пользовался церковнымъ достояніемъ и распоряжался церковью, и какъ физическою вещью,—принадлежностью къ его вотчинѣ, или даже къ крестьянскому участку, и какъ предметомъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей.

1. Условія возникновенія ктиторскаго права нами разсмотрены; мы лишь считаемъ необходимымъ дополнить слѣдующими указаніями. На Сѣверѣ, безъ различія сословія, каждый имѣлъ право строить церкви: и богатый крестьянинъ, и именитый гость, напр., Строгановъ, и духовенство, и т. д.; однимъ словомъ, кто могъ собственнымъ иждивеніемъ построить церковь и доставить все необходимое для богослуженія. Отсюда вытекаетъ, что не требовалось, для обезпеченія церкви и причта, отведенія опредѣленнаго количества земли: все это предоставлено усмотрѣнію ктитора; приписанная земля считалась собственностью вотчинника, а не церкви, и пользовался и распоряжался этой землей опять таки ктиторъ, а не причтъ.

Большое сомнѣніе возбуждаетъ тотъ случай, когда вотчинникъ покушалъ землю на церковные доходы. Опредѣленныхъ нормъ не успѣло выработаться на Сѣверѣ; имѣли лишь мѣсто прецеденты. Такъ, напр., вотчинникъ продалъ церковь вмѣстѣ съ церковными деревнями Соловецкому монастырю (за 300 р.)¹⁾, т. е. какъ свою собственность. Точно также признаніе земель, пріобрѣтенныхъ вотчинникомъ на церковные доходы, собственностью послѣдняго, обезпечивалось и формально. Дѣло въ томъ, что вотчинники писали кунчія крѣпости на свое имя, а не на имя церкви, которая не имѣла правъ юридическаго лица, и государевы писцы писали, на основаніи этихъ кунчихъ, опять таки за вотчинниками²⁾. Съ точки же зрѣнія бытовой и фактической, церковь и тянувшее къ ней имущество, недвижимое и движимое, а также имущество ктитора изъ крестьянъ, мелкихъ собственниковъ, соединялось въ нераздѣльную массу, гдѣ владѣльцемъ была,

¹⁾ Р. Н. Б. т. XIV, № LXIX, стр. 1159.

²⁾ Ibid., стр. 1153 и т. д.

несомнѣнно, церковь, служившая связующимъ ферментомъ этого хозяйства. Такъ, нѣкіе вотчинники Поповы подарили священнику «треть» церкви вмѣстѣ съ тянувшими къ ней угодьями и землями¹⁾. Привелигированные вотчинники, разумѣется, приписывали церкви извѣстную часть своихъ владѣній, считавшихся, въ этомъ случаѣ, собственностью церкви и состоявшихъ въ пользованіи причта.

Точно также нѣтъ матеріала для опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о выморочныхъ вотчинниковыхъ церквахъ: если принять во вниманіе идею о «земской» церкви, а также невмѣшательство епархіальной власти въ церковно-приходскія дѣла, то несомнѣнно, что выморочная «вотчинникова» церковь не поступала, подобно греческой ктиторіи, въ епископію, а, напротивъ, переходила въ завѣдываніе прихожанъ и становилась церковью мірскою, «земскимъ храмомъ».

Итакъ, владѣніе ктиторіей, въ виду специальныхъ условій быта и обычая, не во всѣхъ чертахъ совпадало съ греческой практикой. Именно, русское ктиторское право тѣсно было связано съ владѣніемъ землей, на которой данная церковь построена; прежде чѣмъ сдѣлаться ктиторомъ, нужно было сдѣлаться землевладѣльцемъ.

2. Вотчинникъ пользовался церковнымъ достояніемъ. Обычай требовалъ лишь отъ вотчинника, какъ ктитора, чтобы онъ доставлялъ все необходимое для совершенія богослуженія и признавалъ допустимымъ распорядиться церковной казною и, купленными на церковныя средства, деревнями, по своему безконтрольному усмотрѣнію, что, конечно, и исполнялось вотчинниками. Какъ выше упомянуто, право строить церкви своимъ иждивеніемъ предоставлялось каждому; отсюда, много случаевъ, когда ктиторами были и священники; иногда простой крестьянинъ, разбогатѣвшій и выстроившій церковь, становился и священникомъ и, тѣмъ самымъ, «экономилъ» на содержаніи причта. Такъ, напримѣръ, одинъ вотчинникъ отдалъ треть своей церкви священнику, съ предоставленіемъ ему права пользоваться третью доходовъ (церковной казны и церковныхъ деревень) и съ возложеніемъ на этого священника обязанности служить и ее благоуукрашать. Въ данномъ

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, № СХXV, стр. 516.

случаѣ священникъ былъ пайщикомъ въ церковномъ предпріятіи; для Сѣвера очень характерно это складническое владѣніе церковью.

3. Вотчиннику—ктитору принадлежало и право распоряженія церковью, какъ физической вещью, принадлежащей ему на правѣ собственности, и церковью, какъ предметомъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей.

Какъ вещь, вотчинникъ могъ церковь продать, ¹⁾ подарить, ²⁾ заложить ³⁾ и, какъ мы видѣли выше, принять складника (теоретически мыслима даже аренда церкви, съ указанной точки зрѣнія). Въ виду большого бытового интереса позволяемъ себѣ привести подобную складническую запись на владѣніе трети церкви вотчинника:

«Се язъ Гаврило Козмичъ сынъ Поповъ... и дѣти жѣ отдали еся... царскаго боголѣнія церковь преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ треть; (Далѣе производится опись церковнаго имуществва: иконы, книги, колокола и т. д.) и царскаго жалованія всякихъ угодій, хмельниковъ и огородцовъ и пахоты земель и сениныхъ покосовъ и всякихъ угодій, куды изстори владѣли дѣдъ и отецъ нашъ совѣкъ безъ вывѣту, треть пону Сидору Оедорову, дядѣ своему, служить ему, Сидору, у той церкви и за государя царя Бога молить и родителей поминать и той третью владѣть; а что сіяно ржи по 188 году и та рожь намъ Гаврилу снятъ и послѣ землю раздѣлить, а владѣть съ вешного 188 году и церковь строить вмѣстѣ. А хоромъ: изба въ Сухонѣ и подлѣ избы хлѣбъ». ⁴⁾

Далѣе, вотчинникъ, какъ наследственный «церковный приказникъ», завѣдывалъ и управлялъ церковнымъ имуществомъ: заботился о благоукрашеніи, производилъ ремонтъ и т. д.

Съ другой стороны, вотчиннику принадлежало безконтрольное распоряженіе церковью, и какъ предметомъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей; съ этой точки зрѣнія, вотчинникъ имѣлъ

¹⁾ Р. II. Б. т. XII, № ССХХV, стр. 516.

²⁾ Р. II. Б. т. XIV, № LXIX, стр. 1156.

³⁾ Ibid., стр. 1156.

⁴⁾ Р. II. Б. т. XII. № СХХV, стр. 516.

право выбора священно-и-церковнослужителей своей церкви. Все, что мы говорили о выборѣ причта мірскими людьми и къ мірскимъ церквамъ, волюгъ примѣнимо и сюда даже въ большей степени; какъ и здѣсь, тамъ и тамъ, право репрезентаціи превратилось въ простой наемъ причта.

Выборъ этотъ вотчинники формулировали въ особыхъ приговорахъ ¹⁾. Если мы будемъ сравнивать приговоръ вотчинника и порядную мірскихъ людей, то воочію убѣдимся, что положеніе причта было несравненно принижениѣ въ этого рода церквахъ. Прежде всего обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что вотчиннику принадлежитъ право надзора за причтомъ своей церкви; въ силу чего, онъ присвоивалъ себѣ право штрафовать крылошанъ за неисполненіе, принятыхъ и формулированныхъ въ приговорѣ, обязанностей. Напр., въ одномъ приговорѣ говорится:

«А буде онъ Василій обѣдни суботни и воскресные и на Господніе праздники и на владычни и на царскіе ангелы служить не станетъ и куда прогуляется и за всякую прогульную службу дать ему Василію въ казну по десяти денегъ» ²⁾.

Несомнѣнно, что вотчиннику кромѣ этого принадлежало право опредѣленія состава религіозной общины, или, иными словами, отъ его усмотрѣнія зависѣло принятіе того или иного богомольца въ составъ религіозной общины, организующейся и группирующейя вокругъ церкви—его строенія. На практикѣ ни одинъ вотчинникъ, разумѣется, не стремился къ уменьшенію прихожанъ своей церкви и, тѣмъ болѣе, къ отказу отъ религіознаго общенія тѣмъ мірянамъ, которые уже были приняты въ составъ прихожанъ; но въ первоначальной организаціи прихода вотчинникъ принималъ большое, можно сказать, главное участіе. Какъ инициаторъ отдѣленія новой общины отъ метропольнаго прихода, вотчинникъ (особенно изъ крестьянъ) принужденъ былъ заручиться сочувствіемъ со стороны того или иного міра, или же со стороны деревень, или же, наконецъ, со стороны владѣльцевъ вотчинъ, половники и порядчки, или прикрѣпленные крестьяне которыхъ, могли бы войти въ составъ вновь организуемой религіозной общины. Такъ, ивкій

¹⁾ Р. II. В. т. XII, № CCLIV, стр. 1216.

²⁾ Ibid., стр. 1216.

вотчинникъ Мыльниковъ обратился за содѣйствіемъ и за сочувствіемъ въ дѣлѣ организаціи и, слѣдовательно, отдѣленіи отъ прихода, къ владѣльцамъ вотчинъ, которые и дали приговоръ, гдѣ обязались за своихъ половинковъ «приходить», именно, къ церкви Мыльникова ¹⁾;

Наконецъ, вотчиннику принадлежитъ общій надзоръ за совокупностью всѣхъ отношеній, вызванныхъ постройкой церкви, и вообще представительство церкви предъ церковной и правительственной властью. Въ силу чего, онъ регулируетъ отношенія членовъ причта между собой, ²⁾ озабочивается доставленіемъ причтныхъ средствъ для содержанія причта ³⁾, устанавливаетъ дни богослуженій, приноситъ жалобы епископу на причтъ; далѣе какъ представитель интересовъ религіозной общины и своей церкви, онъ вчиняетъ искъ, подаетъ явки ⁴⁾, челобитныя ⁵⁾ и т. д.

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ правъ вотчинника, мы убѣдились въ грубомъ проявленіи «принципа частноправниности», проходящаго красной нитью черезъ строй религіозныхъ общинъ на Сѣверѣ. Вотчинникъ являлся настоящимъ хозяиномъ церкви, которая иногда была его единственнымъ достояніемъ, источникомъ доходовъ, выгодной спекуляціей. Но, между прочимъ, характерно для русской жизни то обстоятельство, что особыхъ обычаевъ, связанныхъ съ нашимъ «правомъ патроната», особыхъ обрядовъ, особыхъ правъ и привилегій вотчинника не было. Мало того, церковная власть даже называла этихъ «патроновъ» довольно скромнымъ именемъ, «церковными прикащиками» ⁶⁾.

Что же касается прихожанъ, то изъ предыдущаго изложенія вытекаетъ, что они не имѣли равно никакого значенія въ завѣдываніи церковью. Они были простыми богомольцами, лишь по изволенію вотчинника допускаемыми въ кругъ церковно-религіознаго обиденія. Въ противоположность-мірскимъ церквамъ, эти

¹⁾ Р. И. Б. т. XIV, № LXV, стр. 1120.

²⁾ Р. И. Б. т. XII, стр. 1216

³⁾ Ibid., стр. 1216.

⁴⁾ Р. И. Б. т. XIV, стр. 1120.

⁵⁾ Ibid., стр. 1120.

⁶⁾ Р. И. Б. Т. XIV. № LXV, стр. 1129.

богомольцы не имѣли и опредѣленной организаціи: не имѣли особаго представителя для защиты своихъ приходскихъ интересовъ и не созывали приходскаго схода.

Но такое положеніе, разумѣется, не могло нравиться богомольцамъ: строгій «принципъ частноправности» не находилъ сторонниковъ среди сѣверныхъ волощанъ. Какъ видно изъ иска земской Устюжской избы, стала возникать болѣе отвлеченная идея о церкви, съ непризнаніемъ указаннаго принципа, отъ кого бы то онъ не исходилъ: отъ лица ли міра-строителя, отъ вотчинника, отъ монастыря; въ словахъ земскаго представителя, что церковь не можетъ быть собственностью частнаго лица потому, что церковные доходы, на которые давняя церковь выстроена, доставлялись наломниками околныхъ волостей ¹⁾, чувствуется именно такое представленіе о церкви, какъ *res extra commercium* и какъ отношеніи публично-правового характера. Недовольные указанной профанаціей религіознаго общенія, богомольцы реагировали тѣмъ, что отдѣлялись отъ прихода церковей вотчинниковъ и образовывали отдѣльный приходъ, управляемый на началахъ приходской автономіи. Съ другой стороны, прихожане выражали свое недовольство тѣмъ, что почти никогда не одаряли церковь вотчинника, ибо отличиво понимали, что все приношенія переходили въ собственность вотчиннику.

Нѣкоторыми вотчинниками, болѣею частью, изъ разбогатѣвшихъ крестьянъ было учтено это враждебное настроеніе міровъ къ строгимъ началамъ русскаго «ктиторскаго» права, и они пытались сдѣлать рядъ уступокъ въ сторону обычнаго порядка. Результатомъ всего этого явилась довольно любопытная система, именно, смѣшанная, гдѣ комбинировались черты вотчинниковыхъ церковей съ началами приходскаго строя «земскихъ храмовъ». Эти вотчинники приглашали мірскихъ людей помочь имъ въ постройкѣ и благоукрашеніи храма, на что многіе крестьяне, или по своей близости къ погосту, или по своей экономической зависимости,

¹⁾ «Истець Гришка Мыльниковъ» (представитель земской организаціи) возражалъ вотчиннику: «строили мірскимъ подаваніемъ всякое церковное строеніе, а не ево, отвѣтника, пожитками, да и первую церковь строили міромъ, околными волостями». Р. II. Б. т. XIV. № LXIX, стр. 1153.

или солидарности съ вліятельнымъ вотчинникомъ (порядчики, половники), соглашались ¹⁾. Тогда вотчинникъ, оставаясь пожизненнымъ церковнымъ старостой и юридически собственникомъ церкви — «ктиторомъ», дѣлалъ уступки мірскому настроенію; именно, въ этомъ случаѣ, онъ не пользовался церковнымъ достояніемъ, выдѣлялъ погостъ и земли, отведенные причту и въ обезпеченіе церкви, изъ своихъ собственныхъ владѣній, т.-е. дѣлалъ ихъ *res extra commercium*, и наконецъ, во многихъ отношеніяхъ долженъ былъ сообразоваться съ мнѣніями и желаніями мірскихъ людей. Конечно, такая кооперативная постройка церкви влекла выгоды для обѣихъ сторонъ: для вотчинника выгода заключалась въ томъ, что прихожане обезпечивали духовенство ругою, что относилось къ обязанности самого вотчинника, а для прихожанъ обязанности по отношенію къ церкви облегчались тѣмъ, что вотчинникъ уже приписывалъ часть земель подъ погостъ и для нуждъ церкви и причта, что было дѣломъ прихожанъ.

Такъ, упомянутый уже нами, извѣстный земскій дѣятель Григорій Мыльниковъ, довольно состоятельный вотчинникъ, завладѣвшій «половиной волости и крестьяны», какъ говорится о немъ въ документахъ, построилъ церковь собственнымъ иждивеніемъ на территоріи Цареконстантиновскаго прихода; въ этомъ приходѣ уже была церковь, тоже вотчинникова, иждивеніемъ именитаго гостя Строганова построенная. Мыльниковъ поставилъ церковь въ удобномъ мѣстѣ, и къ приходу были приписаны половники его собственныхъ деревень, а частью монастырскихъ и другихъ вотчинъ, чѣмъ обусловлено было привлеченіе богомольцевъ; этимъ было достигнуто раздѣленіе Цареконстантиновскаго прихода на двѣ равныя части ²⁾.

Что же послужило побудительной причиною отпаденія этихъ новыхъ прихожанъ отъ прежняго прихода, гдѣ на церковномъ погостѣ лежали могилы ихъ предковъ? Изъ приговора, который они дали Мыльникову, видно, что священники, нанимаемые вотчинникомъ (Строгановымъ), своихъ обязанностей, по отношенію паствы, не исполняли:

¹⁾ Р. Н. Б. т. XIV, № LXV, стр. 1120

²⁾ Ibid., стр. 1120.

«Въ прежніе годы Цареконстантиновскіе попы въ наши деревни со всякой потребой ходили съ великою нуждею (т.-е. неохотно), надѣясь на приказныхъ Строгановыхъ, потому что они преговаривали поповъ и крылошанъ, опричь насъ, потому они и непослушны были» ¹⁾).

Причтъ Цареконстантиновской церкви, удрученный отдѣленіемъ прихожанъ и, слѣдовательно, соотвѣствующимъ уменьшеніемъ доходовъ, обратился съ жалобой къ архіепископу, гдѣ просилъ о сложеніи дани, слѣдуемой съ «крылошанъ» и взимаемой въ слишкомъ большомъ количествѣ. мотивируя свою просьбу уменьшеніемъ прихода. Мыльникову, какъ представителю церкви, пришлось проиграть дѣло. Тогда онъ прибѣгъ къ помощи и сочувствію своихъ прихожанъ и заручился съ ихъ стороны приговоромъ въ томъ, что прихожане будутъ платить церковную дань за священника и давать ругу въ количествѣ «алтына съ лошади, чтобъ Богородицкая церковь впредь впустѣ не была» ²⁾). Этотъ приговоръ прихожанъ показываетъ, что Мыльниковъ и впредь долженъ будетъ обращаться за совѣтами къ мірскимъ людямъ по всѣмъ церковно-приходскимъ дѣламъ, чѣмъ лишь и будетъ обусловлена эта матеріальная съ ихъ стороны поддержка; Мыльниковъ, какъ мы видимъ и изъ послѣдующихъ документовъ, былъ лишь безземнымъ и потомственнымъ церковнымъ старостой, лишь представителемъ церкви и даже религіозной общины, что не могло быть при церквяхъ, строго вотчинниковыхъ.

Что же касается положенія причта, то нужно замѣтить что здѣсь положеніе приходскаго духовенства было еще принижениѣе, нежели даже въ мірскихъ церквяхъ: и это понятно: вотчинникъ своимъ усмотрѣніемъ и единоличнымъ представительствомъ церкви и религіозной общины закрывалъ всякое возможное значеніе причта. Ему была дана, формулированная въ приговорѣ, даже дисциплинарная власть надъ причтомъ, какъ мы выше видѣли; но особенно привижалось приходское духовенство въ вотчинахъ Строгановыхъ, гдѣ распорядились церковью ихъ

¹⁾ Р. И. Б. т. XIV, № LXV, 1120.

²⁾ Ibid., стр. 1120.

довѣренныя или «приказные люди», по выраженію того времени ¹⁾).

Съ другой стороны, мы наблюдаемъ ту же нищету духовенства, конечно, еще въ большей степени. Вотчинники изъ разряда «деревенскихъ владѣльцевъ» или кулаковъ, по современному выраженію, сами пытались «отъ алтаря» своей церкви, не могли достаточнымъ образомъ обезпечить причтъ, и ему приходилось побираться по своимъ прихожанамъ, которые, не принимая участія въ выборѣ, и не вмѣняли себѣ въ обязанность ихъ «ружить»; неуставная же руга (по желанію каждаго богомольца) почти ничѣмъ не отличалась отъ милостыни. ²⁾).

Заканчивая очеркъ о вотчинниковыхъ церквахъ и приходяхъ этихъ церквей, намъ хотѣлось бы остановиться на слѣдующемъ вопросѣ: была ли вотчинникова церковь юридическимъ лицомъ? Мы уже видѣли, что въ общій порядокъ управления этого рода церквами могли быть внесены различныя измѣненія, обусловленныя положеніемъ вотчинника, его взглядами на церковь и т. д. Между вотчинникомъ Строгановымъ, богатымъ и благочестивымъ гостемъ, и кулакомъ-спекулянтомъ, разумѣется,—громадная разница, а все это отражалось и на судьбахъ вотчинниковой церкви; отсюда слѣдуетъ, что церкви вотчинниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ или, вѣрнѣе, у нѣкоторыхъ вотчинниковъ не имѣли правъ юридического лица; въ этомъ случаѣ онѣ входили въ одну имущественную массу вотчинника и представляли собою нераздѣлимое цѣлое; примѣръ подобнаго соединенія мы приводили: тамъ церковь вмѣстѣ «съ хлѣвниками и угодными» была объектомъ складническаго владѣнія ³⁾). Наоборотъ, тѣ вотчинники, напр., Мыльниковъ и др., которые не рѣшались признать церковь за вещь, тѣмъ самымъ производили церковь въ субъекты правъ. При этомъ нужно замѣтить, что каждая церковь на Сѣверѣ, какъ мы ранѣе упомянули, считалась юридическимъ лицомъ, и, такимъ образомъ, вопросъ лишь заключается въ фактическомъ предоставленіи правъ юридического лица со стороны вотчинника.

¹⁾ Р. И. Б. т. XIV. № LXV, 1123.

²⁾ Р. И. Б. т. XII, № CCLIV, стр. 1216.

³⁾ Р. И. Б. т. XII, № CXXXV, стр. 516.

Итакъ, церкви вотчинниковъ не пользовались симпатіями міровъ; прекрасной иллюстраціей этого настроенія является то обстоятельство, что Устюжское земство предъявило искъ къ выше упомянутому вотчиннику Ожегову, гдѣ встрѣтились два настроенія, двѣ противоположныя идеи о церкви. Дѣло тянулось очень долго и даетъ характернѣйшія бытовые черты изъ жизни этихъ вотчинниковъ—счастливыхъ церковныхъ аферистовъ. Ожеговъ, какъ видно изъ судебныхъ протоколовъ, собственнымъ иждивеніемъ написалъ образъ Перукотвореннаго Спаса, оказавшійся чудотворнымъ. Слухи о чудотворномъ образѣ распространились по всему Устюжскому уѣзду и привлекли многочисленныхъ паломниковъ. На деньги этихъ богомольцевъ Ожеговъ выстроилъ двѣ церкви, а также купилъ нѣсколько деревень, выстроилъ лавки, амбары и т. д. Но, по словамъ земскаго представителя и свидѣтелей, Ожеговъ велъ «гуляющую» жизнь, пьянствовалъ и т. д.

«Стенка Ожеговъ (имя вотчинника) съ хлѣбоядцы и съ друзьями исъ тое вотчины... и церковью, и казною, и всякимъ строеніемъ онъ Стенка завладѣлъ и съ паномаремъ Андрюшкою и со многими друзьями здѣлялся, и шилъ, и бражничалъ... и въ томъ де ево Стенки неистовствѣ великихъ чиновъ люди били челомъ великому государю, а на Устюгѣ Великомъ въ съѣзжей избѣ подавали извѣстные челобитни... И въ прошломъ де 176 году онъ, Стенка, опился, а паномарь Андрюшка на колокольнѣ удавился...» ¹⁾.

¹⁾ Р. И. Б. т. XIV, № LXIX, стр. 1321.

ГЛАВА IV.

Приходъ-монастырь.

Монастыри на Сѣверѣ, ихъ существенныя черты и просвѣдительно-благотворительная дѣятельность. Чернотяглыя монастыри и пустыни. Приходъ-монастырь. Органы завѣдыванія: черный советъ, мірской сходъ, церковный староста и настоятель. Отдѣленіе прихода отъ монастыря. Причины этого отдѣленія.

1.

Приходъ - монастырь, эта своеобразнѣйшая единица религіознаго общенія встрѣчалась и въ другихъ областяхъ древней Россіи. Но въ указанную эпоху, и въ особенности въ XVIII вѣкѣ, этотъ видъ монастыря былъ анахронистическимъ исключеніемъ, тогда какъ на Сѣверѣ онъ сохранился и былъ характернѣйшимъ явленіемъ церковной жизни.

Что-же касается основаній, тѣхъ первичныхъ формъ, изъ которыхъ эта комбинація двухъ, не вполне совпавшихъ по своимъ цѣлямъ и по своей организаціи, религіозныхъ общинъ выработалась, то церковная исторія не дастъ намъ точнаго и опредѣленнаго отвѣта; весьма возможно, что приходъ-монастырь образовался изъ, такъ называемыхъ, монастырей — несоответственныхъ, принимая терминологию проф. Голубинскаго, т. е. монастырскихъ общинъ, группировавшихся вокругъ приходской церкви и ютившихся за церковной оградой, на погостѣ¹⁾. Эти монастыри или, вѣрнѣе, монастырскія слободки были въ большомъ распространеніи и на Сѣверѣ, именно, въ Новгородѣ, въ эпоху пятинъ и погостовъ. Такъ, въ писцовыхъ книгахъ Обонежской пятинны часто встрѣчаются описанія монастырскихъ общинъ, упомянутого типа, напр.:

¹⁾ Голубинскій, т. I, пол. 2, стр. 452—453; 472.

«Погостъ Имочевитцкїи на Ояти, а на погостѣ перковь Рождества Пресвятыя Богородицы... Дворъ поиъ Филиппъ, дв. дьячокъ Ромашка Григорьевъ, дв. пономарь Микитка, дв. проскурница Агафья, да десять келїи, а въ нихъ живутъ 12 братьевъ чернецовъ, да пять келїй, а въ нихъ живутъ вниці бѣлци старцы и старицы» ¹⁾.

Такимъ образомъ, монастырская община входила, какъ составная часть, въ другую религіозную общину, именно, приходъ. Но еще съ большимъ вѣроятїемъ мы можемъ предположить, что примѣръ упомянутой комбинаціи былъ взятъ съ тѣхъ монастырей, которые основывались среди некрещенныхъ инородцевъ, въ отдаленной мѣстности, просвѣщали дикія финскія племена и, по необходимости, были и приходами для этихъ новокрещенныхъ племенъ и для русскихъ колонистовъ, неотступно слѣдующихъ за монастыремъ. Въ то время, какъ въ центральной Руси этотъ процессъ, хотя бы формальнаго, обрусѣнія и обращенія въ христіанство мелкихъ народностей уже закончился, на Сѣверѣ, даже въ XVIII в., монастырскимъ подвижникамъ оставалось еще широкое поле дѣятельности.

Основные черты, указаннаго типа единицы религіознаго общенія, заключаются въ соединенїи двухъ общенъ, прихода и монастыря, въ одно переплетенное цѣлое; но нужно замѣтить, что, какъ монастырь, такъ и приходъ не были органически соединены между собой: это было лишь вынужденное сотоварищество этихъ двухъ, по существу противоположныхъ, единицъ религіознаго общенія, соединившихся подъ покровомъ храма; монастырь имѣлъ свою организацію — свое управленіе, а приходъ — свою; каждый изъ этихъ двухъ элементовъ имѣлъ свои спеціальныя цѣли и церковно-общественныя идеалы: мірскіе люди—прихожане тяготѣли къ приходской автономїи, съ вмѣшательствомъ въ церковно-приходскія дѣла; а монастыри—къ развитію, укрѣпленію, вышнему блеску, къ экономическому могуществу и къ отдѣленію отъ мірской религіозной общины, суетливой и, можно сказать, деспотической. Это вынужденное товарищество было лишь временнымъ отноше-

¹⁾ Неволпнъ. О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ. Прилож. VI. стр. 151.

ніемъ—до лучшихъ временъ, именно, до тѣхъ поръ, пока монастырская община не приобрѣтала необходимыхъ средствъ и земельныхъ владѣній, что дѣлало ее независимой отъ матеріальной поддержки міра.

Что-же было причиной жизненности этой формы монастырской общины?

Этихъ причинъ было нѣсколько:

1. На первомъ планѣ стоитъ невозможность для сѣверныхъ «богомольцевъ» построить приходскую церковь, по своей бѣдности, заброшенности и, главнымъ образомъ, малочисленности, не допускавшей и мысли объ образованіи отдѣльной религіозной общины. Сѣверные монастыри были, какъ упомянуто, первымъ авангардомъ православія и русской культуры въ сѣверной области, съ ея дикой природой, съ ея полудикими финскими племенами; за этимъ авангардомъ идутъ медлительными шагами сѣверные поселенцы, удаляясь съ каждымъ годомъ отъ родного погоста и храма; поселеніе шло по рѣчнымъ долинамъ, представляя собою длинную прибрежную полосу, и естественно это «поудаленіе», какъ тогда выражались, и естественно то обстоятельство, что они приходили къ первой, повальной по пути колонизаціоннаго движенія, церкви.

Такъ, къ Нурь-Наволоцкому монастырю, образованному на крайнемъ сѣверѣ, у Студенаго моря, еще въ XI—XII в., сгруппировалась религіозная община, на 150 верстъ въ окружности, и состоявшая до 1536 г. изъ нѣсколькихъ волостей и становъ (Лодомская волость, Андрейновъ станъ, Терпиловъ станъ и др.)¹⁾.

2. Монастыри были необходимы мірскимъ людямъ, и какъ благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія. Нужно замѣтить, что мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей о крупномъ просвѣтительномъ и благотворительномъ значеніи прихода и приходскаго духовенства въ древней Россіи не находитъ подтвержденія. Какъ нами выше указано, приходъ былъ слишкомъ мелкой единицей религіознаго общенія, чтобы создать просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія. Приходское общеніе состояло лишь изъ слушанія по праздничнымъ днямъ богослуженій и молитвословія] что было единственнымъ дѣломъ невѣжественнаго и неавторп-

¹⁾ Макарій. Описаніе Красногорскаго монастыря, стр. 7.

тетнаго духовенства; монастыри же, дѣйствительно, являлись разсадниками, хотя-бы церковнаго, просвѣщенія. Такъ, крестьяне Сысольскихъ волостей пишутъ въ своей челобитной архіепископу Александру:

«А въ томъ монастырѣ чернаго попа нѣту и многіе крестьяне радѣютъ постригатца, а постригать некому; а монастырей близко нѣтъ, а къ Русѣ итти, многіе русскаго языка не разумѣютъ»¹⁾.

Изъ этого свидѣтельства видно и отношеніе крестьянскихъ міровъ къ монастырямъ: сѣверное общество относилось къ нимъ благожелательно. Глубокая религіозность не удовлетворялась мірской религіозной общиной и мірскимъ религіознымъ общеніемъ, она хотѣла испытать и увидѣть примѣры подвижнической жпзни, даваемыми монастырскими иноками. Но эта доброжелательность скоро переходила въ явное недовѣріе и открытую вражду къ монастырямъ, какъ только послѣдніе выходили за предѣлы поставленныхъ цѣлей: очень часто монастыри, которымъ давали пріютъ и матеріальную поддержку земскіе міры, стремились къ пріобрѣтенію богатствъ—и единственнаго богатства Сѣвера—крестьянскую землю, результатомъ чего и являлась перемѣна въ отношеніяхъ²⁾.

Итакъ, заброшенность богомольцевъ и стремленіе къ просвѣщенію были причинами существованія этой комбинированной единицы религіознаго общенія. Эти причины, такъ сказать, общія, а далѣе идутъ индивидуальныя: напримѣръ, согласно обычаю, женскіе монастыри были и приходами; они завѣдывались міромъ и его представителямъ, церковнымъ старостѣй; въ нѣкоторыхъ приходахъ существовалъ «изетари» обычай имѣть чорнаго «попа» приходскимъ священнослужителемъ³⁾.

Теперь обратимся къ вопросу объ организаціи прихода-монастыря; очевидно, что этотъ вопросъ можетъ касаться только тѣхъ случаевъ, когда мірскіе люди рѣшаютъ организовать монастырскую общину уже при построенной церкви и сгруппирован-

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, № ССLV, стр. 1217.

²⁾ Богословскій, т. I, стр. 87—97. Ефименко, стр. 866.

³⁾ Р. И. Б., т. XII, № ССLXII, стр. 1305.

ной при ней приходской общины. Въ этомъ случаѣ мірскіе люди посылаютъ челобитную къ епархіальному епископу, гдѣ объясняютъ причины своей просьбы, и просятъ о благословеніи и назначеніи настоятеля, указывая и рекомендуя кандидата. Епископъ спрашиваетъ челобитчиковъ о содержаніи и количествѣ денегъ, ассигнуемой мірами на содержаніе и первоначальное обзаведеніе монастыря, благословляетъ и назначаетъ настоятеля приходскаго храма и игумена организуемой монастырской общины ¹⁾).

Эта санкція архіепископа имѣетъ большое значеніе: она дѣлаетъ мірскую церковь принадлежностью монастыря; приходъ какъ бы считается съ этого времени добавочнымъ отношеніемъ и, до известной степени, подчиненнымъ. Правда, мірскіе люди фактически могутъ прекратить свое товарищество съ монастыремъ, отказывая въ содержаніи «чернымъ понамъ» и т. д. Иногда, при возникновеніи явнаго антагонизма между приходомъ-монастыремъ, мірскіе люди и прибѣгали къ послѣднему средству, но это было правонарушеніемъ, архіепископами отнюдь не поощряемымъ. Такъ, упомянутые нами, Сысольцы рассказали въ своемъ пожеланіи основать мірской монастырь, о чемъ доложили архіепископу, и просили объ отозваніи игумена. Но архіепископъ Александръ, Велико-Устюжскій и Тотемскій, на эту челобитную не обратилъ вниманія; онъ пишетъ настоятелю:

«Какъ къ тебѣ ся память придетъ, и ты бы по нынѣшнему и по прежнему, каковъ тебѣ данъ указъ о строителствѣ, строишь добръ монастырь и братію собирать, а челобитные ихъ по архіерейскому указу нынѣшнее и прежнее оставлено» ²⁾).

Но иногда игумену не удавалось организовать монастырскую общину по тѣмъ или инымъ причинамъ; въ этомъ случаѣ церковь опять становилась приходской, и міры выбирали бѣлыхъ священнослужителей.

2.

Нами уже было упомянуто, что монастырь и религіозная община не были органически соединены въ единое цѣлое; каждая изъ

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, № CCLV, стр. 1217.

²⁾ Ibid., стр. 1217.

этихъ двухъ религіозныхъ общинъ имѣла свои цѣли и, сообразно этимъ несовпадавшимъ цѣлямъ, отдѣльные органы завѣдыванія и управленія. Правда, иногда интересы этихъ общинъ переплетались, а это обуславливало совмѣстную компетенцію распорядительныхъ органовъ.

Во главѣ монастыря находился черный совѣтъ, состоявшій изъ старцевъ, т. е. лицъ принявшихъ иноческій чинъ, и вкладчиковъ—не постриженныхъ свѣтскихъ людей, внесшихъ свой пай—вкладъ и, по своей солидарности къ интересамъ даннаго монастыря, трудившихся на пользу и процвѣтаніе послѣдняго. Намъ нѣтъ настоятельной надобности детально излагать вопросъ о «старцахъ» сѣверныхъ монастырей, ибо это завело бы насъ слишкомъ далеко; тѣмъ болѣе, этотъ вопросъ подробно изученъ въ церковно-исторической литературѣ; но считаемъ необходимымъ подробно остановиться на вопросѣ о вкладчикахъ Сѣвера, ибо здѣсь все носитъ особый, чисто мѣстный, отгѣнокъ и характеръ. Кто могъ быть вкладчикомъ?

Соотвѣтствующіе документы указываютъ, что вкладчикомъ могъ быть:

1. Простой тяглый крестьянинъ, скопившій тяжелымъ трудомъ, потребную для вклада, сумму.
2. Посадскій человекъ сосѣдняго города ¹⁾.
3. Монастырскій слуга, напр., конюхъ, отводчикъ и т. д. ²⁾.
4. Священникъ, желавшій подъ старость принять иноческій чинъ или схиму ³⁾.
5. Женица ⁴⁾.
6. Наконецъ, какъ это ни странно, старецъ другого монастыря ⁵⁾.

Такимъ образомъ, быть вкладчикомъ какого-нибудь монастыря желали многіе изъ различныхъ слоевъ общества, правда, низшаго, быть можетъ, выбитаго изъ колен, желавшаго найти себѣ пріютъ въ теплыхъ стѣнахъ монастыря.

¹⁾ Р. И. Б. т. XIV, № XLIV, стр. 936.

²⁾ Р. И. Б. т. XII, № CCLXV, стр. 1322.

³⁾ Р. И. Б. т. XIV, № VIII, стр. 834.

⁴⁾ Р. И. Б. т. XII, стр. 1170.

⁵⁾ Р. И. Б. т. XIV, № CLXXIX, стр. 436.

Вкладъ состоялъ изъ известной суммы денегъ, различной для каждаго монастыря, (отъ 5 рублей—до 10) ¹⁾. Въ зачетъ этой суммы иногда принимались различные хозяйственные предметы напр.:

«Положилъ вкладчикъ въ Клоновскій монастырь Петръ Онуфриевъ сынъ сѣдло, да кафтанъ, да полъ третья рубли, да денегъ полъ четверти рубли, а достала донести четыре рубли. А какъ тотъ Петръ донесетъ достала, и намъ ему дать вкладная, а память у него взяти» ²⁾.

Иногда случалось, что нѣкоторые вносили вкладъ и считались монастырскими вкладчиками, но въ монастырѣ не жили и въ трудахъ и заботахъ монастыря не участвовали, общія принять иноческій чинъ лишь послѣ нѣкотораго времени: «когда время придетъ» ³⁾.

Отъ кого же зависѣло принятіе вкладчиковъ? Принималъ ихъ въ число братіи черный совѣтъ, состоявшій изъ всѣхъ наличныхъ старцевъ и вкладчиковъ монастыря и выдававшій, такъ называемую, вкладную записъ съ подписями монастырской братіи, служившую удостовѣрительнымъ документомъ для вкладчиковъ. Въ ней перечислялись ихъ права и обязанности, такъ, что съ этой точки зрѣнія, она представляетъ много интереса, почему мы и считаемъ необходимымъ привести подобную вкладную ⁴⁾.

«Се язъ рабъ Божій, Кирило Давыдовъ сынъ положился есмь въ домъ Николы Чудотворца Тотемскаго уѣзда въ Бабоозерскую пустыню вкладу 5 рублейв денегъ московскихъ (перечисляются имена старцевъ и вкладчиковъ). И ему, Кирилу, быть въ монастырѣ вкладникомъ и съ нами братіей быть въ совѣтѣ и въ послушаніи и радѣти и промышлять о всякомъ монастырскомъ строеніи неоплошно; всею душой и всемъ сердцемъ и пити и ясти и платье носить монастырское, рубахи и штаны тонкіе и холщовые; шапку и рукавицы мнѣ строителю давать ему Кирилу изъ казны и верховое платье зипунъ и шубникъ, давать изъ казны

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, № CLXXXVII, стр. 894—95.

²⁾ Р. И. Б. т. XIV, № CXXVI, стр. 323.

³⁾ Р. И. Б. т. XIV, № XLIV, стр. 964.

⁴⁾ Р. И. Б. т. XII, стр. 894.

же и поконить его Кирила, какъ и продчую братью. А буде оиъ Кирило при старостѣ похочеть постритца, и посихмъти, и поконить ево, Кирила, какъ продчую братію»¹⁾

Вкладная указаннаго типа выдавалась лишь послѣ оплаты вклада; въ противномъ случаѣ, выдавалась лишь «память»,—временная квитанція²⁾. Вкладчикъ, какъ мірской человекъ, ничего общаго съ монастырскимъ уставомъ не имѣющій, обыкновенно живетъ въ монастырѣ съ женою и семействомъ, и монастырь долженъ всѣхъ накормить, одѣть и приютить, что вводило, разумѣется, въ большія издержки³⁾.

Вкладчики были совершенно равноправны въ предѣлахъ данной монастырской общины. Они, вмѣстѣ одинаковый годосъ въ черномъ совѣтѣ, занимали мѣста въ монастырской администраціи, были представителями ех officio монастыря во многихъ сношеніяхъ; посылались въ Москву «бить, ослуждахъ» монастыря; иногда командировались братіей съ какимъ-нибудь старцемъ, ненадежнаго поведенія, для надзора и «внушенія». Такъ, на примѣръ, однимъ монастыремъ былъ посланъ вкладчикъ вмѣстѣ со старцемъ въ Москву, для веденія какого то дѣла; старецъ, вопреки настояніямъ своего спутника, велъ себя въ этой командировкѣ неподобающимъ образомъ, о чѣмъ и докладываетъ братіи вкладчикъ въ длинномъ письмѣ, разказывая о всѣхъ прегрѣшеніяхъ инока. Черный совѣтъ и настоятель монастыря, принявши вкладчика, не можетъ отказать ему въ прокормленіи и приютѣ; даже его неподобающее поведеніе не даетъ братіи права изгнать такого «немирножительствующаго» вкладчика. Для этого требовался спеціальній указъ архіепископа. Этимъ, обыкновенно, и пользовалась, обнагѣвшая и разжирѣвшая на монастырскихъ хлѣбахъ, масса монастырскихъ вкладчиковъ. Такъ, братія не могла изгнать вкладчика, поджогшаго монастырскія постройки и, не смотря на это, продолжавшаго жить въ мона-

стырь съ спокойной совѣстью ¹⁾). Вообще, нужно замѣтить, институтъ вкладчиковъ былъ темной стороной въ порядкахъ сѣверныхъ монастырей, особенно среднихъ по богатству и численности братіи. Въ болѣе крупныхъ права вкладчиковъ ограничивались: они не входили въ составъ монастырскаго совѣта, который составляли, такъ называемые, соборные старцы, выдѣлившіеся своей опытностью, лѣтами и благочестивой жизнью; дисциплинарная власть настоятеля была тамъ гораздо значительнѣе: онъ могъ во всякую минуту изгнать непокорнаго вкладчика и даже старца черезъ монастырскую полицію—монастырскихъ приставовъ (особыхъ слугъ монастырскихъ).

Итакъ, съ точки зрѣнія гражданскаго права, монастырь напоминаетъ товарищество на вѣрѣ, гдѣ полными товарищами являются старцы, постоянный и основной элементъ монастыря, а наймичками—вкладчики; это сравненіе неволью придетъ на умъ, если принять во вниманіе то обстоятельство, что, мотивами вступленія вкладчиковъ въ монастырь, всегда является матеріальная заинтересованность; вѣдь, въ большинствѣ случаевъ, эти вкладчики—женатые и семейные люди, обезземеленный пролетаріатъ, желавшіе обезпечить себя на случай старости и желавшіе застраховать себя и свою семью отъ житейскихъ невзгодъ. Это то же складничество, та же трудовая и имущественная артель, лишь объясняющая свое существованіе именемъ Божиимъ. Этими обуславливаются многія стороны монастырскаго быта, казалось бы, необъяснимыя.

Объясняется то великое множество сѣверныхъ монастырей и пустынь, ихъ внезапное появленіе и исчезновеніе: очевидно, что они основывались старцемъ, принявшимъ нѣсколькихъ вкладчиковъ; послѣ смерти основателей—трудовая и имущественная артель прекращала свое недолговременное существованіе.

Объясняется и требованіе вклада со стороны шюка, желавшаго поступить въ данный монастырь. Съ точки зрѣнія имущественно-трудовой артели съ равноправіемъ черныхъ и мірскихъ членовъ, безденежное поступленіе шюка было явнымъ нарушеніемъ интересовъ даннаго товарищества, гдѣ требовался трудъ и матеріальное основаніе труда—капиталь.

¹⁾ Р. И. Б., т. XII, № ССLXV, стр. 1322.

Объясняется равноправіе старцевъ-инокъ съ вкладчиками, которые бы должны играть заведующую роль въ монастырской общинѣ.

Объясняется, наконецъ, существованіе такихъ монастырей, гдѣ общину составляли исключительно лишь вкладчики безъ инокъ; такъ, напр., на рѣкѣ Печенгѣ была построена пустынь, инокимъ старцемъ, пригласившимъ и нѣсколькихъ вкладчиковъ. Старецъ, строитель скончался, оставивъ въ наслѣдство вкладчикамъ опротивѣвшую пустыню. Вкладчики не разбрелись въ разныя стороны, они продолжали хозяйственную дѣятельность, построили часовню, а вокругъ нея вкладническіе дворы, управляя монастырскими дѣлами по своему совѣту и согласію, и не озабочивались приисканіемъ строителя и инокъ. Лишь послѣ нѣкотораго времени они приняли въ число братіи нѣкоего старца и, что интереснѣе всего,—за извѣстный вкладъ ¹⁾). Въ этомъ случаѣ нѣтъ и намёка на существованіе религіозной общины, ибо часовня не могла быть центромъ религіознаго общенія; вкладчики, какъ мірскіе люди, не имѣли ничего общаго съ пустынножителемъ, а главнымъ образомъ, не было основного элемента каждой монастырской общины, именно, инокъ. Особенно выдѣляются на первый планъ эти хозяйственные интересы и цѣли, преслѣдуемые монастыремъ, въ документахъ, касающихся внутренняго распорядка общины: иноки подписываются, напр.:

— «Тое же Спасскія пустыни вкладчикъ старецъ Матвѣище» ²⁾).

Отсюда: сперва вкладчикъ, а затѣмъ инокъ—старецъ. Иногда братія монастырская называетъ себя вкладчиками монастыря, а затѣмъ уже перечисляетъ, кто изъ этихъ вкладчиковъ инокъ, кто «черный священникъ» и кто вкладчикъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Все это, конечно, говорится не въ упрекъ монастырямъ того времени. Напротивъ, это очень симпатичная черта сѣверныхъ крестьянъ и, кажется, вообще русскаго общества того времени, сохранившаяся и донынѣ, соединиться совершенно искренно подъ

¹⁾ Р. И. Б., т. XIV, № СXXXVI, стр. 347.

²⁾ Р. И. Б., т. XIV, № CLXXIX, стр. 436.

сънью церкви и вообще подъ предлогомъ религознаго общенія и соединять съ этимъ интенсивную хозяйственную дѣятельность, которая казалось бы возможна и безъ покрова церкви и безъ вступленія въ ту или иную религозную общину. Общность интересовъ, высокая цѣль, освящали какъ бы трудъ каждаго лица и удесятерили энергию, такъ какъ среди иноковъ пустыни и вкладчиковъ признавалось, что они трудятся не въ свою пользу, а во имя святаго—покровителя монастыря¹⁾

Съ другой стороны, имѣется, такъ сказать, «экономическое» оправданіе хозяйственной дѣятельности монастырей: дѣло въ томъ, что жизнь не выработала коопераціи «свѣтскаго» характера; правда, имѣлись артели—трудоваыя товарищества, направленные на какую-нибудь отдѣльную *спеціальную* отрасль труда, (напр., артели рыбоолововъ); но они были лишь временный характеръ и не могли удовлетворять тому иному стремленію къ коопераціи, къ общинѣ; которое мы наблюдаемъ на Сѣверѣ въ указанную эпоху. Выбитые изъ колеи непосрѣдственнымъ тягловымъ бременемъ, потерявшіе землю и отчій домъ, неимплаты занятыхъ денегъ, страхомъ ожидавшіе приключенія къ землѣ какого-нибудь вотчинника, или къ землѣ тогдашняго много богатаго монастыря, гдѣ они были пока еще простыми половниками, свободными de jure, арендаторами, сѣверные крестьяне ищетивно искали приуближища въ «общинѣ», гдѣ совмѣстными усиліями, они могли избавиться отъ всѣхъ этихъ грозящихъ золъ. И, дѣйствительно, почти большинство вкладчиковъ состоятъ изъ этихъ обезземеленныхъ крестьянъ, обремененныхъ многочисленной семьей, не знающихъ, куда приклонить голову.

Итакъ, во главѣ монастыря, т. е. высшимъ надзирающимъ и распорядительнымъ органомъ, является черный совѣтъ, состоящій изъ старцевъ-иноковъ и вкладчиковъ. Обыкновенно онъ созы-

¹⁾ Этой чертой характера сѣвернаго крестьянства, обуславливается процваніе Соловецкаго монастыря. Какъ и три вѣка тому назадъ, стекаются богомольцы-работники въ обитель—«мужичье царство», по выраженію В. П. Немпрovichа-Данченка. Въ русскомъ характерѣ нѣтъ той неподвижной, такъ сказать, восточной мистической созерцательности; молитва соединяется съ трудомъ, съ трудовымъ подвигомъ.

зается настоятелемъ монастыря или пустыни, который и предлагаетъ на обсужденіе вопросы, требующіе надлежащаго разрѣшенія со стороны совѣта.

Какъ высшему органу, ему принадлежало:

1. Право выбора настоятеля-строителя или игумена изъ своей среды.¹⁾

2. Принятіе старцевъ и монастырскихъ вкладчиковъ.²⁾

3. Право высшаго надзора и распоряженія всеми монастырскими дѣлами, а именно:

а) Общее наблюденіе за хозяйственной дѣятельностью монастыря; въ виду этого, черному совѣту даютъ отчеты отдѣльные административные органы монастырской общины, завѣдующіе отдѣльными отраслями монастырской хозяйственной дѣятельности: казначей, кувшины, ризничіе, посельничные и т. д.

в) Общее наблюденіе за личнымъ составомъ монастыря; черный совѣтъ дѣлаетъ епископу соответствующія представленія о «немирномъ житіи» какого-нибудь инока или вкладчика, принимаетъ тѣ или иные мѣры для вразумленія ихъ, принимаетъ отчеты настоятеля монастыря, жалуется на послѣдняго епископу и т. д.²⁾

с) Кроме того, черный совѣтъ, быть разумѣется, компетенция во всехъ чисто церковныхъ дѣлахъ; по его рѣшенію приступаютъ къ постройкѣ храма и его благоукрашенію, на что онъ ассигнуетъ изъ монастырской казны потребныя денежныя суммы; устанавливаетъ дни богослуженій, религиозныхъ процессій и т. д.

Настоятелемъ монастыря и, слѣдовательно, приходской церкви является игумень или строитель, избираемый въ чистыхъ монастырскихъ общинахъ изъ числа иноковъ обыкновенно на годъ, а въ монастырскихъ приходахъ назначаемый епархіальною властью безерочно изъ числа кандидатовъ, рекомендуемыхъ приходскими людьми. Строители въ этомъ случаѣ были и казначеями и вообще завѣдывали всею хозяйственной дѣятельностью организуемой монастырской общины.

Не требуетъ разъясненій, что функціи настоятеля въ такихъ

1) Р. И. Б., т. XIV, № CLXXI.

2) Р. И. Б., т. XII, № CLXXVII, стр. 894.

комбинированныхъ единицахъ религіознаго общенія носятъ двойственный характеръ; съ одной стороны—права и обязанности обыкновеннаго приходскаго священника, а съ другой стороны,—права и обязанности настоятеля монастыря, игумена.

Игумена какъ обыкновенный приходскій священникъ, «ходить со всякою потребою» къ своимъ прихожанамъ, совершаетъ всѣ, возможныя для инока и рядового священника, таинства: игумену, какъ и приходскому священнику, община даетъ въ пользованіе земли, даетъ ругу; ¹⁾ весьма возможно, что онъ даже живетъ въ церковномъ домѣ, такъ сказать, въ монастырской общины.

Какъ настоятель монастыря, стронтель, во 1-хъ, непосредственно и единолично распоряжается всѣми хозяйственными отношеніями монастыря:

«и быти ему Гурію въ той пустыни строителемъ и казначеемъ и всякое ему монастырское дѣло вѣдать казна и книги и колокола вѣдать и о всякомъ монастырскомъ дѣлѣ строненіе имѣти и братьями и вкладчиками наряжати, а намъ старцамъ и вкладчикамъ—его слушати во всемъ», ²⁾ говорится въ «выборѣ» одного стронтеля.

Во 2-хъ, имѣеть дисциплинарную власть надъ старцами и вкладчиками. Въ «выборѣ» стронтеля, наир., говорится:

«А будетъ кто въ монастырѣ чинеть не послушати братца и ему стронтелю указъ имѣти и смирать по монастырскому чину безо всякія боязни». ³⁾

По завѣдыванію тѣми дѣлами, гдѣ возможны были злоупотребленія, вольныя или невольныя, со стороны стронтеля, принадлежало черному совѣту. Тотъ же «выборѣ», перечисляющій права и обязанности стронтеля, говоритъ:

«А будетъ, что продать или купить или вкладчика принять или кого на починокъ порядити, или въ деревню послати посельщика, то все дѣлати зъ братцаго совѣта, а безъ совѣту ничего не дѣлати». ⁴⁾

1) Р. II. Б. т. XII, № CCLV. стр. 1217.

2) Р. II. Б. т. XIV № CLXXXIX, стр. 436.

3) Ibid., стр. 436.

4) Ibid., стр. 436.

Наконецъ, строитель является представителемъ монастыря во всѣхъ сношеніяхъ: съ земскими органами самоуправления, съ мірскими людьми и съ епархіальной властью и т. д. Отсюда понятно, что игуменъ является главной связью между приходомъ и монастыремъ, той связью, которая соединяетъ эти двѣ общины въ одно цѣлое.

Что же касается положенія этихъ «черныхъ поповъ» въ приходѣ, то ихъ почетное и авторитетное положеніе въ приходяхъ—несомнѣнно, такъ какъ съ точки зрѣнія мірскихъ людей, они являются подвижниками, просвѣтителями и «строителями» приходскаго храма. Точно также велико значеніе ихъ въ земскомъ самоуправленіи, особенно въ началѣ XVII-го вѣка. Такое же значительное положеніе безсрочныхъ настоятелей было обезпечено и со стороны монастырской братіи; обыкновенно въ чистыхъ монастырскихъ общинахъ власть игумена сильно ограничивалась выборнымъ началомъ и постояннымъ вмѣшательствомъ въ распоряженія монастырскихъ властей. Здѣсь же этого не было. ¹⁾

Что же касается органовъ управленія другой религіозной общины, именно, прихода, то здѣсь на первомъ планѣ стоитъ мірской или приходскій сходъ съ той обширной компетенціей, какую мы наблюдали въ приходяхъ мірскихъ церквей, хотя, нужно отмѣтить, что эти правомочія приходскаго схода совпадаютъ съ правомочіями чернаго совѣта, особенно въ выборѣ строителя или настоятеля всей этой своеобразной единицы религіознаго общенія; такое же совпаденіе компетенцій наблюдается и въ дѣлѣ управленія хозяйствомъ церкви. Очевидно, что всѣ эти вопросы рѣшались органомъ той общины, которая въ данное время обладала большимъ значеніемъ.—чернымъ совѣтомъ или приходскимъ сходомъ. Первоначально приходскій сходъ, какъ хозяинъ храма, естественно, преобладалъ надъ чернымъ совѣтомъ, но затѣмъ, съ усиленіемъ монастырской братіи и съ увеличеніемъ монастырскихъ богатствъ, стало возышаться положеніе представителя монастыря — чернаго совѣта, который могъ диктовать свои

¹⁾ Р. II. Б. т. XII, № CCLXXI, стр. 1356.

рѣшенія мірскимъ людямъ, на томъ основаніи, что мірскіе люди, составивъ приговоръ объ учрежденіи монастыря при своей церкви, тѣмъ самымъ передали ее во владѣніе и распоряженіе послѣдняго.

О компетенціи приходской общины и вышшняго выразителя послѣдней, приходскаго схода, мы не будемъ подробно распространяться. Лишь упомянемъ, что приходскому сходу вмѣстѣ съ правомъ выбора церковнаго старосты принадлежало и право выбора игумена—настоятеля приходской церкви и монастыря; вмѣстѣ съ правомъ распоряженія церковными дѣлами, мірской сходы имѣлъ общій надзоръ и надъ церковнохозяйственными дѣлами, въ силу чего ему отдавали отчетъ церковный староста. Здѣсь мы представили типичный примѣръ компетенціи приходскаго совѣта; начинаются исключенія, превышающія эту типичную компетенцію, или, напротивъ, умаляющія таковую. Въ женскихъ монастыряхъ, на примѣръ, приходскіе люди присвоили себѣ право вмѣшиваться во внутренніи дѣла монастырской общины; имено, въ Спасскомъ Устюжскомъ женскомъ монастырѣ прихожане распорядились монастырской землей, отводили мѣста подъ келіи старицъ; такъ, нѣкая старлица подала архіерейскому челобитую, гдѣ пишетъ:

«Жалоба, государь, миѣ, нищей того-жь монастыря на спасскаго попа и на игуменью Марфу и на всѣхъ Спасскихъ приходскихъ людей въ томъ: въ прошломъ году, государь, они, попъ Кирилль и старосты и приходскіе люди, сломали мою нищую безъ мене, нищей, кельишко своимъ озорничествомъ».

Изъ обстоятельствъ дѣла выясняется, что право отводить землю подъ постройку монастырскихъ келій присвоили Спасскіе приходскіе люди, во главѣ съ церковными старостами, и игуменья на запросъ архіерейскаго суднаго приказа отвѣчаетъ, что, напротивъ, сама старлица неправомѣрно захватила землю, принадлежащую—ей, игуменьи, которая «захватила ее не самовольствомъ, а по отводу Спасскихъ церковныхъ старостъ и всѣхъ приходскихъ людей». Въ томъ же монастырѣ былъ смѣщенъ, по жалобѣ нѣсколькихъ прихожанъ, настоятель церкви; потребовалась челобитная со стороны другой, болѣе многочисленной, части этихъ прихожанъ, чтобы возвратитъ «безвинно-пострадавшаго» настыря;

это изгнание произошло безъ участія монастырскаго совѣта старцевъ.¹⁾

Что же касается другого органа религиозной общины, церковнаго старосты, то объемъ полномочій и здѣсь, въ монастыряхъ-приходахъ, совершенно одинаковъ съ полномочіями, наблюдаемыми нами въ приходахъ мірскихъ церквей. Церковный староста и здѣсь являлся представителемъ общины предъ епархіальной властью и предъ монастырской администраціей. Значеніе церковнаго старосты, весьма крупное и въ приходахъ мірскихъ церквей, здѣсь, въ монастыряхъ-приходахъ, еще болѣе увеличивалось по той причинѣ, что въ то время, какъ въ приходахъ мірскихъ церквей почти каждый вопросъ требовалъ предварительнаго обсужденія въ приходскомъ сходѣ, здѣсь этого не могло быть, въ виду значенія настоятеля и чернаго совѣта монастырскаго общины. Церковный староста являлся какъ бы единоличнымъ представителемъ приходской общины, выразителемъ ея мнѣній и пожеланій. Весьма возможно, что церковный староста по вопросамъ, касающимся исключительно религиозной общины, входилъ съ предложеніями въ черныи совѣтъ и совместно принималъ тѣ или иные рѣшенія. Мы даже имѣемъ примѣръ, когда церковные старосты Пыединской пустыни послали челобитную къ архіепископу Александру о назначеніи въ эту пустыню игумена-настоятеля²⁾.

Далѣе, староста завѣдывалъ церковнымъ хозяйствомъ. Въ этомъ случаѣ его компетенція никѣмъ не стѣснялась и совершенно одинакова съ компетенціей старосты въ приходахъ мірскихъ церквей: хотя церковныя земли здѣсь и поступаютъ въ собственность монастырскаго общины, которая совершенно самостоятельно распоряжается ею,³⁾ но въ первое время, когда братія только лишь собирается а монастырская община организуется, церковными вотчинами безусловно распоряжается міръ съ церковными старостами во главѣ. Съ другой стороны, мы иногда на-

¹⁾ Р. II. Б. т. XII, № CCLXII.

²⁾ Р. II. Б. т. XII, № CLI, стр. 636—644.

³⁾ Р. II. Б. т. XII, стр. 1305;

⁴⁾ Р. II. Б. т. XII, стр. 1227.

блюдаемъ отдѣленіе церковныхъ вотчинъ отъ монастырскихъ въ нѣкоторыхъ приходахъ-монастыряхъ. Такъ, пожалованныя вотчины «на поминъ души» всегда считались церковными, и доходы съ нихъ шли на украшеніе храма и на вознагражденіе причта за поминовеніе. Напр., когда церковный староста Архангельскаго монастыря въ г. Яренскѣ принялъ жалованную деревню на поминъ души, то жертвователю говорилъ въ данной:

«А ему церковному старостѣ, Ивану Гуляеву, и кто впредь отъ тѣхъ церквей старостами будетъ, назирать, чтобы отцу моему и матери и родственникамъ безъ поминовенія не быть»¹⁾.

Иногда церковные старосты распоряжались и монастырскими вотчинами: поряжали половниковъ, получали деньги и отдавали отчетъ въ управленіи настоятелю монастыря или же черному совѣту. Такъ обстоило дѣло въ женскихъ монастыряхъ, напримѣръ, въ Спасскомъ Устюжскомъ монастырѣ²⁾.

Церковные старосты обыкновенно избирались приходскою общиной и, представителемъ послѣдней, мірскимъ сходомъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ монастырь оказывался подъ вліяніемъ нѣсколькихъ міровъ, которые, быть можетъ, и имѣли одну или нѣсколько приходскихъ церквей, но обычай избранія церковныхъ старостъ къ этому монастырю, бывшему приходу, сохранили. Такъ дѣло обстоило съ Николаевскимъ монастыремъ, которому, по жалованной грамотѣ царя Осдора Алексѣевича, было даровано право избирать четырьмя волостями Калѣйскаго стана одного церковнаго старосту для завѣдыванія церковной казны, по челобитной самой монастырской братіи³⁾.

3.

Монастырь-приходъ, какъ упомянуто, есть отношеніе временное и, какъ таковое, оно всегда прекращалось, при наступленіи антагонизма между двумя общинами, монастырь-приходъ составляющими; причинами этого распадена являлись: ростъ монастыр-

1) Р. И. Б. т. XII, № СХХVIII, стр. 521.

2) Р. И. Б. т. XIV, № LXV, стр. 1120.

3) Р. И. Б. т. XII, № XXIII, стр. 82.

скихъ вотчинъ, выдѣленіе послѣднихъ изъ волостныхъ мірскихъ земель, неучастіе въ мірской раскладкѣ податей и сборовъ и вообще неучастіе въ земскихъ организаціяхъ. Этимъ было нарушено мирное сожителство монастырей съ мірами и то довѣріе, которымъ монастыри пользовались ¹⁾).

Какъ извѣстно, монастыри на Сѣверѣ въ указываемую эпоху были или черно-тяглыми, основанными на «черной» землѣ, на той землѣ, которая принадлежала сѣвернымъ крестьянамъ и которую монастырскія общины пріобрѣтали у крестьянъ, или монастырями бѣлыхъ земель, освобожденныхъ отъ тягла; эти монастыри, обыкновенно, назывались властелинскими или верховскими (Соловецкій и Сійскій).

Нѣтъ сомнѣнія, что преобладающее количество монастырей относилось къ первому разряду, т. е. они были въ большинствѣ случаевъ черно-тяглыми. Какъ извѣстно, черно-тяглыя земли, считаясь собственностью московскаго государя, находились лишь въ пользованіи и распоряженіи черно-тяглыхъ міровъ; слѣдовательно, для образованія монастыря требовалось разрѣшеніе міра, или же возмездное пріобрѣтеніе ихъ отъ черно-тяглыхъ обывателей. Передача черныхъ деревень во владѣніе монастыря не освобождало послѣдняго отъ тягла и, соединеннаго съ нимъ, участія въ мірскомъ и земскомъ самоуправленіи; и, нужно замѣтить, что сначала монастыри принимали дѣятельное участіе въ общественной дѣятельности, особенно подъ вліяніемъ патріотическаго подъема, охватившаго все русское общество въ послѣднее время. И къ монастырямъ мірскіе люди первоначально относились благожелательно, жертвовали земли, угодія, вносили вклады «на поминъ души» и т. д. Такимъ образомъ, существованіе сѣверныхъ монастырей было вполне обезпечено, обезпечена была ихъ просвѣтительная и благотворительная дѣятельность. Но монастыри весьма скоро вышли изъ границъ, поставленныхъ ими цѣлей, подъ вліяніемъ мірскаго элемента—вкладчиковъ: они занялись коммерческими дѣлами и дѣятельно торговали продуктами своего производства. Они продавали десятки тысячъ пудовъ соли, являясь крупными поставщиками этого продукта, драгоцѣннаго по тому вре-

¹⁾ Богословскій, т. I, стр. 232—234.

мени, на Московскій рынокъ, однимъ словомъ они превратились, въ обыкновенныя коммерческія предпріятія. Весьма успѣшно шла и покупка или скупка монастырями деревень, вотчинъ, угодій, промысловъ, напр., тонь и наварницъ, подъ вліяніемъ, крестьянскаго оскуденія и экономическаго кризиса въ XVII в. Монастырями были командированы во всѣ вотчины или клочки своихъ владѣній старцы или вкладчики, тамъ постоянно жившіе и скупавшіе, предложенныя крестьянамъ, земли. Первоначально эти экономическіе агенты монастыря вкупались въ какую-нибудь долю земельного участка или промысла, напр., приобрѣтали $\frac{1}{6}$ часть деревни или $\frac{1}{12}$ часть содовой варницы, и сильныя поддержкой богатой корпораціи, которая стояла за ихъ спиной, они распространяли свое вліяніе на всю хозяйственную единицу, и ее, въ концѣ концовъ, приобрѣтали; обыкновенно въ этомъ процессѣ обезземеленія играла роль задолженность старцу—представителю монастыря остальныхъ складчиковъ, такъ какъ этому приобрѣтенію, всегда предшествовалъ заемъ, обезпеченный залогомъ известной части деревни или промысла. Характерно, что это приобрѣтеніе совершалось безъ всякой опредѣленной системы, напр., хотя бы для округленія своихъ владѣній; это приобрѣтательное движеніе шло разными путями въ сторону наименьшаго сопротивленія могущественнымъ экономическимъ силамъ; отсюда, монастырскія вотчины были до крайности разбросаны ¹⁾. Напр., въ одной деревнѣ находилось во владѣніи монастыря $\frac{1}{5}$, а въ другой $\frac{1}{10}$, въ той же деревнѣ $\frac{2}{3}$ принадлежало другому, конкурирующему по скупкѣ крестьянскихъ земель, монастырю, вмѣстѣ съ крестьянами, участвовавшими отъ этого ноголовнаго обезземеленія.

Съ увеличеніемъ вотчинъ мѣнялось отношеніе монастырей и къ земскому самоуправленію: монастыри стремились къ самостоятельному внесенію податей и сборовъ, обращаясь къ правительству съ челобитными, гдѣ просили разрѣшить имъ писать вотчины «особь статьяй». Правительство, напуганное ростомъ монастырскихъ вотчинъ, съ неохотой разрѣшало нѣкоторымъ монастырямъ писаться «особь статьяй», что давало право самостоятельнаго несенія тяглового бремени; большею же частью предо-

1) Р. Н. Б. т. XIV, № СХХV, стр. 250—323.

ставляло право соединяться въ «складство», т. е. въ тягловой союзъ, и приказывало выдавать писцамъ общую сотную. Этимъ податнымъ послабленіемъ монастыри охотно и пользовались, что особенно возбудило непріязнь земскихъ организацій; монастыри стали отказываться отъ участія въ земской дѣятельности, а мірскіе люди, пользуясь этимъ, разлагали подати и сборы неравномѣрно. Отсюда рядъ процессовъ между монастырями и земскими организаціями, что повело къ явному недоброжелательству мірскихъ людей къ монастырямъ.

Къ концу XVII в. вѣковая борьба между крестьянствомъ и монастырями закончилась, но осталось непріязненное чувство, которое проглядывало во всѣхъ сношеніяхъ міровъ съ монастырями. Этотъ экономическій антагонизмъ, естественно, много вліялъ и на единеніе приходскихъ общинъ съ монастырями: весьма естественно, что міры, которые приютили монастырскія общины, въ этомъ быстро раскисались, что видно хотя бы изъ образа дѣйствій Сысольскихъ волостей. Все Сысольское земство просило архіепископа объ отозваніи отъ приходской церкви, назначеннаго, согласно прежней челобитной, и приступившаго къ дѣятельности, строителя монастыря, мотивируя бѣдностью церковныхъ вотчинъ, принадлежностью этихъ храмовъ къ земскимъ и т. д. ¹⁾ Въ этихъ отговорахъ явствуется недоброжелательство земства и черныхъ волостей къ монастырю, исполнителному органу обезземленія.

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, стр. 1217.

ГЛАВА V.

Приходъ-уѣздъ.

Уѣздное земское общество и автономія приходовъ. Земскія церкви. Уѣздъ-приходъ и епархіальная власть. Соборныя и ружныя церкви. Постройка соборныхъ и ружныхъ церквей. Завѣдываніе соборными церквами. Соборъ въ Великокъ-Устюгъ. Соборы въ другихъ сѣверныхъ городахъ. Роль земства и все уѣздная земская церковная организація. Привилегіи соборныхъ церквей и соборнаго причта. Заключение.

1.

Нами уже было указано, что приходскій строй мірскихъ церквей, съ его автономіей, былъ для мірскихъ людей—идеаломъ. И мало по малу, сталъ развиваться взглядъ, что приходская автономія есть часть земскаго самоуправленія, или, по крайней мѣрѣ,—необходимое слѣдствіе; этотъ взглядъ былъ логиченъ и вытекалъ изъ инстинктивнаго представленія о мірѣ, какъ публично-правовомъ союзѣ, направленномъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей, въ томъ числѣ и религіозныхъ; и отступленіе отъ этихъ принциповъ было невозможно для сѣверныхъ мірскихъ людей по своей инициативѣ: отдѣленіе религіозной общины отъ міра могло произойти только подъ вѣншимъ воздѣйствіемъ церковной или государственной власти.

Съ другой стороны, не смотря на хроническое стремленіе сѣверныхъ міровъ къ обособленію, къ «дифференціаціи», все же, при внимательномъ изученіи мірской жизни на Сѣверѣ, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что уѣздное земство не было простой федераціей мелкихъ земскихъ единицъ, связанныхъ лишь единствомъ всеуѣздной организаціи, готовыхъ ежечастью отпасть и «тянуть» къ иному уѣздному центру. Уѣздное земство, напротивъ, было настоящимъ общественнымъ организмомъ и, образно

выражаясь, представляло собой «большой міръ», въ сознаниі земскаго общества. Отчасти на такое настроеніе земскаго общества повліяли и историческія воспоминанія; какъ выше упомянуто, до образованія волостей, становъ и т. д., словомъ, опредѣленныхъ по своимъ границамъ, податныхъ общинъ, уѣздъ былъ сосредоточеніемъ всеі земской жизни: тамъ раскладывались волостными представителями подати и сборы, а уѣздный староста былъ официально признаннымъ сборщикомъ и казначеемъ, былъ единственнымъ представителемъ земской организаціи. Лишь послѣ образованія податныхъ общинъ раздробился уѣздный міръ, но представленіе объ уѣздѣ, какъ податной общинѣ, опредѣленной по своимъ границамъ и организаціи, сохранилось и впослѣдствіи поддерживалось. На почвѣ этого представленія объ единомъ, органически связанномъ мірѣ, и на почвѣ тѣснаго соединенія земскихъ и церковныхъ дѣлъ въ одно цѣлое, образовалась въ каждомъ уѣздѣ особая земская религіозная община, особенность Сѣвернаго края, которую трудно подвести подъ какой-нибудь видъ церковно-общественныхъ или церковно-административныхъ организацій. Она не была приходомъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, не была и церковно-административнымъ округомъ: въ ней комбинировались черты обѣихъ организацій. «Это былъ приходъ-уѣздъ, приходъ высшаго порядка, соответствующій земскому всеуѣздному міру», говоритъ проф. Богословскій, обратившій вниманіе на всеуѣздную церковную связь ¹⁾. Этотъ всеуѣздный приходъ объединялъ все эти разрозненные, все эти «удаленные» другъ отъ друга часовенные, мірскихъ и вотчинниковыхъ церквей приходы и приходы-монастыри, однимъ словомъ, все автономныя проявленія церковно-общественной жизни въ одно цѣлое.

Приходъ-уѣздъ, по терминологіи, предложенной проф. Богословскимъ ²⁾, образовался самостоятельно: на его образованіе не вліяли ни епархіальная, ни высшая церковная власть; онъ не былъ регламентированъ ею, какъ и другая особенность Сѣвера—часовенные приходы, и не носилъ особаго наименованія со стороны

¹⁾ М. Богословскій, т. II, стр. 47.

²⁾ Ibid., стр. 47.

тогдашняго общества: но, нужно замѣтить, что это церковно-общественное соотношение чувствуется во всѣхъ сторонахъ сѣверной церковной жизни; оно сознается самими мирскими людьми и представителями земскаго самоуправления, хотя и невозможно съ точностью опредѣлить, въ какихъ вышнихъ формахъ проявляется это всеуздное церковное общеніе; очевидно, что кромѣ представления о земскихъ церквяхъ, сущность котораго мы рассмотримъ ниже, имѣвшаго важныя практическія послѣдствія, церковно-уздное общеніе ни въ какихъ иныхъ вышнихъ формахъ не проявлялось, да и трудно вообразить таковое, въ виду «удаленности» отдѣльныхъ приходоѡвъ отъ уѣзда. Повидимому, сѣверное земское общество лишь сознавало свою уѣздную религіозную общность и выражало ее тѣмъ или инымъ способомъ. Это было инстинктивнымъ объединеніемъ мирскихъ людей, отвѣтомъ на свою оторванность отъ средоточія епархіальной церковной власти и яснымъ признакомъ живой самодѣтельности земскаго общества.

Но нужно замѣтить, что это земское самосознаніе не достигло того развитія, чтобы создать болѣе опредѣленную организацію, какую-нибудь «земскую церковь», съ особыми отношеніями къ государственной; былъ взятъ примѣръ уже съ существующей религіозной общины—прихода, и, по образцу послѣдняго, было построено представление о всеуздной религіозной общинѣ. Какъ и всякій «приходь», уѣздная религіозная община имѣла свой храмъ—соборную церковь уѣзднаго города, которая въ этомъ случаѣ являлась вышней выразительницей всеуздной религіозной общности, а населеніе уѣзда составляло приходъ соборнаго храма. Подобно обыкновенному приходу и уѣздъ-приходъ имѣлъ приходскій причтъ, именно, причтъ соборнаго храма, съ соборнымъ протопопомъ во главѣ.

Но на это объединеніе религіозныхъ общинъ въ одинъ приходъ-уѣздъ повліяло еще и другое обстоятельство. Дѣло въ томъ, что въ указанную эпоху на Сѣверѣ не было опредѣленнаго по своимъ границамъ, церковно-административнаго округа, съ опредѣленной компетенціей окружныхъ органовъ. Огромныя Новгородская и Ростовская епархіи, занимавшія половину всей тогдашней Руси, состояли не изъ церковно-административныхъ округоѡвъ а изъ совокупности, отдѣльныхъ, автономныхъ религіозныхъ

общинъ, не имѣвшихъ, строго говоря, никакой связи между собою. Правда, имѣлись намѣстничьи и десятильничьи округа, но они представляли собою скорѣе церковно-финансовые округа, нежели «благочинія» современнаго церковнаго права, а намѣстники и десятильщики, свѣтскіе чиновники Софійскаго Дома, называемые «Синедріономъ» лучшими представителями тогдашняго духовенства, были «мытарями»—сборщиками, нежели церковно-административными органами. ¹⁾

Постановленіе Стоглаваго собора о введеніи института поповскихъ старостъ въ Россійскихъ епархіяхъ, по образцу Псковской церкви, мало повліяло на возникновеніе церковно-административныхъ округовъ, такъ какъ и эти поповскіе старосты (до учрежденія Сѣверныхъ епархій) исполняли тоже, главнымъ образомъ, обязанности сборщиковъ ²⁾. Поэтому, не смотря на всѣ мѣропріятія церковной власти, мы наблюдаемъ полнѣйшую децентрализацию церковно-окружныхъ учреждений. Существовалъ округъ заказчиковъ духовныхъ дѣлъ, существовалъ особый благочинническій округъ, однимъ словомъ, цѣлый рядъ округовъ, выполнявшихъ лишь одну *спеціальную* функцію по церковному управленію; такимъ образомъ, не было сосредоточія окружной церковной администраціи въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ.

Когда же епархіальная власть, не имѣвшая возможности организовать церковно-окружное управленіе, съ концентрированными функціями церковно-окружныхъ органовъ, увидѣла, что религіозныя общины почувствовали необходимость въ земской церковной связи и инстинктивно образовали приходъ-уѣздъ, то постаралась примѣнить его для церковнаго управленія.

Мы уже упомянули, что приходъ-уѣздъ объединялся вокругъ соборовъ. И епархіальная власть обратила вниманіе на соборы, какъ учрежденія, могущія связать религіозныя общины въ одно цѣлое въ предѣлахъ каждаго сѣвернаго уѣзда. Въ

¹⁾ Каптеревъ. Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси, стр. 14. Суворовъ. Курсы церковнаго права, т. I, стр. 123.

²⁾ Введеніе института поповскихъ старостъ въ Новгородской митрополіи было произведено митр. Макаріемъ въ 1623 г., а въ патріаршей области не ранѣе 1674 г. См. Верюжскій, стр. 51.

этомъ взглядѣ на соборы и земскій міръ и епархіальная власть были единодушны; но между ними существовало крупное различіе въ другомъ отношеніи: именно, тогда какъ земское общество считало соборныя церкви и приходъ-уѣздъ учрежденіями, лишь только представлявшими уѣздную религіозную общину и «земскія» церкви, епархіальная власть смотрѣла на уѣздъ, какъ на церковно-административный округъ, а соборныя церкви считала учрежденіями епархіальными, подлежащими своему непосредственному управленію, превративъ соборную братію въ органы церковно-окружного управленія—*ex officio*.

Отсюда проистекаетъ двойственное положеніе соборныхъ церквей: съ одной стороны, онѣ считались учрежденіями земскими, а, съ другой стороны, епархіальными; что, конечно, отразилось и на порядкѣ ихъ управленія, въ которомъ наблюдается цѣлый рядъ колебаній: въ управленіи однихъ церквей принимало дѣятельное участіе земство, а въ управленіи другихъ—епархіальная власть, съ постояннымъ и мелочнымъ вмѣшательствомъ архіепископа въ соборныя дѣла.

Кромѣ соборныхъ церквей, въ каждомъ уѣздномъ городѣ существовали еще церкви, называемыя ружными. Какъ само названіе показываетъ, церкви этого рода получали ругу, существенныя черты которой мы разсмотримъ ниже. Онѣ тоже считались «земскими храмами» и выражали всеуѣздное церковное единство. Ружныя церкви не представляли собою особенности Сѣвернаго края: онѣ встрѣчались и въ Новгородѣ ¹⁾, гдѣ подъ ними подразумѣвались церкви, находяціяся на содержаніи и иждивеніи князя, т. е. княжескія ктиторіи, и въ Нсковѣ ²⁾, гдѣ назывались ружными тѣ церкви, къ которымъ приписывались вотчины, принадлежавшія городу, и, наконецъ въ Москвѣ и Замосковскомъ краѣ, гдѣ ругу получали нѣкоторыя церкви отъ щедротъ государя ³⁾.

Но руга, выдаваемая земствомъ, есть типичнѣйшее на Сѣверѣ явленіе; отсюда проистекаетъ рядъ другихъ особенностей,

¹⁾ Никитскій, стр. 34.

²⁾ А. П. т. V, № 122.

³⁾ Голубинскій, т. I, пол. I-ая, стр. 475.

отразившихся на строѣ этихъ церквей, въ силу чего сѣверныя ружныя церкви нельзя отождествлять съ ружными церквами другихъ русскихъ областей, напр., Новгородѣ или Пскова; ихъ всего цѣлесообразнѣе привести въ связь съ соборными церквами, съ которыми онѣ имѣли много общаго въ управленіи.

Наконецъ, говоря о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя выражали всеуѣздное церковное единство, нельзя не упомянуть о земской богадѣльнѣ въ Великомъ Устюгѣ и, вѣроятно, въ другихъ сѣверныхъ городахъ, съ земскою церковью при ней.

Мы не находимъ возможнымъ разсматривать уѣздъ, какъ церковно административный округъ, и обыкновенную приходскую общину, группирующуюся при каждой соборной церкви; она закрывалась болѣе обширной и болѣе интересной, въ церковно-историческомъ отношеніи—всеуѣздной церковной общиной, уѣздомъ-приходомъ, къ разсмотрѣнію коего мы здѣсь и приступимъ.

Какъ указано, уѣздное церковное единство выражалось особыми отношеніями къ соборнымъ церквамъ, напоминающими приходскія. Подобно прихожанамъ-волоцанамъ въ обыкновенныхъ приходсахъ, земство принимало дѣятельное участіе и при постройкѣ и въ дѣлѣ управленія соборными церквами.

Участіе земскаго общества въ постройкѣ соборныхъ церквей выражалось въ томъ, что оно давало необходимыя для постройки средства и что ему принадлежалъ общій надзоръ за этой постройкой и контроль за строителями. И епархіальная власть признавала, что постройка соборнаго храма принадлежитъ не приходу собора, ни городу, гдѣ онъ находится, а всему уѣздному обществу. Такъ, архіепископъ Ростовскій Пикаандръ пишетъ въ своей благословенной грамотѣ о постройкѣ каменной соборной церкви въ Великомъ Устюгѣ:

«Благословеніе преосвященнаго Пикаандра на Устюгѣ архимандриту Іеву, протопопу Феодосію съ братьями, и царя и великаго князя дѣтемъ боярскимъ, и бѣгоулямъ, и гостемъ, и цѣловальникамъ земскимъ, и священникамъ, и дьяконамъ градскимъ, и посадскимъ, и становымъ, и околоторднымъ, и старостамъ, и сотскимъ, и десятекимъ, и торговымъ людямъ, лучшимъ, среднимъ и младшимъ людямъ, и всей земли Устюжеской, чтобы на

то церковное дѣло потицались вседушевно и лѣсъ и камень и глину съ земель своихъ давали ¹⁾).

Матеріальныя пожертвованія были, главнымъ образомъ, добровольными. По грамотамъ архіепископовъ жертвовали, «какъ Богъ вразумитъ», ²⁾ отдѣльные лица, жертвовали міры, посадки, и т. д. Но земское общество не ограничивалось этимъ; иногда, въ виду слабаго притока, нужныхъ для постройки, денегъ, оно устанавливало рядъ натуральныхъ повинностей для ближайшихъ къ городу міронъ и рядъ денежныхъ сборовъ для отдаленныхъ. Такъ, напр., при постройкѣ Устюжской соборной церкви, крестьяне-домовыхъ архіепископскихъ вотчинъ были обложены натуральной повинностью: они должны были построить кирпичный заводъ и доставлять кирпичъ и лѣсные матеріалы въ Устюгъ. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ (трети) все міры были обложены сборомъ по 2 деньги съ обжа, которыя раскладывались и собирались, какъ и прочіе земскіе и государственные подати и сборы ³⁾. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ пожертвованія носили принудительный характеръ и имѣли много общаго со сборомъ «на городское дѣло».

Съ другой стороны, кромѣ непосредственныхъ пожертвованій, добровольныхъ или «окладныхъ», земское общество озабочивалось пріисканіемъ денегъ, нужныхъ для постройки соборной церкви. Оно обращалось къ государю о вспоможеніи, хлопотало о содѣйствіи предъ правительственными учрежденіями, какъ, напр., Устюжское земство ходатайствовало о скорѣйшемъ утвержденіи въ правѣ наследованія имущества нѣкоей старицы Улиты Босыхъ, отказавшей по завѣщанію свое имущество на постройку соборной церкви Великаго Устюга ⁴⁾. Въ томъ же случаѣ, когда собранныхъ денегъ все же нехватало, или же смѣта почему либо увеличивалась, то уѣздное земство иногда рѣшало сдѣлать заемъ. Такъ устюжане составили приговоръ слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, № II, стр. 125.

²⁾ Ibid., стр. 125.

³⁾ Р. И. Б. т. XII, № III, стр. 127.

⁴⁾ Р. И. Б. т. XIV, № СLXXXVIII, стр. 450.

⁵⁾ Р. И. Б. т. XII, № LXXV, стр. 324; № LXXVI, стр. 330.

«Устюга Великаго посаду земскіе старосты, и пѣловальники, и монастыри, и гостпныя сотни, и посадскіе лучшіе, и середніе, и молодчіе люди, и Устюжскаго уѣзда третчики, и волостные крестьяне приговорили и приговоръ тому за руками дали, чтобы намъ... на дострой соборныя каменныя церкви занять въ кабалу до срока серебряныхъ чотыреста рублевъ денегъ» ¹⁾.

Что же касается вопроса о непосредственномъ завѣдываніи постройкой, то она принадлежала или церковному старостѣ, или соборному протопопу съ братією, или же, наконецъ, архіепископскимъ приказнымъ, его уполномоченнымъ, напр., архимандритамъ. Все это, разумѣется, зависѣло отъ порядка управления соборными церквами: тамъ, гдѣ завѣдываніе хозяйственными дѣлами находилось въ рукахъ соборной братіи, то и въ постройкѣ собора они принимали дѣятельное участіе, а тамъ, гдѣ нѣ дѣлѣ управленія соборными дѣлами имѣло значеніе земство, то и постройка собора производилась церковнымъ или всеуѣзднымъ церковнымъ старостой.

Но надзоръ за постройкой соборныхъ храмовъ повсюду принадлежалъ земскому обществу. Когда оно замѣчало какія-нибудь злоупотребленія со стороны завѣдующихъ, то немедленно обращалось къ епархіальной власти съ жалобами. Такъ, напримѣръ, Устюжское земство жаловалось на архіерейскихъ приказныхъ— архимандрита и дѣтей боярскихъ, расхитившихъ деньги, собранныя земствомъ для постройки собора въ В. Устюгѣ ²⁾. Когда же епархіальная власть не обращала вниманія на земскія челобитныя, то земское общество отвѣчало прекращеніемъ пожертвованій. Такъ, напр., было въ Шенкурскѣ ³⁾, гдѣ послѣ того, какъ земскіе люди, по реформамъ преосвященнаго Аонасія, были устранены отъ церковныхъ дѣлъ, «окладныя» пожертвованія на постройку и украшеніе храма перестали собираться, и соборному протопопу пришлось обратиться къ преосвященному Аонасію, чтобы онъ разрѣшилъ изъ среды земскаго общества выбрать всеуѣзднаго церковнаго старосту, при которомъ эти сборы могли бы собираться успѣшнѣе.

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, стр. 382.

²⁾ Р. И. Б. т. XII, № LXXV, стр. 35.

³⁾ Р. И. Б. т. XIV, № ССIII, стр. 501—502.

Что же касается вопроса объ управленіи соборнымъ хозяйствомъ и вообще завѣдованія соборными дѣлами, то здѣсь, какъ указано, замѣчается существованіе двухъ порядковъ: въ однихъ городахъ завѣдуетъ соборный причтъ, а въ другихъ—церковный староста, избираемый всеуѣзднымъ земскимъ обществомъ; но при этомъ нужно имѣть въ виду, что міряне—прихожане соборныхъ и ружныхъ церквей ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не играли роли въ дѣлѣ управленія своихъ приходскихъ церквей.

Порядокъ, такъ сказать, «клирикальный» издавна существовалъ въ В. Устюгѣ, и существованіе его легко объяснимо, если принять во вниманіе то обстоятельство, что Великій Устюгъ, древній и наиболее крупный городъ, основанный и развившійся до дарованія земскаго самоуправленія Сѣверному краю, давно обратилъ на себя вниманіе, какъ центръ мѣстной церковной жизни, чѣмъ и вызвалъ нѣкоторыя мѣропріятія епархіальной власти, имѣвшія цѣлью закрѣпить значеніе за нимъ, какъ центромъ церковно-административнаго округа. Другіе же сѣверные города, какъ, напр., Шенкурскъ, Архангельскъ, Тотьма и т. д., развились въ эпоху земскаго самоуправления, и въ дѣлѣ созданія ихъ принимали дѣятельное участіе земскій міръ, почему мы и замѣчаемъ усиленное вліяніе земскаго общества на управленіе соборныхъ и ружныхъ церквей.

Во главѣ Великоустюжскаго собора находился братскій совѣтъ, состоявшій изъ соборныхъ священнослужителей, и, вѣроятно, созываемый протопопомъ, подъ его предсѣдательствомъ. Братскому совѣту принадлежала высшая надзирающая и распорядительная власть; такъ онъ имѣлъ право рекомендаціи кандидатамъ въ члены братіи, и распорядился соборнымъ имуществомъ¹⁾; съ разрѣшенія совѣта, отдавались половинкамъ соборныя вотчины, отдавались деревни въ пользованіе причта, отдавались деньги изъ соборной казны подъ кабалу и въ ссуду²⁾; совѣту же отдавали отчетъ протопопъ и ключарь³⁾.

1) Р. И. Б. т. XII, № XXX; № XXXII, стр. 190, 193 и т. д.

2) Р. И. Б. т. XII, № СII, стр. 434.

3) Р. И. Б. т. XII, № XIX, стр. 164; № XXV, стр. 181.

Этимъ ограничивались непосредственныя функціи совѣта соборной братіи, какъ высшаго надзирающаго и распорядительнаго органа соборнаго управления. Во всѣхъ другихъ спеціальныхъ отрасляхъ соборнаго хозяйства играютъ роль соборный протопопъ, ключарь и протодьяконъ. Соборному протопопу, разумѣется, принадлежала настоятельская власть надъ прочими членами причта; онъ считался представителемъ соборной церкви и представителемъ соборнаго и городекаго духовенства. Сфера дѣятельности каждаго изъ выше указанныхъ членовъ причта обыкновенно очерчивалась въ особой инструкціи—совѣтной и уложенной грамотѣ ¹⁾, съ благословенія и утвержденія архіепископа ²⁾.

Въ другихъ же сѣверныхъ городахъ, напр., въ Шенкурскѣ, Холмогорахъ, Тотмѣ и т. д., соборное хозяйство находилось подъ вѣденіемъ церковнаго старосты.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе аналогію приходоуѣзда съ обыкновеннымъ приходомъ, староста соборныхъ церквей или же соборная братія исполняли обязанности обыкновеннаго церковнаго старосты. Естественно думать поэтому, что земское общество считало, согласно этой же аналогіи, что оно представляетъ собою міръ—совокупность прихожанъ, со всѣми вышеуказанными правомочіями. И дѣйствительно, оно усвоило высшую распорядительную и надзирающую власть надъ соборными церквами, подобно прихожанамъ-волоцанамъ въ обыкновенныхъ приходоуѣздахъ. Хотя эта власть не доразвилась до всеуѣздной церковной автономіи, въ виду, указанного выше, вмѣшательства архіепископа въ соборныя дѣла, однако приближалась къ ней, что доказывается возникновеніемъ представленія о «земскихъ храмахъ», которые, по мнѣнію земскихъ представителей и мірскихъ людей, должны быть автономными, а въ нѣкоторыхъ же отдаленныхъ уѣздахъ, третьихъ и четвертыхъ, съ новооснованными городами въ центрѣ, какъ, напр., въ Шенкурскѣ, Яренскѣ и т. д., развилась настоящая

¹⁾ Р. II. Б. т. XII, № XXV, стр. 181.

²⁾ Вообще веденіе соборнаго хозяйства въ В. Устюгѣ находилось подъ ближайшимъ надзоромъ архіепископа. Архіепископы ростовскіе постоянно вмѣшались въ соборныя дѣла, отмѣняли приговоры соборной братіи; такъ, напр., однажды было отказано пономарю отъ мѣста, пославъ указъ о выдачѣ вспомошествованія соборной просвирѣ и т. д.

земская церковная автономія съ тѣми существенными чертами, которыя мы наблюдали въ обыкновенныхъ приходахъ.

1. Подобно прихожанамъ-волоцанамъ, земское общество избирало соборный причтъ. Въ большинствѣ уѣздовъ мы не видимъ того найма причта, который имѣлъ мѣсто въ приходахъ мірскихъ церквей. Чаше всего земское общество избираетъ кандидата и обращается съ челобитной къ архіепископу объ утвержденіи избраннаго кандидата. Именно, такую практику мы наблюдаемъ въ Великому Устюгѣ, Тотмѣ и въ другихъ сѣверныхъ городахъ, гдѣ земскіе представители представляли кандидата въ соборные протопопы. 1) Но въ тѣхъ отдаленныхъ центрахъ, гдѣ развилась земская церковная автономія, мы наблюдаемъ типичный на Сѣверѣ обычай найма соборнаго причта; такъ, напр., было въ Шенкурской четверти, гдѣ причтъ избирался безъ всякаго утвержденія архіепископа; до насъ, именно, дошелъ очень интересный приговоръ объ избраніи священника въ Шенкурскій соборъ, который представляетъ собою простую «порядную», такъ типичную въ практикѣ обыкновенныхъ приходскихъ общинъ. Характерно также и то обстоятельство, что въ Шенкурскѣ причтъ избирался не только земскимъ совѣтомъ или земскими представителями, а всемъ земскимъ обществомъ, присутствовавшими прихожанами всехъ приходовъ и міровъ, входящихъ въ составъ Шенкурской четверти, такъ что подъ «излюбомъ» подписались все церковные старосты, четвертной староста, крестьяне Шенкурскаго стана и прихожане каждаго прихода. 2)

Далѣе подобно прихожанамъ-волоцанамъ, земское общество избирало и старосту къ соборнымъ и ружнымъ церквямъ (за исключеніемъ В. Устюга).

Съ другой стороны, земскому обществу, подобно міру въ обыкновенныхъ приходскихъ общинахъ, принадлежала высшая надзирающая власть надъ соборными дѣлами, а въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ развилась земская автономія, и высшая распорядительная власть.

Несомнѣнно, что все хозяйственное управленіе находилось

1) Р. II. Б. т. XII, № CLXXXI, стр. 860.

2) Р. II. Б. т. XIV, № CLXXIV, стр. 420.

подъ земскимъ контролемъ и надзоромъ. Земское общество избирало особыхъ «счетчиковъ», для «счета» и провѣрки хозяйствен-ной дѣятельности соборныхъ старостъ и приказчиковъ, какъ, напр., въ Холмогорахъ. Эти счетчики, какъ и церковные старосты, отдавали отчетъ земскимъ представителямъ. Въ другихъ же городахъ, какъ, напр., въ Пенкурскѣ, земское общество принимало участіе въ распоряженіи церковными имуществами; такъ оно обратилось, напимѣрь, съ челобитной къ государю о привискѣ къ собору пустыхъ земель. ¹⁾

Подъ земскимъ надзоромъ находился и причтъ соборныхъ и ружныхъ церквей; земское общество, въ томъ случаѣ, когда соборный причтъ велъ несоотвѣтствующимъ сану образомъ, посылалъ челобитную къ архіепископу, гдѣ просилъ уволить провинившагося священнослужителя. Уже послѣ архіепископскихъ реформъ, подорвавшихъ значеніе земскаго общества, Яренскіе земскіе люди просили уволить соборнаго дьякона, котораго они обвиняли въ томъ, что «онъ пьетъ на кабакѣ безобразно и со многими людьми деретца и боретца и во время поминовенія родителей по многѣхъ домѣхъ бывалъ и за бороды диралъ и за горлы давливалъ». ²⁾ Точно также жаловалось и Устюжское земство на священника церкви при земской богадѣльнѣ, Аонасія, котораго обвиняли тоже въ пьянствѣ и «нерадѣніи». ³⁾

Земскому обществу, наконецъ, принадлежалъ надзоръ за неправнымъ совершеніемъ соборнымъ причтомъ общественныхъ моленій: крестныхъ ходовъ, молебновъ и т. д. Такъ, Велико-Устюжское земство обратилось съ челобитной къ архіепископу, гдѣ просило его приказать соборному причту совершать крестные ходы въ извѣстное мѣсто города, какъ «изстари повелось.» ⁴⁾

Обладая такими важными правомочіями въ церковной жизни даннаго уѣзда, земское общество, естественно, должно обладать и органами, выражавшими его волю.

¹⁾ Р. И. Б. т. XIV, стр. 401.

²⁾ Р. И. Б. т. XII, № ССXXXI, стр. 1067—1070.

³⁾ Р. И. Б. т. XII, № ССCLXV, стр. 1322,

⁴⁾ Р. И. Б. т. XII, № СXXIV, стр. 513.

Въ виду полнаго соединенія церковныхъ дѣлъ съ мірскими и въ виду аналогіи, которую мы наблюдали между приходомъ-уѣздомъ и обыкновенной приходской общиной, гдѣ выразителемъ мірской воли являлся мірской сходъ, мы, естественно, должны ожидать, что такимъ органомъ въ уѣздѣ являлось учрежденіе, ему соотвѣтствующее,—именно, земскій совѣтъ, состоящій изъ представителей уѣзднаго блага и чернаго духовенства, посадскихъ и волостныхъ общинъ, и компетентное во всѣхъ земскихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и церковныхъ ¹⁾.

Изучая челобитныя по церковнымъ дѣламъ отъ лица уѣзднаго земства, мы однако замѣчаемъ усиленіе обыкновеннаго состава прикладывающихъ къ челобитнымъ руку—рядовымъ духовенствомъ, никогда не считавшимся представителями всего уѣзднаго духовенства, приходскими людьми, посадскими даннаго уѣзднаго города и т. д. Затѣмъ, нѣкоторыя челобитныя были подписаны исключительно земскими людьми, безъ участія духовенства, другія, наоборотъ, подписаны подавляющимъ количествомъ духовенства, лишь при единичныхъ подписяхъ земскихъ представителей. Отсюда вытекаетъ, что представительство земскаго совѣта по церковнымъ дѣламъ носило безформальный характеръ ²⁾.

Земскій совѣтъ осуществлялъ все, выше указаннаго, правомочія земскаго общества. Онъ выбиралъ причтъ или представлялъ кандидатовъ въ члены причта соборныхъ и ружныхъ церквей, избиралъ церковныхъ и ружныхъ старостъ, обращался со всѣми челобитными къ государственной и церковной власти и, если онъ былъ правомоченъ, распоряжался тѣми или иными соборными дѣлами. Въ томъ же случаѣ, когда это представлялось необходимымъ, земскій совѣтъ избиралъ и земскихъ посылщиковъ, ходатаевъ и представителей на судѣ, защищавшихъ интересы земства и уѣздной церковной общины. Однимъ словомъ, все мѣропріятія, касающія прихода-уѣзда, исходили изъ земскаго совѣта, являвшагося такимъ образомъ, всеобщимъ уѣзднымъ органомъ, компетентнымъ во всѣхъ сторонахъ земской жизни.

¹⁾ Богословскій, т. I, стр. 223—236.

²⁾ См., напр., Р. И. В. т. II, № LXXXV, стр. 382 и № LXXXVI, стр. 383.

Но земское общество успѣло создать особые спеціальные церковные органы, дѣйствующіе въ томъ случаѣ, когда непосредственная компетенція земскаго совѣта являлась невозможной. Этими уѣздными церковными органами являлись всеуѣздные старосты церковные и ружные старосты.

Въ виду недостатка источниковъ, очень трудно опредѣлить функціи всеуѣздныхъ старостъ церковныхъ, этого своеобразнѣйшаго института Сѣверной церковной жизни. Несомнѣнно лишь то, что такой староста являлся представителемъ приходскихъ общинъ предъ лицомъ церковной и государственной власти, такъ какъ въ челобитной, гдѣ единственный разъ и встрѣчается его имя, и поданной Сысольскими волостями, по поводу превращенія мірекой церкви въ монастырь, онъ назывался «земскихъ храмовъ всеуѣздныхъ старостой церковнымъ»; лишь по аналогіи можно заключить съ нѣкоторой долей вѣроятности, что онъ являлся соборнымъ старостой и завѣдывалъ сборомъ и выдачей земской руги ружнымъ церквамъ ¹⁾.

Что же касается ружныхъ старостъ, вѣроятно, существовавшихъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ не было всеуѣздныхъ церковныхъ старостъ, которыхъ они, повидимому, замѣняли, то они избирались земскимъ совѣтомъ изъ числа «случившихъ» людей, изъ которыхъ обыкновенно выбиралась таможенныя и кабацкія головы ²⁾. Ружные старосты безконтрольно, по своему усмотрѣнію, ассигновывали нужное количество ружныхъ денегъ, разрубали эту сумму по волостямъ и посадекимъ общинамъ и выдавали ругу лицамъ, завѣдывавшимъ соборнымъ хозяйствомъ, не связанные отчетностью ни передъ земскимъ совѣтомъ ни передъ духовенствомъ ружныхъ церквей. Ружные старосты, благодаря особому положенію ихъ и безконтрольной дѣятельности, не встрѣчали довѣрія со стороны земскаго общества; такъ, Устюжское земство жалуется, что ружные старосты «многими деньгами завладѣли и не считаны долгое время» ³⁾. И мало по малу институтъ ружныхъ старостъ былъ

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, № ССLV, стр. 1217.

²⁾ Ружный староста Велико-Устюжскаго уѣзда, Григорій Мыльниковъ былъ впоследствии таможеннымъ и кабацкимъ головой.

³⁾ Р. И. Б. т. XII, № LV, стр. 253.

уничтоженъ почти во всѣхъ уѣздахъ, перешедшихъ къ другому порядку сбора ружныхъ денегъ, именно, къ передачѣ ружной повинности въ вѣденіе таможеннаго и кабацкаго головы, которому вмѣнялось въ обязанность хранить у себя въ таможи ружныя деньги и вести приходо-расходныя книги по этой повинности. Въ Устюжскомъ уѣздѣ обстояло дѣло нѣсколько иначе, именно, ружные старосты были тамъ поставлены подъ контроль таможеннаго головы; ружные старосты только лишь собирали ружныя деньги съ уѣздныхъ богомольцевъ, разрубали эти деньги и передавали ихъ на храненіе таможенному и кабацкому головѣ, причѣмъ поступающія суммы они заносили въ приходо-расходныя книги. Этими ихъ обязанности и ограничивались. Хранить же собранную сумму ружныхъ денегъ и выдавать по спеціальнымъ ассигновкамъ лицамъ, завѣдывавшимъ соборнымъ хозяйствомъ, таможенный голова ¹⁾; этотъ, наиболее цѣлесообразный, порядокъ и былъ закрѣпленъ царскими указами и грамотами ²⁾.

3.

Особое положеніе соборныхъ церквей, какъ учреждений, выражавшихъ церковное единство уѣздныхъ богомольцевъ, обусловило цѣлый рядъ привилегій; эти привилегіи относились и къ собору, какъ учрежденію, и къ соборному духовенству, какъ корпораціи.

Къ привилегіямъ перваго рода слѣдуетъ отнести выдачу *земской руги*, что является характернѣйшимъ для Сѣвера явленіемъ, такъ какъ въ другихъ областяхъ напр., въ Новгородѣ и въ Москвѣ, руга выдавалась обыкновенно изъ казны царскимъ иждивеніемъ. Весьма возможно, что принятіе земствомъ ружной повинности ведетъ свое начало, со времени пожалованія краю земскаго самоуправленія.

Руга есть денежное вспомоцествованіе, со стороны земскаго общества, соборнымъ и ружнымъ церквамъ на предметы, употребляемые при богослуженіяхъ, т. е. на вино, воскъ, масло и

¹⁾ Р. II. В. т. XII, № XLIX, стр. 231.

²⁾ Р. II. В. т. XII, № LV, стр. 254.

ладанъ, выдаваемое не въ опредѣленныхъ на каждую церковь суммахъ, а сообразно потребностямъ ¹⁾. Ружныя же деньги собирались съ богомольцевъ всего уѣзда, съ какой-нибудь единицы земельного обложенія и по образцу любой земской повинности, т. е. принудительно. Такъ, въ Шенкурскѣ ружныя деньги собирались съ обжи (по 2 деньги), хотя сборъ этотъ, повидимому, утратилъ принудительный характеръ, что видно изъ челобитной протопопа, жалующагося на неакуратное поступленіе ружныхъ денегъ со стороны земскаго міра:

«Въ прошлыхъ годѣхъ... выборные прикащики... збирали въ церковную казну пообезныя деньги... безъ доимки по вся годы, а нынѣ де пообезныя деньги учинились не всё въ зборѣ, а хлѣба де съ обезъ въ казну ничего не збиралось». ²⁾.

Нужно замѣтить, что ружная повинность была слишкомъ анахронистическимъ сборомъ, даже въ окаменѣвшемъ финансовомъ строѣ Московскаго государства. Двухъ-вѣковое существованіе этой привилегіи нѣкоторыхъ церквей не находило оправданія: ружныя деньги не были необходимой поддержкой соборамъ и нѣкоторымъ городскимъ церквамъ, богатѣйшимъ учрежденіямъ, сосредоточившимъ въ своихъ рукахъ большое количество земель и скончившимъ церковную казну, иногда очень значительную; напротивъ, для уѣздныхъ богомольцевъ, обремененныхъ поборами, ружная повинность была слишкомъ тяжелымъ бременемъ. И не удивительно, что земскія организациі вошли, наконецъ, съ ходатайствомъ къ центральному правительству о прекращеніи этого сбора, что и было разрѣшено по царскому указу (въ концѣ XVII в.) ³⁾.

Другой привилегіей соборовъ является принятіе и храненіе «соборныхъ» явockъ, подаваемыхъ и адресуемыхъ въ соборъ отъ всѣхъ уѣздныхъ людей. Первоначально явки, подъ которыми понималось объявленіе о какомъ-нибудь юридическомъ фактѣ, сдѣлкѣ или правонарушеніи, подавались въ трапезѣ каждой приходской церкви, а не только въ соборныхъ церквахъ. Но признаніе за

¹⁾ Р. II. Б. т. XII, № LXIV, стр. 274.

²⁾ Р. II. Б. т. XIV, № CLXXXVIII, стр. 450—451.

³⁾ Р. II. Б. т. XII, № CCXLIV, стр. 1140.

ними офіціального значенія повлекло за собою, со стороны уѣзднаго общества и правительственной власти, стремленіе сосредоточить храненіе ихъ въ одномъ центральномъ мѣстѣ каждаго уѣзда, т. е. въ уѣздномъ городѣ и соборной церкви; здѣсь подъ явкой стало подразумѣваться лишь объявленіе о какомъ-нибудь правонарушеніи. Приходскія «трапезныя» явки сохранились и до XVIII в. на Сѣверѣ, но онѣ были лишены офіціального значенія и касались лишь мелкихъ приходскихъ или волостныхъ дѣлъ, напр., о потрабѣ полей, сѣнокосовъ и т. д. ¹⁾

Соборныя явки писались на имя архіепископа ²⁾, или же соборнаго протопопа ³⁾, что было очень рѣдко, или, наконецъ, на имя государя; ⁴⁾ соборный же причтъ—протопопъ или ключарь, принималъ данную явку, регистрировать и хранилъ ее въ церковномъ архивѣ.

Особое привилегированное положеніе соборныхъ церквей обуславливало и цѣлый рядъ преимуществъ, которымъ пользовалось соборное духовенство, въ общественной и церковной жизни. Не говоря уже о томъ, что соборный протопопъ и ключарь являлись органами церковно-административнаго округа, именно, округа «заказчика церковныхъ дѣлъ» или «дозорника», соборная «братія» являлась представительницей, какъ городского духовенства, такъ и уѣзднаго, представительницей духовенства, какъ особаго сословія, къ этому времени уже народившагося, и передъ земскими организациями, и передъ церковной, и передъ государственной властью. Земское общество искало сочувствія среди соборнаго духовенства въ каждомъ, болѣе или менѣе, сложномъ и важномъ общественномъ дѣлѣ и добивалось подписей подъ челобитными вліятельныхъ протопоповъ и ключарей и проч. соборной братіи.

Соборный причтъ пользовался важными преимуществами и литургическаго характера: издавна, по пожалованнымъ грамотамъ Новгородскихъ митрополитовъ и Ростовскихъ архіепископовъ, соборному духовенству было даровано право освящать новоостроен-

¹⁾ А. Л. П. № ССVI, стр. 135.

²⁾ Р. И. Б. т. XXV. Явка № 16, стр. 17.

³⁾ Напр., Ibid. Явка № 14, стр. 15 и т. д.

⁴⁾ Напр., Ibid. Явка № 45 и т. д.

ныя церкви въ данномъ уѣздѣ¹⁾. Лишь по особому распоряженію архіепископа, они освобождались отъ этой обязанности, за что получали, такъ называемыя, «столовыя» деньги изъ средствъ церкви, которая въ этомъ случаѣ освящалась поповскими старостами. Тѣми же грамотами было даровано другое право соборному причту, именно, право соборовать всѣхъ городскихъ обывателей²⁾. Эти старыя привилегіи впрочемъ стали мало по малу забываться, и новоназначенные архіепископы подтвердили ихъ особыми указами³⁾.

Наконецъ, соборной братіи принадлежали важныя преимущества и, такъ сказать, экономическаго характера: именно, соборной братіи или особые сборы съ церковныхъ учреждений, напр, съ уѣздныхъ монастырей взимался особый «праздничный» сборъ (отъ 6 до 26 алт.). Были обложены и поповскіе старосты, такъ называемыя «ставленными» деньгами (отъ 16 алт. до 1 р.) и, наконецъ, въ пользу соборной братіи взимались такъ называемыя, «столовыя деньги»⁴⁾.

Характерно еще то обстоятельство, что кафедральныя соборы, напр., Великоустюжскій, пользовались особыми преимуществами среди другихъ соборныхъ церквей: указанные сборы они взимали не только въ предѣлахъ даннаго церковнаго округа, но и въ другихъ уѣздахъ, напр., въ Тотемскомъ, Сольвычегодемскомъ и т. д.⁵⁾

4.

На почвѣ, указаннаго выше, переплетенія церковныхъ и мірскихъ дѣлъ въ одно цѣлое, приведшаго къ образованію земской церковной общины—прихода-уѣзда, и на почвѣ представленія о единомъ уѣздномъ мірѣ выработалось среди земскаго общества и другое интересное представленіе—представленіе о земскихъ храмахъ. Земскими храмами назывались церкви, выстроенныя міромъ,

¹⁾ Р. II. Б. т. XII, № СXXXIX, стр. 570.

²⁾ Ibid., стр. 570.

³⁾ Ibid., стр. 570.

⁴⁾ Р. II. Б. т. XII, № ССXXXIX, стр. 1118.

⁵⁾ Ibid., стр. 1118.

мірскимъ иждивеніємъ, находившіяся въ автономномъ завѣдываніи міра. Это понятіе, главнымъ образомъ, выработалось для обозначенія указанного рода церквей, въ отличие отъ монастырей, находившихся въ большомъ антагонизмѣ съ земскими мірами и возбуждавшихъ рѣзкое недовольство со стороны земскаго общества, постоянно жалуясь на земскихъ «горлановъ и ябедниковъ». Этотъ антагонизмъ поддерживался постояннымъ увеличеніемъ земельныхъ монастырскихъ имуществъ и ихъ безразличіемъ къ земскому дѣлу, граничащему съ явной оппозиціей.

Не входили въ разрядъ земскихъ церквей и церкви вотчинниковъ, которыя, не являясь «мірскимъ строеніемъ», не были въ завѣдываніи міра и считались собственностью вотчинника. Такъ, появилась идея о земской церкви, правда не выраженная въ какой-нибудь «теоріи», но инстинктивно признаваемая представителями земскаго самоуправления и мірскими людьми.

Какія же требованія предъявляли земскіе представители къ земскимъ храмамъ? Въ спорѣ между Устюжскимъ земствомъ и Велико-Устюжскимъ архієпископомъ Александромъ эти земскія требованія обнаружались. По мнѣнію Григорія Мыльникова, выдающагося представителя земской партіи на Сѣверѣ, мірскія церкви должны находиться въ завѣдываніи міра: причтъ долженъ быть выборный, а земля церковная должна принадлежать церкви, а отнюдь не Архієрейскому Дому, распоряженіе же церковными имуществами прихожанамъ. Вотъ идеалы земской церкви ¹⁾. И нужно замѣтить, что земство эти взгляды поддерживало. Оно имѣло себѣ въ обязанность защищать міры отъ посягательствъ на автономію всѣхъ земскихъ храмовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отъ кого бы то они не исходили.

Всякое нарушеніе приходской автономіи со стороны частнаго лица, напримѣръ, вотчинника, посягавшаго на завѣдываніе какой-нибудь церкви—«мірскаго строенія», немедленно же вызывало отпоръ со стороны земскихъ организацій. Міръ, т. е. отдѣльная религіозная община, не имѣлъ ни средствъ, ни силъ защищать свою собственность-церковь. Земство же, какъ общественная организація, было, конечно, вліятельнѣе; въ средѣ зем-

¹⁾ Р. II. Б. т. XII, № ССLIX, стр. 1233.

скихъ дѣятелей могли найтись знатоки права, стойкіе борцы за земское самоуправленіе. Такъ, Устюжское земство судилось съ иѣкинъ крестьяниномъ Ожеговымъ, неправильно завладѣвшимъ храмомъ—мірекимъ строеніемъ, и очень долго защищавшимся противъ притязанія мірянъ отобрать отъ него церковь ¹⁾).

Точно также земство охраняло отдѣльные міры отъ неправильныхъ, съ точки зрѣнія мірекихъ людей, распоряженій архіепископовъ. Такъ, Сысольское земство, въ лицѣ уѣзднаго земскаго церковнаго старосты, протестовало противъ намѣренія архіепископа мірекую церковь («земскій храмъ») превратить въ монастырь ²⁾).

Наконецъ, земское общество, защищавшее міры отъ посягательствъ на автономію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, тѣмъ болѣе должно оказывать сопротивленіе проведенію реформъ со стороны новоназначенныхъ Сѣверныхъ архіепископовъ, которымъ, по соборному опредѣленію 1682 года, вмѣнялось въ обязанность въ корнѣ разрушить автономный строй сѣверныхъ приходовъ и привести въ соотвѣстствіе съ порядками, существовавшими въ остальной Россіи. Эти реформы проводились примомисійно, безъ всякихъ уступокъ земскому міровозрѣнію, имѣя въ виду интересы Архіепископскаго Дома.

Мы не находимъ возможнымъ подробно прослѣдить реформаторскую дѣятельность новоназначенныхъ архіепископовъ, такъ какъ этому вопросу посчастливилось въ церковно-исторической литературѣ; именно, мы имѣемъ монографію Верюжекаго, тщательнао изучившаго дѣятельность одного изъ главныхъ дѣятелей этой реформы, именно Анастасія, архіепископа Холмогорскаго и Вадскаго и мы лишь укажемъ существенныя черты этой реформы.

Желая реформировать на сѣверѣ приходскій строй архіепископы, первымъ долгомъ, постарались уничтожить приходскую автономію, съ выше указанными правомочіями міра—правомъ найма и выбора церковныхъ старостъ и причта, ограничить

¹⁾ Р. II. В. т. XIV. № LXIX, стр. 1153.

²⁾ Р. II. В. т. XII, № CCLV, стр. 1213.

вмѣшательство мірскихъ людей въ церковно-хозяйственныя дѣла и вообще отдѣлить приходъ отъ волости ¹⁾). Выборъ причта и старостъ теперь подлежалъ надзору архіепископа и требовалъ его утвержденія ²⁾). Была переписана церковная и часовенная казна, причемъ была уничтожена церковная и экономическая самостоятельность часовень ³⁾, теперь приписанныхъ къ церкви; церковныя же прикащики, какъ теперь назывались церковныя старосты, были связаны строгой ежегодной отчетностью предъ епархіальной властью, въ лицѣ архіепископскихъ приказовъ ⁴⁾). Были приняты мѣры относительно умственного и нравственного уровня приходскаго духовенства и прихожанъ и т. д. Однимъ словомъ, всѣ своеобразныя черты приходскаго сѣвернаго строя, представлявшаго столько интереса, были уничтожены и приведены въ соотвѣтствіе съ порядками, существовавшими въ остальной Россіи.

Но эта реформа проводилась неодинаково успѣшно, что, конечно, зависѣло отъ личнаго характера и административнаго опыта поставленныхъ во главѣ реформы, лицъ. Какъ упоминаютъ, та область, приходскую жизнь которой мы разсмотрѣли, вошла въ составъ двухъ новоучрежденныхъ епархій—Холмогорской и Великоустюжской. Въ Холмогорскую былъ назначенъ Аѳанасій, человѣкъ рѣшительный, энергичный, хорошо понявшій чего, именно, требовала отъ него высшая церковная власть, посылая его на Сѣверъ, и быстро освоившійся съ ролью реформатора. Въ Великій Устюгъ былъ посланъ преосвященный Геласій, повидимому, не обладавшій рѣшительностью и энергіей, боявшійся навлечь на себя неудовольствіе земскаго общества, особенно вліятельнаго въ В. Устюгѣ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ бюрократическаго характера ввести новые порядки въ своей епархіи, но не имѣлъ успѣха. Когда же, послѣ его смерти, былъ назначенъ преосвященный Александръ, то ему пришлось доканчивать реформы Геласія, беря примѣръ съ архіепископа Аѳанасія, къ этому времени завер-

¹⁾ Верюжскій, стр. 215—216.

²⁾ Ibid., стр. 233.

шившаго свои реформы. Преосвященнымъ Александромъ была также переписана церковная и часовенная казна, уничтожена приходская автономія и т. д.

Но здѣсь Велико-Устюжское земство, воспитанное на вѣковой земской и церковной автономіи и между другими земствами выдѣлявшееся яснымъ сознаниемъ своихъ правъ и энергичной защитой ихъ предъ лицомъ правительственной власти, завело съ преосвященнымъ Александромъ долготѣнній споръ, чрезвычайно характерный для Сѣвера, съ его автономіей, съ его живой самодѣятельностью. Онъ характеренъ и для бытовой и церковной жизни Сѣвера и для его церковно-общественныхъ взглядовъ, и мы на немъ остановимся подробно.

Уже спустя годъ, послѣ назначенія Александра, земскій всеуѣздный староста Балухевъ подалъ отъ лица Устюжскаго земскаго общества челобитную, гдѣ жаловался на вмѣшательство архіепископа въ церковно-имущественныя дѣла; обвинялъ также архіепископа обложившаго неосновательными поборами церкви и, подчиненное ему, духовенство ¹⁾, въ попустительствѣ злоупотребленіямъ своихъ приказныхъ, берущихъ взятки изъ церковной казны, а старость, имъ отказывающихъ, бьющихъ «на правехѣ и батоги нещадно».

Правительство, желая, чтобы намѣченные реформы приходскаго строя были проведены во чтобы то ни стало, конечно, не предвидѣло этихъ злоупотребленій, которыя были слишкомъ очевидны, и послало указъ, по которому «домовымъ приказнымъ людямъ» преосвященшаго Александра, «тѣхъ церковныхъ казенныхъ деревень половниковъ и церковнымъ старостамъ налогъ и сборъ чинить и въ церковные деревни вступать и вѣзжать не велено» ²⁾. Воспрещеніе арх. Александру вмѣшиваться въ церковно-имущественныя дѣла было равносильно воспрещенію реформировать приходскій строй, и земскіе представители, такимъ образомъ, одержали полную побѣду надъ епархіальною властью.

Но преосвященный Александръ въ слѣдующемъ, 1688-мъ, году обратился въ свою очередь съ челобитной, гдѣ, опровергая обви-

¹⁾ Р. II. В. т. XII, № 88, стр. 955—956.

²⁾ Ibid., стр. 956.

ненія земскихъ людей, жаловался на расхищеніе церковной казны церковными старостами:

«Церковные старосты прежнихъ лѣтъ воруютъ», говорилъ онъ. «и многую денежную и хлѣбную и сѣнную казну свойственнымъ людямъ и друзьямъ своимъ и хлѣбоѣдцамъ въ долги и кабалы и безкобално раздавали многіе тысячи и сами корыстовались» ¹⁾.

Тогда, согласно боярекому приговору, была послана грамота въ В.-Устюгъ, въ которой было приказано немедленно взыскать розданную церковную казну; мѣропріятія архіепископа Александра были одобрены, хотя и было разрѣшено быть «у церкви старостамъ во всемъ попрежнему, какъ у нихъ изстари повелось» ²⁾,

Такимъ образомъ, споръ архіепископа съ земскими людьми не былъ законченъ, такъ какъ прежніе порядки, именно, безотчетность церковныхъ старостъ, были оставлены безъ измѣненія. Естественно, что обѣ стороны не могли быть довольными боярекимъ приговоромъ, а тѣмъ болѣе архіепископъ, которому въ вводимыхъ реформахъ противодействовали, главнымъ образомъ, церковные старосты. И дѣйствительно, споръ возгорѣлся съ новой силой. Земское общество, въ лицѣ лучшихъ земскихъ представителей, вліятельныхъ на Сѣверѣ гостей и вотчинниковъ---Василія Груддына и Григорія Мылъникова, опытнаго земскаго дѣятеля, о которомъ говорили, что «изъ лучшихъ мірскихъ людей старѣе сво Гринки и съ кѣмъ спросится нѣтъ», поддержанное сочувствіемъ Устюжскаго воеводы Ивана Кикина и, вѣроятно, нѣкоторыми вліятельными при дворѣ лицами, въ 1692 году подало новую челобитную на преосвященнаго Александра ³⁾.

Къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя они предъявляли архіепископу въ своей первой челобитной, они прибавили рядъ новыхъ. Они протестовали противъ запрещенія отдавать церковную казну въ займы прихожанамъ, они указывали, что преосвященнымъ Александромъ, такъ называемыя, подчеревныя деньги собираются съ такой жестокостью, что многія «жонки», желая избавиться отъ приказныхъ вымогательствъ, наговариваютъ на пожиточныхъ людей, у кото-

¹⁾ Р. И. Б. т. XII, NCC, стр. 961—965.

²⁾ Ibid., стр. 967--968.

³⁾ Р. И. Б. т. XII, № CCLIX, стр. 1234.

рыхъ затѣмъ архіерейскіе приказные «вымучиваютъ себѣ рублевъ по шести и по десяти и больше», что тѣ женщины, которыя не могутъ вылатить этого сбора, «младенцевъ погубляютъ и въ рѣки мечутъ»; точно также по мнѣнію земскихъ представителей, лишніи деньги взимаются при сборѣ за вѣчные памяти и т. д. 1).

Архіепископъ Александръ энергично защищался; онъ обратился за содѣйствіемъ къ патріарху Андріану и вліятельнымъ боярамъ, напр., къ князю Юрію Ромодановскому и др. Вѣроятно, по его настоянію, была подана челобитная отъ всего Устюжскаго духовенства, опровергающая обвиненія земскихъ людей; затѣмъ, чтобы личнымъ своимъ присутствіемъ ускорить медлительность процесса, поѣхалъ въ Москву, но, не добившись рѣшенія, уѣхалъ обратно въ свою епархію 2). Но и вторичная челобитная окончилась неудачно для земскихъ людей. Правительство, оставивъ, повидимому, въ сторонѣ другіе вопросы церковнаго управленія, поддержало реформы архіепископа въ церковно-имущественной области. Въ 1697 году на Устюгъ была послана грамота, по которой преосвященному Александру вмѣнялась въ обязанность переписать церковную казну всѣхъ приходскихъ церквей, находящихся въ его епархіи. Эту перепись, скрѣпленную руками архіерейскихъ приказныхъ и приходскихъ старостъ, было приказано выслать въ Приказъ Большого Дворца; розданныя же деньги и, взятый въ ссуду, хлѣбъ приказано было доправить на «займицахъ» и церковныхъ старостахъ, въ случаѣ ихъ несостоятельности 3).

Несомнѣнно, что этотъ долготлѣнный споръ между земскими людьми и духовенствомъ повліялъ на взаимныя отношенія спорящихъ сторонъ. Исполненіе царскаго указа о правехѣ денегъ было ознаменовано излишними жестокостями, которыми особенно выдѣлился Варлаамъ, игуменъ Николаевскаго Прилуцкаго монастыря: Варлаамъ при описи церковнаго имущества собиралъ въ трапезу всѣхъ крестьянъ, «сковывалъ по два человека въ ножныя желѣза, а иныхъ билъ смертнымъ правезомъ и въ трапезѣ заиралъ замкомъ и морилъ голодомъ» 4). Вѣроят-

1) Р. И. Б., т. XII, № ССLIX, стр. 1272 и далье.

2) Ibid., стр. 1290.

3) Р. И. Б., т. XII, № ССLVIII, стр. 1342—1343.

4) Р. И. Б., т. XII, № ССLXXXVI, стр. 1443

но, такъ «доправляли» и другіе приказные преосвященнаго Александра.

Этотъ правекъ, съ взятками, «съ мученьемъ» и т. д., былъ настоящимъ бѣдствіемъ для имущественно слабыхъ крестьянъ, готовыхъ ежечастью потерять хозяйственное равновѣсіе, и, какъ отъ всякаго бѣдствія, они должны были прибѣгнуть къ типично-крестьянскому способу избавиться отъ него, именно, «брести врознь».

Земство, подавленное указами правительства и преслѣдованіями лучшихъ и энергичныхъ его представителей, напр., Мыльниковъ, рѣшило протестовать противъ этихъ жестокостей. Оно избрало другой путь, именно, свою челобитную оно направило чрезъ воеводу Велико-Устюжскаго Ивана Кикина, стоявшаго на сторонѣ земскаго общества ¹⁾. Кикинъ передалъ земскую челобитную и уже въ 1698 году была получена грамота, по которой было разрѣшено Устюжскимъ «приходскимъ людямъ, какъ бывало изстари церкви Возкін строить и во великомъ ихъ украшеніи и благолѣпін церковномъ держать и считатца въ церковныхъ доходѣхъ и въ расходѣхъ имъ межъ собою самимъ по приходомъ; и воеводѣ нашему и тебѣ, богомольцу нашему и домовымъ твоимъ людямъ тѣхъ ихъ церковныхъ деревень нарушивать и въ тѣ ихъ доходы вступатца и въ своей архіерейскій домъ превращать не велѣно» ²⁾.

Казалось, что земство, по этому указу, выиграло долготѣній споръ съ преосв. Александромъ, такъ какъ правительствомъ воспрещено енархіальной власти вмѣшиваться въ приходскія дѣла. Но правительство, подтверждая приходскія привилегіи Устюжанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ требовало исполненія другого указа, именно, о перенесіи церковной казны и правекѣ розданныхъ денегъ съ заимщиковъ и церковныхъ старость ³⁾.

Такимъ образомъ, долготѣній споръ земства съ преосв. Александромъ не привелъ къ какому-нибудь положительному результату. Онъ перешелъ и въ XVIII-ый вѣкъ, гдѣ земскіе интересы встрѣтились съ государственными и, конечно, должны были отступить предъ послѣдними.

¹⁾ Р. И. В. т. XII, № ССLXXXVI, стр. 1443.

²⁾ Ibid. стр. 1446—1447.

³⁾ Р. И. В. т. XII, № ССLXXXIX, стр. 1462—1466.